

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2014

2 (20)

Калининград
Издательство
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
2014

БАЛТИЙСКИЙ

РЕГИОН

2014

2 (20)

Калининград:
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2014.
156 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность:
4 номера в год
на русском
и английском языках

Учредители:

Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция

Адрес: 236041, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14.

Выпускающий редактор:
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
Тел.: +7 4012 59-55-43
Факс: +7 4012 46-63-13
www.journals.kantiana.ru

Точка зрения авторов
может не совпадать
с позицией
учредителей

© БФУ им. И. Канта, 2014

Редакционный совет

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., ректор БФУ им. И. Канта — сопредседатель (Россия); *К. К. Худoley*, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ — сопредседатель (Россия); *С. С. Артоболевский*, д-р геогр. наук, проф., зав. отделом экономической и социальной географии Института географии РАН (Россия); *В. Г. Барановский*, д-р ист. наук, проф., зам. директора ИМЭМО РАН (Россия); *Й. фон Браун*, директор Центра изучения развития, проф. Боннского университета (Германия); *К. Люхто*, проф., директор Пан-Европейского института высшей школы экономики, г. Турку (Финляндия); *В. А. Мау*, д-р экон. наук, проф., ректор РАНХиГС (Россия); *А. Ю. Мельвиль*, д-р филос. наук, проф., декан факультета прикладной политологии НИУ — ВШЭ (Россия); *Р. М. Нурев*, д-р экон. наук, проф., зав. кафедрой экономического анализа организаций и рынков департамента прикладной экономики НИУ — ВШЭ (Россия); *А. О. Чубарьян*, проф., акад. РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Редакционная коллегия

Г. М. Федоров, д-р геогр. наук, проф., директор Института природопользования, территориального развития и градостроительства БФУ им. И. Канта — сопредседатель (Россия); *Н. В. Каледин*, канд. геогр. наук, доц., декан факультета географии и геоэкологии СПбГУ — сопредседатель (Россия); *В. В. Воронов*, д-р социол. наук, ведущий исследователь Института социальных исследований, Даугавпилсский университет (Латвия); *Т. Р. Гареев*, канд. экон. наук, доц., проректор по развитию и инновационной деятельности БФУ им. И. Канта (Россия); *Ю. М. Зверев*, канд. геогр. наук, зав. кафедрой географии, природопользования и пространственного развития БФУ им. И. Канта (Россия); *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф. кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *Э. Кнатте*, д-р агрономии, руководитель направления «Региональная география Европы», Институт земледельческого хозяйства им. Лейбница, г. Лейпциг (Германия); *В. А. Колосов*, д-р геогр. наук, проф., зав. лабораторией геополитических исследований Института географии РАН (Россия); *Ю. В. Косов*, д-р филос. наук, проф., декан факультета международных отношений РАНХиГС (Россия); *Г. В. Кретинин*, д-р ист. наук, проф., проф. кафедры истории БФУ им. И. Канта (Россия); *Н. М. Межевич*, д-р экон. наук, проф. кафедры европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ (Россия); *Т. Пальмовский*, д-р географии, проф., зав. кафедрой географии регионального развития Гданьского университета (Польша); *Э. Спиряевас*, д-р географии, проф., директор Центра трансграничных исследований, Клайпедский университет (Литва); *А. Е. Шаститко*, д-р экон. наук, проф. кафедры прикладной институциональной экономики экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия).

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

BALTIC REGION

2014

2 (20)

BALTIC

REGION

2014

2 (20)

Kaliningrad:
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2014.
156 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:
4 issues
in the Russian and English
languages per year

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Saint Petersburg
State University

Editorial Office

Address: 14, A. Nevski str.,
Kaliningrad, Russia 236041

Executive secretary:
Tatyana Kuznetsova,
tikuznetsova@kantiana.ru
Tel.: +7 4012 59-55-43
Fax: +7 4012 46-63-13
www.journals.kantiana.ru

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

© I. Kant Baltic Federal
University, 2014

Editorial council

Prof. *Andrei Klemeshev*, rector of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (co-chair); Prof. *Konstantin Khudolei*, head of the Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia (co-chair); Prof. *Sergey Artobolevsky*, head of the Economic and Social Geography Unit, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. *Vladimir Baranovsky*, deputy director of the Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. Dr *Joachim von Braun*, director of the Center for Development Research (ZEF), Professor, University of Bonn, Germany; Prof. *Aleksander Chubaryan*, director of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Russia; Dr *Kari Liuhto*, director of the Pan-European Institute, Turku, Finland; Prof. *Vladimir Mau*, rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. *Andrei Melville*, dean of the Faculty of Applied Political Science, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof. *Rustem Nureev*, head of the Department of Economic Analysis of Organizations and Markets, National Research University — Higher School of Economics, Russia.

Editorial board

Prof. *Gennady Fedorov*, director of the Institute of Environmental Management, Territorial Development and Urban Construction, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (co-chair); Dr *Nikolai Kaledin*, dean of the Faculty of Geography and Geology, Saint Petersburg State University, Russia (co-chair); Dr *Timur Gareev*, head of the Department of Economics of the Firm and Markets, vice-rector for Innovative Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. *Mikhail Ilyin*, head of the Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr *Elke Knappe*, Leibniz Institute for Regional Geography, Leipzig, Germany; Prof. *Vladimir Kolosov*, head of the Laboratory for Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences; Prof. *Yuri Kosov*, dean of the Faculty of International Relations, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. *Gennady Kretinin*, Department of History, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. *Nikolai Mezhevich*, Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. *Tadeusz Palmowski*, head of the Department of Regional Development, University of Gdansk, Poland; Prof. *Andrei Shastitko*, Department of Applied Institutional Economics, Faculty of Economics, Moscow State University, Russia; Prof. *Eduardas Spiriajevas*, head of the Centre of Transborder Studies, Klaipeda University (Lithuania); Dr *Viktor Voronov*, Leading Research Fellow, Institute of Social Studies, Daugavpils University, Latvia; Dr *Yuri Zverev*, head of the Department of Geography, Environmental Management and Spatial Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

Демографические процессы

- Федоров Г. М.* Об актуальных направлениях геодемографических исследований в России..... 7
- Слука Н. А., Иванов Д. С.* Демографические рейтинги стран Балтийского региона..... 29
- Михальский Т.* Изменения естественного прироста населения в южной и юго-западных частях Балтийской Европы..... 46
- Мкртчян Н. В., Карачурина Л. Б.* Центры и периферия в странах Балтии и регионах Северо-Запада России: динамика населения в 2000-е годы 62

Актуальные вопросы миграции населения

- Емельянова Л. Л., Фидря Е. С.* Оценка рисков и возможностей реализации Программы оказания содействия добровольному переселению в Калининградскую область РФ соотечественников, проживающих за рубежом 81
- Гёлер Д., Кришьяне З., Берзиньш М.* Международная миграция в переходные и кризисные периоды на примере Латвии..... 97
- Зимовина Е. П.* Миграции и процесс трансформации полиэтничной структуры населения Калининградской области в постсоветский период.... 111
- Лялина А. В.* Опыт наднациональной политики интеграции мигрантов ЕС 128

Трудовые ресурсы

- Кретинин Г. В.* Трудовые ресурсы послевоенной Литвы и их использование при восстановлении Клайпеды..... 146

CONTENTS

Demography

<i>Fedorov G.</i> Current Issues in the Geodemographic Studies in Russia.....	7
<i>Ivanov D., Sluka N.</i> Demographic Ranking of the Baltic Sea States	29
<i>Michalski T.</i> Natural Increase in the Baltic South and South-West	46
<i>Mkrtychyan N., Karachurina L.</i> The Baltics and Russian North-West: the Core and the Periphery in the 2000s	62

Migration

<i>Yemelyanova L. L., Fidrya E. S.</i> Federal Repatriation Programme in the Kaliningrad region: an Assessment of Risks and Opportunities	81
<i>Göler D., Krišjāne Z., Bērziņš M.</i> International Migration in the Periods of Transition and Crisis: the Case of Latvia	97
<i>Zimovina E. P.</i> Migration and the Transformation of Multiethnic Population Structure in the Kaliningrad Region of the Post-Soviet Era.....	111
<i>Lyalina A. V.</i> Supranational Policy of Migrant Integration in the EU	128

Human resources

<i>Kretinin G. V.</i> Human Resources of Post-war Lithuania and Their Role in the Rebuilding of Klaipeda	146
--	-----

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

УДК 911.3

ОБ АКТУАЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ

Г.М. Федоров*

Рассматривается возникновение, развитие и современное состояние исследований геодемографической обстановки в СССР и РФ. Отмечена недостаточная изученность проблемы и неполное использование возможностей геодемографических исследований в регулировании регионального развития. Основная цель работы — показать важность геодемографической составляющей комплексных исследований региона для нужд регионального стратегического планирования и программирования, особенности геодемографической типологии субъектов РФ и необходимость дифференцированного подхода в регионах разного типа к геодемографическому регулированию. В процессе исследования на основе кластерного подхода выделены типы регионов РФ по особенностям естественного и миграционного движения населения; оценены взаимные корреляционные связи демографических, экономико-, социально-, расселенческо-, этно- и эколого-демографических показателей и перечислены принципиальные возможности регулирования геодемографической обстановки в зависимости от типологических особенностей регионов. Работа призвана привлечь внимание к дальнейшему развитию геодемографических исследований в России и повышению их роли в предплановых исследованиях на региональном уровне.

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта 236041, Россия, Калининград, Невского, 14.

Поступила в редакцию 20.02.2014 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2014-2-1

© Федоров Г. М., 2014

Ключевые слова: геодемография, геодемографическая обстановка, геодемографическая типология, стратегическое планирование, регион

Введение

Геодемография — научная дисциплина, развивающаяся на стыке ряда общественных наук, прежде всего демографии, экономики и социально-экономической географии. Она обеспечивает комплексное изучение региональных особенностей демографических процессов в их обусловленности как внутренними (демографическими), так и внешними (экономическими, расселенческими, социальными, этническими, экологическими, политическими) факторами. Геодемографические особенности регионов влияют на направления и темпы их социально-экономического развития, а возникающие диспропорции между состоянием населения в регионе и желательным ходом регионального развития могут значительно усугублять актуальные экономические и социальные проблемы, решение которых предполагается разрабатываемыми стратегиями и программами развития субъектов РФ. В данной статье анализируется возникновение, развитие и современное состояние геодемографических исследований в нашей стране, показаны сущность концепции геодемографической обстановки (ГДО), возможности комплексной геодемографической типологизации и сопоставления демографических и социально-экономических типов регионов. Оценена также теснота связи между общими показателями ГДО, отражающими различные ее функциональные подсистемы.

Развитие геодемографических исследований в СССР и РФ

Региональные демографические исследования в их связи с прочими социально-экономическими факторами (геодемографические исследования) начали активно развиваться в нашей стране в 1960-е гг., когда, с одной стороны, были получены данные Всесоюзной переписи населения 1959 г., а с другой — в ряде регионов стали возникать различные экономико-демографические проблемы. Они были связаны в основном с диспропорциями между наличием трудовых ресурсов и потребностью в них. Перепись 1970 г. дала дополнительный стимул к исследованиям в условиях нарастания экономико-демографических проблем. В 1980-е гг. активнее стали изучаться и региональные социально-, расселенческо-, эколого-демографические проблемы, острота которых все более возрастала. Постепенно складывались основы научной концепции геодемографической обстановки и происходило становление геодемографии как научной географической дисциплины [1—4; 7; 20—25].

Но в 1990-е гг. геодемографические исследования в России стали довольно редкими и не получали дальнейшего теоретического обоснования. Отчасти это связано с общим кризисом теории отечественной экономгеографии в период перехода от административно-командной системы к рыночным отношениям. Другой важный фактор — в целом ослабление внимания к демографическим процессам и их территориальной дифференциации на фоне системного кризиса экономики и нарастания многочисленных социальных и политических проблем развития страны и ее регионов.

Однако к концу 1990-х гг. усилившаяся в большинстве российских регионов депопуляция, старение населения, высокая заболеваемость и низкая продолжительность жизни, плохо контролируемые миграционные потоки и формирование значительного контингента нелегальных мигрантов, неуправляемый рост мегаполисов и деградация села оказались настолько важными негативными факторами развития экономики и социальной жизни страны, что игнорировать их стало невозможно. В 2001 г. Правительство РФ утвердило Концепцию демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г. [8]. На правительственном уровне принимаются решения по стимулированию рождаемости (например, в 2007 г. решено, что при рождении второго и последующих детей создается «материнский капитал») и привлечению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом. Старение населения и рост демографической нагрузки на его трудоспособную часть вызывает обсуждение вопроса об увеличении пенсионного возраста. Значительны территориальные различия демографических процессов, влияющие на формирование трудовых ресурсов и реализацию социальной политики в регионах. Но единой политики регулирования населения и трудовых ресурсов, тем более соответствующей региональной политике, пока не создано. А в субъектах Федерации (не говоря уже о муниципальном уровне) экономико-демографический фактор играет крайне малую роль в формировании стратегий и программ регионального развития, что в числе других факторов (включая отсутствие комплексного геосистемного подхода к планированию развития территории) обуславливает сложность, а часто и невозможность их реализации.

С конца 1990-х гг. в экономической и экономико-географической литературе вновь стали появляться серьезные публикации геодемографического характера [5—7; 9—13; 19], выполнен ряд диссертационных исследований, использующих в качестве методологической основы комплексный анализ взаимосвязи демографических и прочих социально-экономических процессов, включая кон-

цепцию ГДО¹. В университетах появляются учебные курсы по геодемографии [15; 16]. Можно надеяться, что такие исследования станут расширяться и углубляться и это послужит основой для необходимых изменений в отношении к роли геодемографии в комплексных региональных исследованиях, к оптимизации ГДО и обеспечению ее всестороннего учета в регулировании регионального развития.

Понятие геодемографической обстановки

Геодемографическая обстановка есть совокупность отношений между демографическими и всеми прочими компонентами региона. Она соединяет его экономическую, социальную, расселенческую и другие функциональные подсистемы (этносистему, социозкосистему) с демографической и включает демографические процессы и структуры, а также экономико-, социально-, расселенческо-, этно-, эколого-демографические связи (отношения). Наиболее общие категории ГДО: демографические — естественное и миграционное движение, возрастно-половая структура населения; экономико-демографическая — трудовые ресурсы; социально-демографические — демографическое и миграционное поведение; расселенческие — плотность населения и урбанизированность; этнодемографическая — этнический состав населения с его демографическими различиями; эколого-демографическая — состояние здоровья населения. Они определяются многочисленными факторами: демографическими, экономическими, социальными, расселенческими, этническими, экологическими и другими, обуславливающими региональную дифференциацию ГДО.

По мнению автора, то, что называется *устойчивым развитием*, — динамичное и сбалансированное развитие региона — как раз и характеризуется не столько экономическими или социальными показателями, сколько геодемографическими. Рассмотрим это утверждение на примере экономико- и социально-демографических связей ГДО.

¹ Диссертации: на соискание ученой степени доктора экономических наук — А.В. Гладышев (2005); кандидата экономических наук — Т.Н. Миназева (1998), О.Л. Петрякова (2003), В.Ф. Попов (1998); Т.Б. Турищева (2004), Д.Г. Федоров (2010); кандидата географических наук — А.А. Еремин (2011), Е.И. Зорина (2002), Т.Ю. Кузнецова (2008), Д.Н. Липухин (2001), Т.Г. Родионова (2003), Н.В. Старкова (2010), В.В. Уставщиков (2003), Л.Ю. Чекменёва (2009), Е.П. Филина (2007) и др.

Действительно, трудовые ресурсы как экономико-демографическая категория ГДО через потребность в них и обеспеченность ими связаны с экономической подсистемой региона (уровнем, структурой, темпами развития экономики), а посредством воспроизводства населения (расширенного, простого, суженного) — с демографической подсистемой, характеризующейся определенной возрастно-половой структурой, воспроизводством населения и его миграционным движением. Синтетическим показателем, отражающим указанные взаимосвязи, является баланс трудовых ресурсов. Высокие темпы экономического развития (которые чаще всего рассматриваются как признак успешного развития всего региона) при диспропорциональном балансе трудовых ресурсов приводят в конечном счете к возникновению разнообразных и часто непреодолимых противоречий в развитии региона или даже страны в целом.

Аналогичным образом социально-демографические категории — демографическое и миграционное поведение — характеризуют соотношение между социальной подсистемой региона с определенным уровнем и качеством жизни населения, с одной стороны, и темпами естественного воспроизводства населения, миграционной подвижностью и результативностью миграций — с другой. В данном случае можно говорить о своего рода социально-демографическом балансе. Нынешняя социально-демографическая ситуация в большинстве российских регионов отличается демографическим поведением, нацеленным преимущественно на однодетную семью (часто даже только с одним родителем, обычно матерью), при низкой миграционной мобильности (и одновременно с довольно высокой результативностью миграций), при положительном сальдо миграции с большинством постсоветских стран и отрицательном — с экономически развитыми странами дальнего зарубежья. Сложившаяся ситуация ни в социальном, ни в демографическом отношении не может оцениваться как оптимальная и отражает состояние как социального, так и демографического кризиса в стране в целом и ее регионах в частности.

Что касается оценки самих демографических процессов и структур, то нельзя считать нормальным ни суженное, ни весьма расширенное естественное воспроизводство населения, ни миграционный отток в условиях суженного воспроизводства населения и трудовых ресурсов, ни приток населения при расширенном их воспроизводстве, ни существенные возрастно-половые диспропорции. Необходимо обоснование мер оптимизации демографических процессов и структур на всех иерархических территориальных уровнях. Более того,

достижение такой оптимизации должно стать одним из важнейших целевых показателей регионального развития — наряду с экономическими, социальными и экологическими индикаторами (а на нынешнем этапе глубокой депопуляции в одних регионах и весьма расширенного воспроизводства населения в других, с серьезными диспропорциями в миграционном движении, возможно, и наиболее важным показателем).

Взаимосвязи и их балансы, аналогичные экономико- и социально-демографическим, можно проследить и применительно к расселенческо-, эколого-демографическим и иным видам геодемографических отношений.

Корреляционные связи между геодемографическими показателями в субъектах РФ

Наиболее общие демографические категории — естественный и миграционный прирост, возрастно-половая структура населения. Взаимные корреляционные связи между демографическими показателями ГДО (табл. 1) достаточно тривиальны.

Естественный прирост характеризуется прямой связью с рождаемостью (коэффициент корреляции 0,92) и обратной — со смертностью (коэффициент корреляции -0,92). Рождаемость имеет существенную отрицательную связь со смертностью и долей лиц старше трудоспособного возраста, положительную — с долей лиц моложе трудоспособного возраста; смертность — отрицательную связь с рождаемостью и долей лиц моложе трудоспособного возраста, положительную — с долей лиц старше трудоспособного возраста. Миграционный прирост не показывает существенной связи с другими демографическими характеристиками. Доля лиц трудоспособного возраста демонстрирует существенную положительную связь с долей мужчин, а доля лиц старше трудоспособного возраста — отрицательную связь с долей мужчин.

Таблица 1

Коэффициент корреляции между демографическими показателями ГДО в регионах Российской Федерации, 2012 г.

Показатель*	Показатель*							
	1	2	3	4	5	6	7	8
1	–	0,92	-0,92	-0,20	0,92	0,35	-0,92	0,58
2	0,92	–	-0,70	-0,25	0,94	0,11	-0,83	0,46

Показатель*	Показатель*							
	1	2	3	4	5	6	7	8
3	-0,92	-0,70	–	0,12	-0,75	-0,55	0,88	-0,62
4	-0,20	-0,25	0,12	–	-0,35	-0,09	0,33	-0,35
5	0,92	0,94	-0,75	-0,35	–	0,13	-0,89	0,53
6	0,35	0,11	-0,55	-0,09	0,13	–	-0,57	0,73
7	-0,92	-0,83	0,88	0,33	-0,89	-0,57	–	-0,78
8	0,58	0,46	-0,62	-0,35	0,53	0,73	0,78	–

Рассчитано автором на основе данных: [14; 17; 18].

*Показатели:

- 1 — коэффициент естественного прироста (убыли);
- 2 — общий коэффициент рождаемости;
- 3 — общий коэффициент смертности;
- 4 — коэффициент миграционного прироста (оттока);
- 5 — доля лиц моложе трудоспособного возраста в общей численности населения;
- 6 — доля лиц трудоспособного возраста в общей численности населения;
- 7 — доля лиц старше трудоспособного возраста в общей численности населения;
- 8 — доля мужчин в общей численности населения.

Корреляция между геодемографическими показателями

Взаимозависимость между демографическими и прочими геодемографическими показателями, рассчитанная с помощью общего коэффициента корреляции, в большинстве случаев не слишком тесная. Исключения составляют (табл. 2):

— связи между долей русских в общей численности населения и такими демографическими показателями, как естественный прирост, рождаемость и доля лиц моложе трудоспособного возраста в общей численности населения (обратная зависимость), смертность и доля лиц пенсионных возрастов (прямая зависимость). Следовательно, чем выше доля русских в этнической структуре региона, тем обычно ниже доля детей и выше доля лиц пенсионных возрастов и смертность населения;

— связь между долей лиц моложе трудоспособного возраста и уровнем безработицы, то есть регионы с высоким уровнем рождаемости имеют и более высокую безработицу.

Таблица 2

**Коэффициент корреляции между демографическими
и прочими показателями ГДО
в регионах Российской Федерации, 2012 г.**

Демографический показатель	Геодемографический показатель*							
	9	10	11	12	13	14	15	16
1	0,66	0,01	0,14	0,27	0,02	-0,42	-0,76	0,24
2	0,69	-0,11	-0,004	0,07	-0,10	-0,48	-0,69	0,12
3	-0,53	-0,13	-0,28	-0,45	-0,13	0,29	0,72	-0,33
4	-0,11	0,10	0,29	0,29	0,28	0,22	0,35	0,16
5	0,77	-0,12	-0,06	0,04	-0,16	-0,59	-0,77	0,21
6	-0,18	0,62	0,52	0,32	0,09	0,33	-0,13	-0,25
7	-0,55	-0,19	-0,19	-0,18	0,09	0,33	0,70	-0,06
8	0,10	0,36	0,28	0,12	-0,09	-0,10	-0,36	-0,20

Рассчитано автором на основе данных: [14; 17; 18].

*Показатели:

- 1 — коэффициент естественного прироста (убыли);
- 2 — общий коэффициент рождаемости;
- 3 — общий коэффициент смертности;
- 4 — коэффициент миграционного прироста (оттока);
- 5 — доля лиц моложе трудоспособного возраста в общей численности населения;
- 6 — доля лиц трудоспособного возраста в общей численности населения;
- 7 — доля лиц старше трудоспособного возраста в общей численности населения;
- 8 — доля мужчин в общей численности населения;
- 9 — доля безработных (по классификации МОТ);
- 10 — уровень экономической активности населения;
- 11 — отношение денежных доходов населения к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг;
- 12 — доля лиц с высшим образованием в общей численности занятого населения;
- 13 — плотность населения;
- 14 — доля городского населения;
- 15 — доля русских в общей численности населения;
- 16 — плотность сельского населения.

Попытка установить существенные взаимозависимости между уровнем жизни населения и геодемографическими показателями

привела к отрицательному результату. Коэффициенты корреляции между душевыми показателями ВРП и доходами населения, с одной стороны, и некоторыми индикаторами ГДО — с другой, по модулю не превышают 0,33 (табл. 3). Очень небольшая положительная связь прослеживается между уровнем жизни (ВРП и доходы на душу населения) и показателями миграционного прироста населения, отрицательная — между уровнем жизни и уровнем безработицы. Невелика теснота связи геодемографических показателей с климатическими показателями — среднеянварской и среднеиюльской температурой. Немного более тесная связь прослеживается между характеристиками ГДО и удаленностью от Москвы (рождаемость и уровень безработицы имеют с удаленностью от Москвы небольшую положительную связь, смертность и миграционный прирост населения — отрицательную).

Таблица 3

**Коэффициенты корреляции душевых показателей ВРП
и денежных доходов населения
с некоторыми геодемографическими показателями**

Геодемографический показатель	Геодемографический фактор				
	ВРП на душу населения	Доходы на душу населения	Средняя температура января	Средняя температура июля	Удаленность от Москвы
Рождаемость	-0,07	0,03	-0,27	-0,02	0,41
Смертность	-0,15	-0,33	0,07	0,01	-0,36
Миграционный прирост	0,14	0,15	0,29	0,10	-0,34
Уровень безработицы	-0,26	-0,26	0,14	0,25	0,22

Рассчитано автором на основе данных: [14; 17; 18].

Отсутствие существенных корреляционных зависимостей между геодемографическими показателями и влияющими на них внешними факторами означает, что невозможно с успехом использовать какой-либо один инструмент (например, рост денежных доходов населения) для улучшения демографического состояния населения. Требуется комплекс таких факторов (развитие социальной инфраструктуры, совершенствование территориально-отраслевой организации производства и системы расселения и т. д.).

Демографические типы и подтипы субъектов РФ и их связь с типологизацией по совокупности прочих признаков ГДО

При классификации субъектов РФ на основе кластеризации по восьми демографическим показателям с использованием программы *SPSS* выделено восемь демографических типов этих субъектов и ряд подтипов внутри некоторых из них (рис. 1, табл. 4).

К 1-му типу на рисунке 1 отнесены Москва и Санкт-Петербург, где отмечается небольшое превышение рождаемости над смертностью. Однако доля детей здесь — самая низкая среди субъектов РФ. Это означает регистрацию в обеих столицах части рождений у матерей, не относящихся к постоянному населению Москвы и Санкт-Петербурга (студенты, временно проживающие мигранты), а также у проживающих в Московской и Ленинградской областях. В действительности по возрастной рождаемости постоянного населения здесь весьма низка. Коэффициент миграционного прироста, как и в регионах типа 2, наоборот, самый высокий в РФ.

Для 2-го типа характерны близкий к среднему по РФ коэффициент рождаемости (или более низкий, как в Ленинградской области — по указанной выше причине), средний или несколько более высокий коэффициент смертности при отрицательном или нулевом (в Краснодарском крае) естественном приросте. Возрастная и половая структуры населения близки к среднероссийской.

Регионы 3-го типа имеют небольшой прирост (3.1) или небольшую убыль населения (3.2) при близких к средним по стране показателях рождаемости и смертности. Для этих регионов характерен более низкий миграционный прирост населения, чем в регионах типов 1 и 2, а возрастная и половая структуры населения сходны со средней по РФ.

Субъекты 4-го типа отличаются значительной естественной убылью населения при небольшом его миграционном притоке (4.1) или оттоке (4.2). Доля детей ниже, а населения трудоспособного возраста — выше, чем в среднем по РФ. Доля мужчин равна или чуть ниже среднероссийской.

К 5-му типу относятся регионы с небольшим миграционным оттоком населения, незначительно отличающейся от средней по стране возрастной его структурой, со средней и выше среднего долей мужчин. Подтипы 5.1 и 5.2 имеют небольшой миграционный прирост: подтип 5.1 благодаря несколько повышенной по возрастной рождаемости в национальных республиках, а подтип 5.2 — из-за более высокой доли населения молодых фертильных возрастов. В субъектах подтипа 5.3 отмечается небольшая естественная убыль населения.

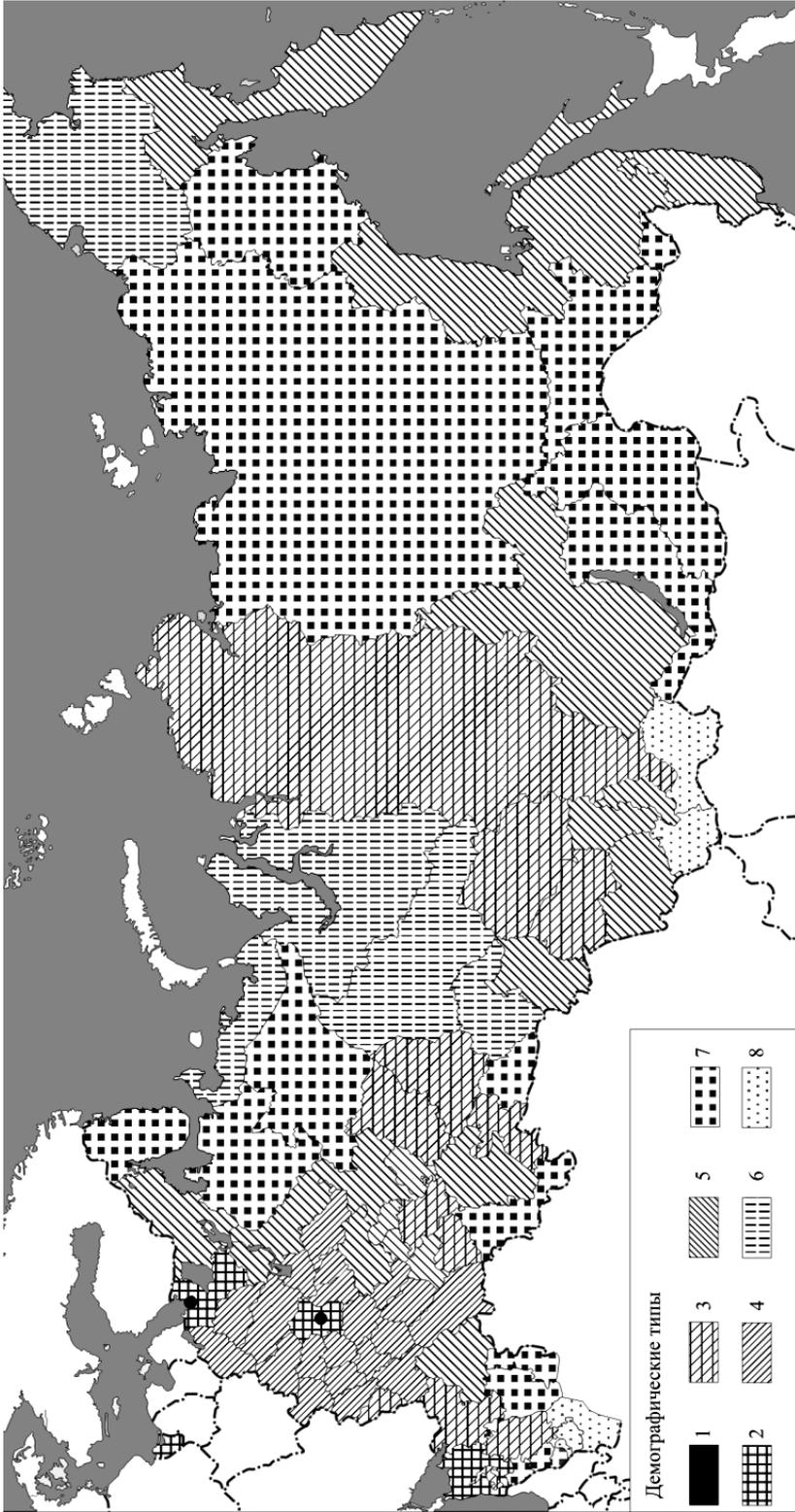

Рис. 1. Демографические типы и подтипы субъектов РФ (по состоянию на 2011 г.)

Характеристика демографических типов (подтипов) субъектов РФ, 2011 г.

Тип, подтип	Показатель									
	Естественный прирост, человек на 1000 жителей	Рождаемость, человек на 1000 жителей	Смертность, человек на 1000 жителей	Миграционный прирост (отток), человек на 1000 жителей	Доля лиц моложе трудоспособного возраста, %	Доля лиц трудоспособного возраста, %	Доля лиц старше трудоспособного возраста, %	Доля мужчин, %		
1	0,1—1	11—13	10—12	9—15	12—13	62—63	24—26	45—46		
2	-6—0	9—13	13—15	9—16	14—17	59—62	23—25	46—47		
3	-2—2	12—14	12—14	1—8	15—18	58—63	22—24	46—47		
3.1	0,5—2	12—14	12—14	1—8	16—18	60—63	22—23	46—47		
3.2	-2—-0,5	12—13	13—14	1—5	15—18	58—61	24	46		
4	-8—-3	10—13	14—20	-4—4	14—16	58—61	24—28	45—46		
4.1	-7—-3	10—12	14—20	0,2—4	14—15	58—61	25—28	45—46		
4.2	-8—-3	10—13	14—18	-4—-0,2	14—16	58—61	24—28	45—46		
5	-3—3	13—16	12—14	-4—-0,02	15—19	60—65	18—22	46—50		
5.1	0,5—3	14—16	13—14	-4—-1	17—19	60—61	20—22	46—47		
5.2	0,1—2	13—16	12—14	-3—-0,2	16—19	61—65	18—22	46—50		
5.3	-3—-1	11—14	14—16	-4—-0,6	15—18	59—63	20—25	46—48		
6	7—11	14—18	5—12	-5—6	20—22	62—70	8—15	48—51		
6.1	9—11	17—18	6—10	1—6	20—23	62—68	11—15	48—49		
6.2	7—11	14—17	5—12	-5	22	67—70	8—11	50—51		
7	-2—8	12—18	9—16	-14—-4	17—24	58—64	13—25	46—49		
7.1	4—8	14—18	9—12	-14—-5	20—24	59—63	13—21	46—49		
7.2	-2—3	12—16	13—16	-14—-4	17—21	58—64	18—25	46—48		
8	11—20	19—26	4—11	-10—9	26—34	57—62	8—15	45—49		
8.1	19	23	4	9	31	60	9	45		
8.2	11—20	19—26	5—11	-10	26—34	57—62	8—15	47—49		

На основе данных: [17].

Состав типов (подтипов)

- 1 — Москва, Санкт-Петербург.
- 2 — Краснодарский край; Московская, Ленинградская, Калининградская области.
- 3.1 — Республика Татарстан, Ставропольский, Красноярский, Пермский край, Свердловская, Челябинская, Новосибирская и Томская области.
- 3.2 — Республика Адыгея; Белгородская, Ростовская и Самарская области.
- 4.1 — Воронежская, Ивановская, Калужская, Курская, Липецкая, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Псковская, Нижегородская, Ярославская и Саратовская области.
- 4.2 — Республика Мордовия; Брянская, Владимирская, Костромская, Орловская, Тульская, Новгородская и Пензенская области.
- 5.1 — Республики Башкортостан, Марий Эл, Удмуртская, Чувашская, Хакасия.
- 5.2 — Камчатский, Хабаровский край; Иркутская, Омская области.
- 5.3 — Республика Карелия; Алтайский и Приморский край; Вологодская, Волгоградская, Кировская, Ульяновская, Кемеровская и Сахалинская области.
- 6.1 — Тюменская область; Ненецкий и Ханты-Мансийский — Югра АО.
- 6.2 — Ямало-Ненецкий и Чукотский АО.
- 7.1 — Республики Калмыкия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия — Алания, Бурятия и Саха (Якутия).
- 7.2 — Республика Коми, Забайкальский край; Мурманская, Архангельская, Астраханская, Курганская Оренбургская, Амурская и Магаданская области; Еврейская АО.
- 8.1 — Республика Ингушетия.
- 8.2 — Республики Дагестан, Чеченская, Алтай, Тыва.

Относящиеся к 6-му типу северные добывающие регионы РФ характеризуются повышенной долей трудоспособного населения (и населения молодых фертильных возрастов) при низкой доле лиц пенсионного возраста, что определяет достаточно высокие коэффициенты рождаемости и естественного прироста населения. Доля мужчин здесь значительно выше средней по стране. Подтип 6.1 имеет миграционный прирост, а подтип 6.2 — миграционную убыль населения.

Для типа 7 характерны значительный миграционный отток населения и повышенный удельный вес мужчин в половой структуре. Подтип 7.1 включает национальные республики с повышенным естественным приростом населения и более высокой, чем в среднем по РФ, долей лиц моложе трудоспособного возраста. В регионах подтипа 7.2 отмечается либо небольшой естественный прирост, либо небольшая естественная убыль населения при меньшем превышении доли детских возрастов над средней по стране по сравнению с подтипом 7.1.

Республики, относящиеся к 8-му типу, имеют наиболее значительный естественный прирост населения (вследствие высокой рождаемости и пониженной смертности), высокую долю детей и низкую — лиц старше трудоспособного возраста, а также повышенную по сравнению со средними для РФ показателями долю мужчин в половой структуре населения. При этом для подтипа 8.2 характерен интенсивный отток населения, а для 8.1 (Ингушетия) — приток вследствие перераспределения населения с соседними республиками (как результат сравнительно недавнего образования Республики Ингушетия как самостоятельного субъекта РФ).

Поскольку предпринятая выше попытка выявить связи между отдельными демографическими и прочими геодемографическими показателями не привела к обнаружению значительного числа существенных связей между первыми и вторыми, автор попытался сопоставить выделенные демографические типы субъектов РФ с типами регионов, классифицированных на основе прочих геодемографических показателей. (Подчеркнем, что последние отражают связи демографических процессов и структур с внешними по отношению к ГДО социально-экономическими факторами, характеризующими регион.) Результат типологизации субъектов РФ по экономико-, социально-, расселенческо-, этно- и эколого-демографическим показателям представлен ниже (рис. 2, табл. 5).

К типу 1, как и в предыдущей классификации по демографическим признакам, относятся Москва и Санкт-Петербург. Это города федерального значения с практическим отсутствием безработицы, значительной долей экономически активного населения и исключительно высоким удельным весом лиц с высшим образованием. Отношение денежных доходов населения к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг, отражающее уровень жизни, — одно из наиболее высоких среди российских регионов в Санкт-Петербурге (подтип 1.2) и уступает только Ненецкому АО и Москве (подтип 1.1).

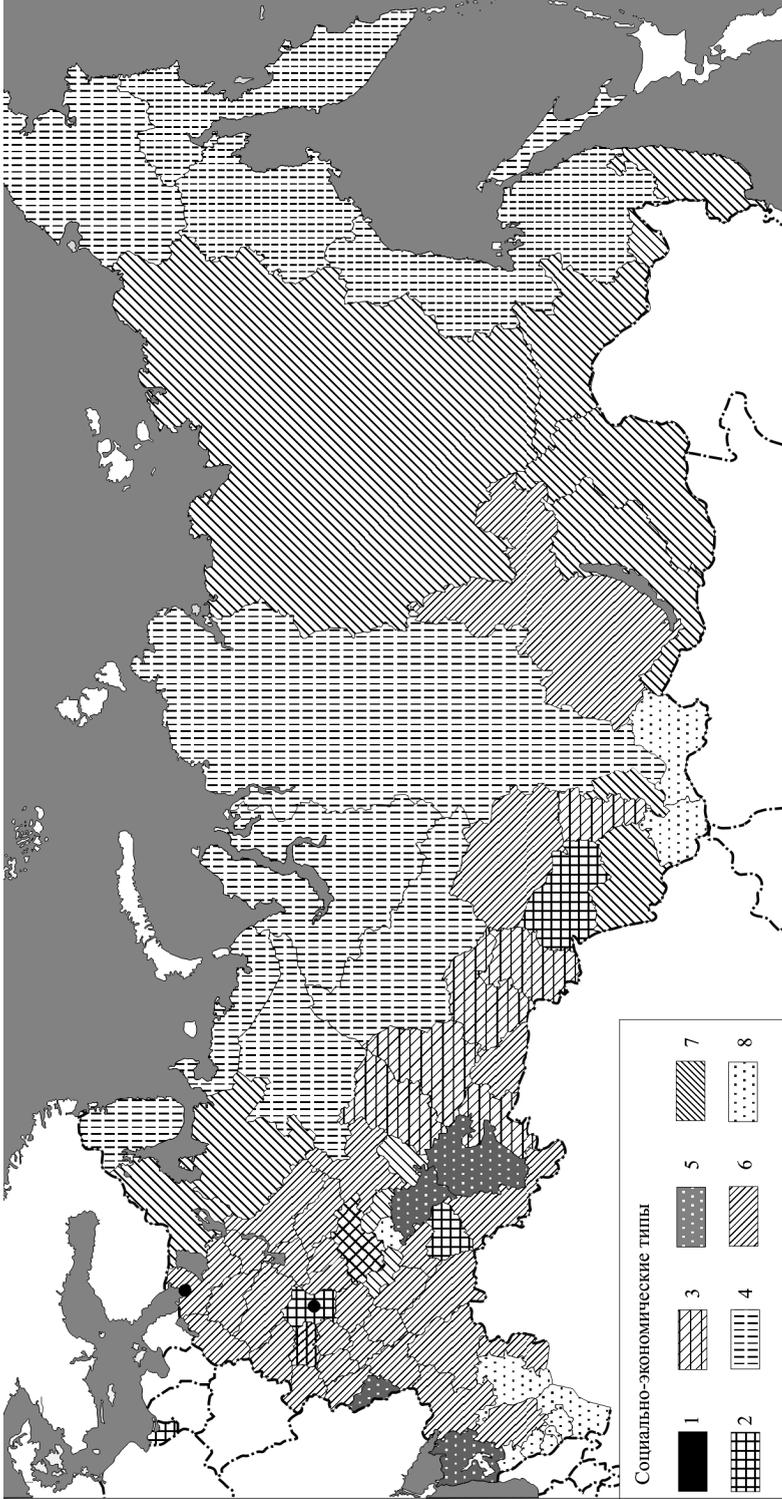

Рис. 2. Типология субъектов РФ по совокупности их экономико-, социально-, этно- и эколого-демографических характеристик, 2011 г.

Типология субъектов РФ по совокупности их экономико-, социально-, расселенческо-, этно- и эколого-демографических характеристик, 2011 г.

Тип, подтип	Показатель									
	Доля безработных (по классификации МОТ), %	Уровень экономической активности населения, %	Отношение денежных доходов населения к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг, %	Доля лиц с высшим образованием в общей численности занятого населения	Плотность населения, человек на км ²	Доля городского населения, %	Доля русских в общей численности населения, %	Плотность сельского населения, человек на км ²		
1	1	73	266—364	44—48	3600—11000	99—100	92	—		
1.1	1	73	364	48	11000	99	92	—		
1.2	1	73	266	44	3600	100	92	—		
2	3—7	69—71	179—257	25—37	34—154	76—81	86—95	8—29		
3	6—7	67—70	197—268	23—29	9—39	62—85	84—94	3—7		
4	3—8	68—82	210—367	12—35	0,1—6	67—96	52—92	0,01—1		
4.1	3—8	70—82	241—367	12—34	0,1—6	67—93	52—86	0,02—1		
4.2	3—8	68—78	210—224	24—31	0,3—5	77—96	65—91	0,01—0,5		
4.3	6	70—73	182—195	32—35	0,7—2	77—82	86—92	0,2—0,3		
5.1	4—6	64	212—239	26—29	57—71	54—67	88—94	19—33		
5.2	4—6	67—70	240—259	22—30	28—56	61—76	36—40	11—14		
6.1	4—6	63—71	154—205	23—29	21—60	58—81	74—97	8—17		
6.2	3—8	64—70	166—200	20—31	3—35	60—82	68—97	0,6—7		
7.1	5—8	63—71	150—212	22—28	0,3—36	61—79	38—82	0,1—13		
7.2	5—11	64—70	152—210	19—29	1—14	56—77	90—94	0,6—6		
8.1	6—18	57—69	109—227	27—34	2—69	29—64	4—64	0,8—51		
8.2	31—48	65—67	157—164	30—32	85—122	35—40	1—2	34—40		

На основе данных: [17].

Состав типов, подтипов

- 1.1. Москва.
- 1.2. Санкт-Петербург.
2. Калининградская, Калужская, Московская, Нижегородская и Самарская области.
3. Пермский край; Кемеровская, Новосибирская, Омская, Свердловская, Челябинская и Тюменская области.
- 4.1. Ненецкий, Ханты-Мансийский — Югра, Чукотский, Ямало-Ненецкий АО; Сахалинская область.
- 4.2. Республика Коми; Красноярский край; Магаданская и Мурманская области.
- 4.3. Камчатский и Хабаровский края.
- 5.1. Краснодарский край, Белгородская область.
- 5.2. Республики Башкортостан, Татарстан.
- 6.1. Ставропольский край; Брянская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Курская, Ленинградская, Липецкая, Орловская, Пензенская, Ростовская, Рязанская, Тамбовская, Тульская и Ульяновская области.
- 6.2. Астраханская, Волгоградская, Вологодская, Иркутская, Кировская, Костромская, Курганская, Новгородская, Оренбургская, Псковская, Саратовская, Смоленская, Тверская, Томская и Ярославская области.
- 7.1. Республики Бурятия, Карелия, Марий Эл, Мордовия, Саха (Якутия), Удмуртская и Хакасия.
- 7.2. Алтайский, Забайкальский и Приморский края; Амурская и Архангельская области; Еврейская АО.
- 8.1. Республики Алтай, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Адыгея, Дагестан, Калмыкия, Северная Осетия — Алания, Тыва, Чувашская.
- 8.2. Республики Ингушетия и Чеченская, Калмыкия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия — Алания, Бурятия и Саха (Якутия).

Ко 2-му типу отнесены хорошо освоенные, высокоурбанизированные области европейской части страны с высокой экономической активностью населения и с близким к среднему уровню безработицы. Определенные различия между регионами этого типа имеются в уровне жизни населения (более высокий в Московской области, пониженный — в Калининградской).

Тип 3, в который входят экономически развитые регионы Урала и Сибири, схож по большинству показателей с типом 2, но имеет более низкий уровень освоенности (плотность как всего, так и сельского населения здесь значительно ниже).

Тип 4, куда отнесены северные и восточные регионы страны, по многим показателям сходен с двумя предыдущими, но имеет очень низкую освоенность территории. Показатель уровня жизни наиболее высок в субъектах подтипа 4.1, в подтипе 4.2 он близок к среднему по РФ, а в подтипе 4.4 — несколько ниже среднего.

Тип 5 при сходстве большинства показателей с предыдущими типами имеет особенно высокую плотность сельского населения.

К типу 6 относится наибольшее количество субъектов РФ — 29 областей и 1 край — с преобладающей средней и ниже средней степенью освоенности, уровнем жизни ниже среднего по РФ, с близкими к средним экономической активностью и безработицей.

В состав 7-го типа входят слабо освоенные регионы Севера и Востока страны с уровнем жизни ниже среднего.

Тип 8 — национальные республики с невысоким и низким уровнем жизни (кроме Дагестана со средним соответствующим показателем), со средней и ниже среднего экономической активностью населения, повышенной и высокой безработицей.

Сравнение двух приведенных выше типологий позволяет сделать выводы о наличии определенного, хотя и не полного сходства между типами, выделенными на основе демографических и прочих геодемографических признаков.

Тип 1 в обоих случаях включает Москву и Санкт-Петербург, где столичный характер этих двух субъектов РФ обуславливает сходство их демографических характеристик. И субъекты демографического типа 8 входят в один тип (тоже 8), выделенный по прочим геодемографическим признакам (для удобства далее будем говорить о *первой* и *второй* типологиях). Правда, состав этой второй типологии более широк и включает ряд национальных республик, входящих в демографический тип 7 (подтип 7.1). Можно заметить сходство состава регионов, отнесенных к подтипу 3.1 первой типологии и типу 3 второй, к типу 6 первой типологии и подтипу 4.1 второй. Регионы подтипа 7.1

первой типологии входят в подтипы 7.1 и 8.1 второй типологии, а относящиеся к подтипу 7.2 первой типологии — в подтипы 4.2, 6.2 и 7.2 второй и т. д.

Тем не менее полного совпадения составов типов первой и второй типологий нет. Отчасти это можно увязать с неизбежными недостатками отбора типологических признаков для выполнения второй типологии, в некоторой мере — с отклонениями любой типологии от объективно существующих различий субъектов. Но важно и то, что демографические особенности регионов во многом объясняются и самостоятельным воздействием на них самих демографических факторов, т. е. относительной самостоятельностью развития демографических систем. То есть в регионах имеет место социально-экономическая обусловленность демографической ситуации и здесь можно целенаправленно воздействовать на изменение демографических процессов и структур мерами социально-экономической политики. В то же время следует учитывать направления саморазвития демографической ситуации, определяемые внутренними факторами (сложившейся возрастно-половой структурой населения, особенностями и тенденциями развития демографического и миграционного поведения и др.).

Заключение

Для обеспечения действительно пропорционального и динамичного (устойчивого) развития регионов страны необходимо научно обоснованное его регулирование. Комплексный анализ ГДО способствует выбору приоритетных направлений развития регионов, обеспечению сбалансированности на всех иерархических уровнях (макро-, мезо-, микрорайонных) основных компонентов территориальных социально-экономических систем: экологических, демографических, экономических, социальных. При таком подходе неизмеримо возрастает роль геодемографии, объект которой — ГДО — отражает связи между всеми компонентами региона и позволяет контролировать их сбалансированное развитие.

Особое место в геодемографических исследованиях занимает типология ГДО, позволяющая выделить качественно особые группы регионов на основе типологических признаков, которыми выступают общие демографические, экономико-, социально-, расселенческо-, этно- и эколого-демографические категории. Каждый из геодемографических типов требует дифференцированного подхода к совершенствованию ГДО и ее учета в прогнозировании и регулировании

регионального развития с целью достижения его оптимальной динамики и пропорциональности. Регионы одного типа могут с успехом использовать опыт друг друга. Субъекты РФ с более благополучной демографической ситуацией в увязке с прочими их геодемографическими характеристиками во многих случаях могут служить ориентиром для тех типов регионов, где ситуация оценивается как неудовлетворительная. И наоборот: типы регионов с неблагоприятными демографическими характеристиками, обусловленными влиянием социально-экономических факторов, присущих соответствующим типам регионов, могут стать своего рода предостережением для регионов с относительно благоприятными в настоящее время показателями ГДО.

Список литературы

1. *Агафонов Н. Т.* О типах демографической обстановки в районах СССР // Материалы V Съезда Географического общества СССР. Л., 1970. С. 31—32.
2. *Агафонов Н. Т.* Региональная экономико-демографическая обстановка: Основные положения концепции // Социальная география Калининградской области. Калининград, 1982. С. 25—42.
3. *Агафонов Н. Т., Голубев А. Н.* Категории и факторы демографической обстановки (ситуации) // Прикладная демография. М., 1973. С. 29—36.
4. *Валентей Д. И.* К вопросу о системе наук и законов народонаселения // Изв. АН СССР. Сер. эконом. 1970. №6. С. 31—41.
5. *Демографическая ситуация в Москве и тенденции ее развития* / под ред. Л. Л. Рыбаковского. М., 2006.
6. *Еремин А. А.* Демографическая ситуация в Алтайском крае на современном этапе (1990—2010). Барнаул, 2011.
7. *Кваша А. Я.* Демографическое и экономическое развитие России // Вестник МГУ. Сер. Экономика. 1995. №5. С. 75—80.
8. *Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года.* Одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2001 года N 1270-р. URL: http://businesspravo.ru/docum/documshow_documid_21649.html (дата обращения: 01.09.2013).
9. *Кузнецова Т. Ю.* Геодемографическая типология мезорегионов Балтийского макрорегиона. Калининград, 2008.
10. *Куница М. Н.* Геодемографическая структура населения староосвоенного региона: особенности, дифференциация, проблемы в Центральном федеральном округе России. Брянск, 2009.
11. *Логинава Н. Н.* Население Республики Мордовия: геодемографическая ситуация. Динамика и структура. Саранск, 2011.

12. *Образовательная* геодемография России / под ред. М. П. Карпенко. М., 2011.
13. Орлов А. Ю. Геодемографические исследования этноассимиляционных процессов (на примере населения Приволжского федерального округа) // География и природные ресурсы. 2011. № 1. С. 129—136.
14. Основные показатели социально-экономического положения Российской Федерации в 2012 году // Российская газета. 2013. 13 марта.
15. Практикум по геодемографии Урала // Вопросы географии. URL: <http://www.worldbidagriculture.com/praktikum-po-gyeodyemografii-urala/> (дата обращения: 25.08.2013).
16. Программа дисциплины «Геодемография» / Государственный университет — Высшая школа экономики», Нижегородский филиал, факультет менеджмента. URL: <http://www.hse.ru/data/2011/02/11/> (дата обращения: 25.08.2013).
17. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012 : стат. сб. М., 2013.
18. Российский статистический ежегодник. 2012 : стат. сб. М., 2012.
19. Сидоренко В. Н., Денисенко М. Б., Игонин А. И. и др. Географический анализ демографических изменений в России за последние 150 лет // География и природные ресурсы. 2011. № 3. С. 5—13.
20. Федоров Г. М. Географические аспекты изучения экономико-демографической обстановки // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. 1976. Т. 108, вып. 4. С. 311—316.
21. Федоров Г. М. Геодемографическая обстановка: теоретические и методические основы. Л., 1984.
22. Федоров Г. М. Геодемографическая типология. Л., 1986.
23. Федоров Г. М. Научные основы концепции геодемографической обстановки. Л., 1991.
24. Федоров Г. М. Основы геодемографии. Калининград, 1983.
25. Fedorov G. A sociodemographic tipology of midde-level regions in the USSR // Soviet geography. 1983. Vol. 24, № 4. P. 289—297.

Об авторе

Геннадий Михайлович Федоров, доктор географических наук, профессор, директор Института природопользования, территориального развития и градостроительства Балтийского федерального университета им. И. Канта, Россия.

E-mail: gfedorov@kantiana.ru

CURRENT ISSUES IN THE GEODEMOGRAPHIC STUDIES IN RUSSIA

G. Fedorov*

**Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevski Str., Kaliningrad, 236041, Russia

Received on February 20, 2014

The article takes stock of the “state of affairs” in contemporary research of geographical demography in the USSR and the RF. The issue, concludes the author, has not received sufficient attention, and the use of geodemographic studies in managing regional development remains limited. This article aims to demonstrate three things: the importance of geodemographic approach in comprehensive regional studies to the needs of regional strategic planning; the key features of geodemographic typology of Russian constituent entities; the need for a differentiated approach to geodemographic management in regions of different types. The cluster approach is used to identify types of Russian regions on the basis of both natural and migration-related change. The author identifies correlations between demographic and economic, social, residential, ethnic and environmental demographic indicators; and describes the possibilities of geodemographic situation management stemming from the typological features of the region. The work seeks to draw attention to further development of geodemographic research in Russia and its role in pre-planning studies at the regional level.

Key words: geodemography, geodemographic situation, geodemographic typology, strategic planning, region

About the author

Prof. Gennady Fedorov, Director of the Institute of Environmental Management, Spatial Development, and Urban Planning, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: gfedorov@kantiana.ru

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
РЕЙТИНГИ СТРАН
БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА**

Н. А. Слукa*

Д. С. Иванов*

Актуальность исследования диктуется острой необходимостью модернизации инструментария для наиболее точного и сопоставимого отражения демографической реальности пространственных объектов разного масштаба. Главная цель исследования — апробация метода демографических рейтингов положения, разработанного в трудах С. П. Ермакова и Н. А. Шмакова. Метод основан на использовании принципов косвенной стандартизации главных демографических коэффициентов относительно возрастной структуры населения.

В работе представлен первый опыт применения метода на базе показателей рождаемости и смертности населения на две даты — 1995 и 2010 гг. — для 140 стран по среднемировым стандартам и отдельно — для стран Балтийского региона по средневропейским стандартам. Группировка стран и анализ изменений за рассматриваемый период подтвердили ряд глобальных тенденций демографического развития и сохранение серьезных территориальных контрастов по основным индикаторам. Установлены противоположные тенденции в формировании рейтингов, основанных на стандартизованных отношениях рождаемости (консолидация стран в районе усредненных значений) и смертности (напротив, их поляризация). Выявлена специфика формирования демографических процессов в странах Балтийского региона на мировом и общеевропейском фоне.

Исследование подтвердило работоспособность метода демографических рейтингов положения, использование которого целесообразно для решения не только научных, но и практических задач, в том числе для целей демографической и социальной политики.

* Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1.

Поступила в редакцию 10.03.2014 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2014-2-2

© Иванов Д. С., Слукa Н. А., 2014

Ключевые слова: демографические рейтинги, стандартизованные коэффициенты, страны мира, Балтийский регион.

Введение

В современных условиях в демографическом развитии стран и регионов существует немало противоречий, обусловленных, с одной стороны, прогрессом глобализации, демократизации межстранового обмена людскими и интеллектуальными ресурсами, а с другой — стремлением к самосохранению не только самобытности элит, но и воспроизводству наций, «рабочей силы» в большинстве государств. Особую остроту этим противоречиям придают общепланетарные процессы старения населения, снижения рождаемости, трансформации устоев семьи, а также в целом замедление темпов прироста численности населения. Соответственно, стремительно нарастает значимость точной, оперативной и комплексной оценки демографической ситуации в отдельных странах и регионах мира, возможных тенденций ее развития как на ближайшие сроки, так и прогнозирования на более отдаленное будущее. Вместе с тем традиционные демографические показатели не всегда в силах справиться с возложенными на них задачами отображения глобальных, региональных и страновых демографических процессов. Величина уже классических, так называемых общих демографических коэффициентов (например, рождаемости или смертности), будучи свободной от влияния абсолютной численности населения, тем не менее зависит от многих структурных факторов, включая половой состав жителей, соотношение городского и сельского населения, брачную структуру и т. д. Но, пожалуй, одним из самых мощных факторов, оказывающих влияние на тренды развития, величину общих и иного рода демографических коэффициентов является возрастная структура населения [1; 5—7].

Значимость учета возрастной структуры населения при оценке демографической ситуации

Особую важность для демографической ситуации возрастной структуры населения хорошо иллюстрирует, например, сравнение таких стран, довольно существенно различающихся на общемировом фоне по уровню социально-экономического развития, как Польша и Швеция. В 2010 г. в первой из них, по данным ООН, общий коэффициент смертности (ОКС) составил 9,8‰, во второй — 10,2‰. Казалось бы, вполне сопоставимые величины. Однако парадокс заключается в том, что по возрастные коэффициенты смертности в Польше практически в каждой возрастной группе населения больше, чем в Швеции (табл. 1). Такая ситуация тесно связана с методикой расчета ОКС, в качестве

знаменателя которого используется все население. Но оно внутренне неоднородно по своей, в частности, возрастной структуре, когорты которой имеют разные показатели смертности. Так, население возраста от 0 до 14 лет в Польше составило 14,8%, в Швеции — 15%; от 15 до 64 лет — 71,7 и 65,5%; старше 65 лет — 13,5 и 19,5% соответственно [12]. Иными словами, возрастная структура населения оказывает одно из ключевых воздействий на величину ОКС, который не предоставляет полной картины о качественном измерении смертности населения.

Таблица 1

Повозрастные коэффициенты смертности в Польше и Швеции, 2010 г.

Возрастная когорта	Польша	Швеция
0—4	0,007	0,003
5—9	0,001	0,000
10—14	0,001	0,001
15—19	0,002	0,001
20—24	0,003	0,002
25—29	0,004	0,002
30—34	0,005	0,003
35—39	0,008	0,003
40—44	0,015	0,005
45—49	0,027	0,008
50—54	0,037	0,015
55—59	0,048	0,025
60—64	0,062	0,035
65—69	0,115	0,055
70—74	0,166	0,098
75—79	0,253	0,182

Рассчитано по [11].

**Стандартизация демографических коэффициентов
как один из способов оценки и прогнозирования
демографических процессов**

На текущий момент в международной практике уже разработаны методы, позволяющие частично устранить искажающее влияние структурных факторов, прежде всего возрастной структуры населения. Один из путей — использование специальных и частных коэффициентов, на которые структурные факторы не влияют или влияют относительно

слабо. Другой способ — стандартизация демографических коэффициентов. Его применение основано на разложении общих коэффициентов на множители, выражающие, с одной стороны, интенсивность (уровень) демографического процесса, а с другой — численность или долю соответствующего субнаселения во всем населении [1]. Суть стандартизации заключается в том, что реальные общие коэффициенты сравниваются с показателями некоего условного населения (реального или искусственно сконструированного), для которого интенсивность демографического процесса или его структура принимается за стандарт. При этом в зависимости от того, что именно принимается за стандарт (интенсивность или структура), эффективны различные приемы: прямая стандартизация, косвенная или обратная.

Для целей нашего исследования используется косвенная стандартизация, достаточно давно и широко применяемая при анализе смертности, а в последнее время и рождаемости; статистически она опирается на возрастные структуры реального населения и стандарта, а также повозрастные показатели интенсивности демографических процессов в стандартном населении. Иными словами, повозрастные коэффициенты стандарта перевзвешиваются по возрастной структуре реального населения. В результате получается то число событий, которое бы имело место в стандартном населении, если бы его возрастная структура была такой же, как и возрастная структура реального населения. Соотношение числа демографических событий в реальном населении с ожидаемым числом событий фиксируется индексом косвенной стандартизации. Произведение общего коэффициента стандарта и индекса дает стандартизованный общий коэффициент, который показывает вероятностную величину общего коэффициента в реальном населении при повозрастной интенсивности демографических процессов аналогичных населению стандарта. Это выражается следующей формулой:

$$I_{\text{косв}} = \frac{\sum_x P_x^1 \cdot m_x^1}{\sum_x P_x^1 \cdot m_x^0}, \quad (1)$$

где $I_{\text{косв}}$ — индекс косвенной стандартизации; P_x^1 — возрастная структура реального населения, выраженная в абсолютных величинах; m_x^1 — повозрастные показатели интенсивности демографического процесса в стандартном населении; m_x^0 — повозрастные показатели интенсивности демографического процесса в данном населении.

Используя стандартизованные коэффициенты, надо помнить, что они не имеют самостоятельного значения, поскольку зависят от вы-

бранного стандарта. Поэтому сфера применения стандартизованных коэффициентов и основанных на них рейтингов ограничивается лишь сравнением различных населений друг с другом — и то с условием, что стандартизация проведена одним и тем же методом и с использованием одного и того же стандарта. При этом в качестве стандарта необходимо выбирать «шаблон» населения, демографическая структура которого (возрастная, прежде всего) близка к возрастным структурам сравниваемых населений, хотя и отличается от них.

В данной работе представлен первый опыт составления рейтингов [2—4; 8; 9], основанных на стандартизованных отношениях смертности и рождаемости, для примерно 140 стран по среднемировым стандартам и для стран Балтийского региона — по среднеевропейским стандартам. Исследование строится на базе официальных статистических данных ООН и ресурсов Всемирного банка на две даты — 1995 и 2010 гг. [10—12]. Общая формула для расчета агрегированного показателя рождаемости (стандартизованного отношения рождаемости — SOP) имеет следующий вид [2; 8]:

$$SOP_k = \text{СУМ}_k / \sum_i (\text{ВИП}_i \cdot \text{НАС}_{ki}), \quad (2)$$

где k — номер страны, i — номер возрастной группы, SOP_k — значение стандартизованного отношения рождаемости для k -й территории; СУМ_k — суммарное (за год) количество родившихся на k -й территории; ВИП_i — возрастная интенсивность (возрастной коэффициент рождаемости для i -й возрастной группы женщин), НАС_{ki} — среднегодовая численность i -й возрастной группы женского населения для k -й страны.

Числитель в формуле (2) это фактическое количество рождений за год в k -й стране, а знаменатель — гипотетическое количество рождений в k -й стране при условии, что повозрастные показатели рождаемости у женщин различных возрастов в этой территории будут равны соответствующим показателям для совокупности населения более высокого уровня.

Аналогично рассчитывается стандартизованное отношение смертности (SOC_k), которое представляет собой отношение фактического количества умерших в k -й стране к гипотетическому количеству умерших в ней при условии, что повозрастные коэффициенты (интенсивности) смертности в этой стране совпадают с повозрастными коэффициентами смертности в мире [9]. Приведем соответствующую формулу:

$$SOC_k = \text{УМ}_k / \sum_i (\text{ВИС}_i \cdot \text{НС}_{ki}). \quad (3)$$

Иными словами, выполняется сравнение одного процесса, происходящего в двух населенных пунктах: реальном и гипотетическом. Гипотетическим населением в данном случае выступает реальное население страны, если бы оно имело среднемировые характеристики смертности. Реальное количество умерших UM_k в стране k соотносится с гипотетическим количеством умерших в стране k , если бы смертность в ней в каждой возрастной группе i была на среднемировом уровне: $\sum_i (ВИС_i \times \times НС_{ki})$. В знаменателе формулы (3) $ВИС_i$ — возрастной показатель интенсивности смертности населения мира (на 1000 населения) для возрастной группы i ; $НС_{ki}$ — среднегодовая численность населения возрастной группы i для k -й страны. Таким образом, в знаменателе выполняется суммирование результатов по каждой возрастной группе отдельно (использованы 5-летние возрастные когорты, составленные ООН), что дает показателю СОС большую глубину проработки и, как следствие, меньшее влияние внутренних структурных показателей на итоговое значение.

Рейтинг стран мира по СОР и СОС в 1995 и 2010 гг., место в них государств Балтийского региона

Мировой рейтинг по СОР и СОС хорошо отражают данные таблиц 2 и 3. Согласно проведенным расчетам, в обоих случаях выделяются семь групп стран. В случае СОР во всех странах первой группы (СОР — 0,5 и менее) рождаемость была бы в два и более раз выше, если бы повозрастная интенсивность этого процесса оказалась на среднемировом уровне. Напротив, присутствие в шестой (СОР — 1,5—2,0) и седьмой (СОР — более 2,0) группах, ядро которых предсказуемо составляют африканские государства, находящиеся в ранних фазах демографического перехода, отражает существенное превышение стандарта. В случае СОС первый блок (значения СОС — 0,5 и менее) формируют страны, смертность в которых существенно ниже мирового стандарта, а последние группы — шестую и седьмую (СОС — соответственно 1,5—2,0 и более 2,0) — с заметным его превышением.

Составление на основе оригинальной методики [2—4; 8; 9] и сопоставление рейтингов стран мира по СОР и СОС на две даты дает очень любопытный и обширный материал, позволяет выявить ключевые тенденции и оперировать масштабами, вести анализ на разных территориальных уровнях — как отдельных стран, регионов, так и всего мира. Первый опыт исследования с глобальных позиций дает ряд интересных наблюдений и чисто предварительных выводов, в частности на основе данных своего рода итоговой таблицы изменения рейтингов (табл. 4).

Изменения в группировке стран мира по СОР за период 1995—2010 гг.

СОР	1995	2010
0,5 и менее	Канада, Республика Корея, Япония, Португалия, Испания, Нидерланды, Бельгия, Люксембург, Австрия, Италия, Швейцария, Чехия, Словакия, Венгрия, Хорватия, Босния и Герцеговина, Словения, Румыния, Болгария, Греция, Украина, Беларусь, Германия, Литва, Латвия, Россия, Эстония ¹	Австрия, Словакия, Хорватия, Словения, Босния и Герцеговина, Македония, Румыния, Украина, ОАЭ, Республика Корея, Германия, Польша
0,5—0,7	Франция, Великобритания, Ирландия, США, Сербия, Македония, Тунис, Китай, Австралия, Норвегия, Дания, Финляндия, Швеция, Польша	Канада, Португалия, Испания, Италия, Швейцария, Чехия, Венгрия, Сербия, Болгария, Греция, Грузия, Иран, Китай, КНДР, Таиланд, Беларусь, Латвия, Литва, Россия, Дания, Финляндия, Швеция, Эстония
0,7—0,9	Бразилия, Мексика, Чили, Уругвай, Гайана, Суринам, Доминиканская Республика, Албания, Армения, Азербайджан, Казахстан, Мьянма, Вьетнам, Индонезия, КНДР, Шри-Ланка, Исландия	США, Великобритания, Ирландия, Франция, Нидерланды, Бельгия, Люксембург, Австралия, Турция, Алжир, Тунис, Марокко, Аргентина, Малайзия, Бразилия, Чили, Уругвай, Гайана, Доминиканская Республика, Албания, Армения, Азербайджан, Мьянма, Вьетнам, Индонезия, Шри-Ланка, Исландия, Норвегия
0,9—1,1	ЮАР, Турция, Иран, Монголия, Ливия, Алжир, Марокко, Аргентина, Колумбия, Перу, Эквадор, Венесуэла, Панама, Коста-Рика	Мексика, Казахстан, Индия, Лаос, Камбоджа, Ботсвана, Мадагаскар, Шри-Ланка, Бангладеш, Сирия, Иордания, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, ЮАР, Монголия, Ливия, Колумбия, Перу, Эквадор, Венесуэла, Панама, Коста-Рика

СОР	1995	2010
1,1—1,5	Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Индия, Бангладеш, Филиппины, Папуа — Новая Гвинея, Египет, Сирия, Иордания, Намибия, Ботсвана, Зимбабве, Боливия, Парагвай, Никарагуа, Гондурас	Пакистан, Ирак, Непал, Бутан, Египет, Филиппины, Папуа — Новая Гвинея, Намибия, Зимбабве, Боливия, Парагвай, Никарагуа, Гондурас, Гана, Габон, Экваториальная Гвинея, Кот-д'Ивуар
1,5—2,0	Пакистан, Непал, Бутан, Лаос, Камбоджа, Гватемала, Кения, Танзания, Мозамбик, Мадагаскар, Замбия, Конго, Габон, Экваториальная Гвинея, Того, Камерун, Нигерия, ЦАР, Бенин, Гана, Кот-д'Ивуар, Гвинея, Сьерра-Леоне, Гвинея, Гвинея-Бисау, Сенегал, Мавритания	Йемен, Эфиопия, Кения, Судан, ЦАР, Камерун, Конго, Нигерия, Бенин, Того, Либерия, Сьерра-Леоне, Гвинея, Гвинея-Бисау, Сенегал, Мавритания, Мозамбик
Более 2,0	Мали, Буркина-Фасо, Нигер, Чад, Судан, Эфиопия, Сомали, Уганда, Руанда, Бурунди, ДР Конго, Ангола, Афганистан, Саудовская Аравия, Оман, Йемен	Мали, Буркина-Фасо, Нигер, Чад, Сомали, Уганда, Руанда, Бурунди, ДР Конго, Танзания, Ангола, Замбия, Афганистан, Саудовская Аравия, Оман

Рассчитано по [10; 11].

¹ Курсивом в таблицах 2 и 3 выделены страны Балтийского региона.

Изменения в группировке стран мира по СОС за период 1995—2010 гг.

СОС	1995	2010
0,55 и менее	Катар, Оман, ОАЭ, Сингапур, Коста-Рика, Япония, Бруней, Израиль, Бахрейн, Канада, Австралия, Французская Гвиана, Швейцария, Чили, Белиз, Франция, Новая Зеландия, Сирия, Италия, Исландия	Катар, ОАЭ, Сингапур, Коста-Рика, Бруней, Израиль, Бахрейн, Кувейт, Канада, Австралия, Французская Гвиана, Швейцария, Чили, Япония, Франция, Новая Зеландия, Сирия, Италия, Мексика, Куба, Коста-Рика, Ирландия, Республика Корея, Исландия
0,5—0,7	США, Мексика, Аргентина, Уругвай, Венесуэла, Ливия, Тунис, Саудовская Аравия, Ирак, Иордания, Таиланд, Малайзия, Австрия, Великобритания, Кипр, Ирландия, Нидерланды, Бельгия, Люксембург, Греция, Албания, Республика Корея, КНДР, Куба, Панама, Эквадор, Норвегия, Германия, Дания, Финляндия, Швеция	США, Великобритания, Нидерланды, Испания, Аргентина, Австрия, Чехия, Венесуэла, Тунис, Мексика, Панама, Ирак, Ливан, Таиланд, Куба, Эквадор, Египет, Алжир, Албания, Иордания, Саудовская Аравия, Оман, Никарагуа, Гватемала, Португалия, Сальвадор, Бельгия, Словения, Белиз, Малайзия, Вьетнам, Кипр, Гватемала, Норвегия, Германия, Швеция, Финляндия, Дания
0,7—0,9	Сербия, Македония, Словения, Болгария, Румыния, Чехия, Словакия, Хорватия, Узбекистан, Армения, Грузия, Бразилия, Парагвай, Перу, Колумбия, Никарагуа, Сальвадор, Гондурас, Доминиканская Республика, Суринам, Ливан, Алжир, Марокко, Иран, Китай, Шри-Ланка, Беларусь, Литва, Польша	Сербия, Македония, Болгария, Турция, Азербайджан, Словакия, Армения, Грузия, Марокко, Китай, Парагвай, Уругвай, Перу, Колумбия, Бразилия, Гондурас, Греция, Хорватия, Ливан, Таиланд, Шри-Ланка, Иран, Босния и Герцеговина, Польша, Эстония
0,9—1,1	Украина, Молдова, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Венгрия, Турция, Египет, Индонезия, Габон, ЮАР, Намибия, Ботсвана, Филиппины, Гватемала, Латвия, Россия, Эстония	Ирак, КНДР, Мадагаскар, Индонезия, Филиппины, Суринам, Лаос, Непал, Бангладеш, Бутан, Монголия, Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан, Боливия, Венгрия, Румыния, Гайана, Литва, Латвия

СОС	1995	2010
1,1—1,5	Таджикистан, Босния и Герцеговина, Индия, Пакистан, Бангладеш, Непал, Мьянма, Лаос, Камбоджа, Папуа — Новая Гвинея, Монголия, Йемен, Кения, Зимбабве, Гана, Мавритания, Боливия, Гайана, Гаити	Йемен, Украина, Молдова, Казахстан, Индия, Мьянма, Папуа — Новая Гвинея, Судан, Эритрея, Мавритания, Намибия, Пакистан, Габон, Камбоджа, Беларусь, Туркменистан, <i>Россия</i>
1,5—2,0	Судан, Чад, Камерун, Конго, Бенин, Того, Кот-д'Ивуар, Гвинея, Танзания, Мадагаскар, Сенегал, Бутан	Кения, Танзания, Конго, Либерия, Того, Бенин, Кот-д'Ивуар, Сенегал
Более 2,0	Афганистан, Сомали, Эфиопия, ЦАР, Нигер, Нигерия, Буркина-Фасо, Мали, Гвинея, Гвинея-Бисау, Сьерра-Леоне, Либерия, ДР Конго, Экваториальная Гвинея, Уганда, Руанда, Бурунди, Ангола, Замбия, Мозамбик	Афганистан, Сомали, Эфиопия, Чад, Нигер, ЦАР, Нигерия, Буркина-Фасо, Мали, Гвинея, Гвинея-Бисау, Сьерра-Леоне, Камерун, ДР Конго, Руанда, Экваториальная Гвинея, Уганда, Ангола, Бурунди, Замбия, Зимбабве, Мозамбик, Ботсвана, ЮАР, Лесото, Свазиленд

Рассчитано по [10; 11].

**Изменения в структуре рейтингов стран мира по СОР и СОС
за 1995—2010 гг., %**

Группа рейтинга	Распределение стран в рейтинге СОР			Распределение стран в рейтинге СОС		
	1995	2010	Изменения	1995	2010	Изменения
Первая	20,84	10,42	-10,42	14,73	16,76	+2,03
Вторая	9,72	15,97	+6,25	20,85	22,76	+1,91
Третья	12,50	20,14	+7,64	18,41	16,16	-2,25
Четвертая	9,72	16,66	+6,94	11,65	11,97	+0,32
Пятая	14,59	13,19	-1,40	13,49	10,77	-2,72
Шестая	20,13	11,80	-8,33	7,36	4,79	-2,57
Седьмая	12,50	11,80	-0,70	13,49	16,76	+3,27
<i>Всего</i>	100	100	0	100	100	0

Рассчитано по материалам таблиц 2 и 3.

Во-первых, демографический мир был и остается чрезвычайно контрастным, разброс величин индикаторов очень широк. Во-вторых, пространственное распределение показателей в целом соответствует глобальной центр-периферической модели, условным ядром которой можно считать африканский регион со сверхвысокими показателями как рождаемости, так и смертности, а периферией — блок экономически высокоразвитых стран, обладающих, как правило, минимальными значениями индикаторов. В-третьих, общемировые процессы снижения уровня рождаемости и смертности идут с разной степенью интенсивности и территориально неоднородно. Более того, есть немало примеров обратных и довольно устойчивых трендов, и не только среди стран, но и на региональном уровне. В-четвертых, во всех рейтингах СОС и СОР довольно слабо представлена «медианная» группа стран (10—17%), что означает определенную иллюзорность среднемировых значений и требует конкретизации в каждом случае исследований. В-пятых, для структуры рейтинга СОР за 1995—2010 гг. характерен процесс сглаживания пиковых, экстремальных значений, все большее количество стран консолидируется в районе среднемировых величин. Так, если суммарно в структуре рейтинга на третью — пятую группы в 1995 г. приходилось чуть менее 37% всех стран, то в 2010 г. — уже 50%. В-шестых, в развитии структуры рейтинга СОС за этот же период, напротив, налицо процесс поляризации, сердцевина

рейтинга теряет представителей в пользу крайних групп — первой (+2,03) и седьмой (+3,27).

Страны Балтийского региона в рейтинге СОР на среднемировом уровне в 1995 г. составляли довольно консолидированный кластер: они все входили в состав первых двух групп государств с существенным, но по разным причинам не реализованным потенциалом рождаемости. На протяжении последующих лет пути их расходятся. Не вдаваясь в подробности (это тема самостоятельного исследования), можно констатировать, что на глобальном демографическом фоне устойчивый нисходящий тренд в рождаемости демонстрирует только Польша; «негативную стабильность», оставаясь в первом блоке стран, — Германия; а остальные, что важно, к 2010 г. улучшили свое положение относительно мирового стандарта.

В целом позитивны тенденции развития стран региона и в отношении СОС. За рассматриваемый период ухудшили положение (перешли в более низкие категории) только две страны — Россия (из четвертой в пятую); и Литва (из третьей в четвертую); Латвия сохранила позиции в рамках четвертого эшелона стран, а другие шесть государств Балтийского региона испытали «демографический переход» на волне повышательного тренда. Ныне, за исключением Польши и Эстонии, они входят в когорту государств с минимальными значениями показателей смертности в мире.

Страны Балтийского региона в демографических рейтингах на европейском уровне

На общемировом уровне по ряду причин страны Европы в целом уже традиционно отличаются минимальным уровнем рождаемости (значение СОР ниже единицы), хотя ситуация отчасти разнится. На этом фоне непосредственно страны Балтийского региона в 1995 г. составляли довольно сплоченную группу с относительно благополучными показателями (табл. 5, 6).

Таблица 5

СОР стран Балтийского региона при среднемировом и среднеевропейском стандарте рождаемости и смертности, 1995—2010 гг.

Страна	СОР стран Балтийского региона			
	Среднемировой стандарт		Среднеевропейский стандарт	
	1995	2010	1995	2010
Дания	0,61	0,69	1,28	1,23
Швеция	0,62	0,66	1,31	1,19

Страна	СОР стран Балтийского региона			
	Среднемировой стандарт		Среднеевропейский стандарт	
	1995	2010	1995	2010
Финляндия	0,6	0,63	1,34	1,16
Эстония	0,5	0,56	1,28	1,03
Латвия	0,49	0,55	1,27	1
Литва	0,49	0,51	1,25	0,94
Россия	0,48	0,51	1,3	0,94
Германия	0,49	0,49	1,27	0,91
Польша	0,55	0,46	1,31	0,85

Рассчитано по [10; 11].

Таблица 6

**СОС стран Балтийского региона
при среднемировом и среднеевропейском стандарте
рождаемости и смертности, 1995—2010 гг.**

Страна	СОС стран Балтийского региона			
	Среднемировой стандарт		Среднеевропейский стандарт	
	1995	2010	1995	2010
Дания	0,68	0,58	0,93	0,75
Финляндия	0,61	0,6	0,83	0,77
Швеция	0,56	0,62	0,76	0,8
Германия	0,64	0,69	0,87	0,89
Польша	0,81	0,77	1,1	1
Эстония	0,96	0,79	1,31	1,02
Латвия	0,99	0,96	1,35	1,24
Литва	0,85	0,99	1,16	1,28
Россия	0,99	1,18	1,35	1,53

Практически у всех государств значение СОР колебалось в районе 1,3, что означает повышенную по возрасту интенсивность рождаемости относительно среднеевропейского стандарта. Однако последующий период ознаменовался в регионе тотальным снижением значений СОР, хотя это и происходило разными темпами. Сохранила позиции в рейтинге по состоянию на 2010 г. Дания, от которой незначительно отстали Швеция и Финляндия. Такая ситуация закономерна: сказывается ряд факторов, включая в целом высокое качество жизни населения в этих странах, а также проведение с 1970-х гг. устойчивой и целенаправленной политики стимулирования рождаемости. Значим, вероятно, и прием довольно больших контингентов мигрантов (в Швеции, например,

по разным оценкам, от 15 до 19% населения), отличающихся повышенной фертильностью (часто более трех детей на женщину в детородном возрасте). Четыре страны региона — Эстония, Латвия, Литва и Россия — балансируют в настоящее время на средневропейском уровне, а вот Германия, даже несмотря на комфортность среды обитания и высокий уровень иммиграции, и особенно Польша, постепенное снижение рождаемости в которой происходит с середины 1990-х гг., существенно сдали свои позиции.

Как показывает анализ, в середине 1990-х гг. уровень смертности населения выступал в качестве главного дифференцирующего фактора формирования демографической обстановки в государствах Балтийского региона. В отличие от единства по СОР, они довольно четко локализовались в две равноценные группы — с пониженными относительно средневропейского стандарта значениями СОС (Швеция, Финляндия, Германия и Дания) и повышенными (Польша, Прибалтийские республики и Россия). В последующие 15 лет ситуация в целом оставалась достаточно стабильной. Состав первой группы и размерность СОС практически не претерпели изменений, хотя следует отметить прогресс Дании, которая заняла лидирующую позицию в рейтинге. Менее однозначны тенденции развития во второй группе стран. Так, Польша и особенно Эстония на волне некоторого снижения повозрастной интенсивности смертности населения достигли средневропейских величин СОС и заняли центральное положение в рейтинге стран Балтийского региона. Противоположная направленность процесса характерна для Литвы и России. Индикатор СОС последней (1,53!) лишней раз подчеркивает сверхостроту и глубину демографического кризиса, вызванного, по мнению специалистов, действием большой совокупности факторов демоэкономического, социоэкономического, социомедицинского и социально-этического характера.

Заключение

Поиск нового инструментария для более точной и качественной оценки демографической ситуации в отдельных странах и регионах мира позволил обнаружить унифицированный подход к построению демографических рейтингов положения и ряда составляющих процесса демографического развития, разработанный и апробированный для субъектов Российской Федерации на основе данных официальной российской статистики за 1990—2009 гг., в трудах С. П. Ермакова и Н. А. Шмакова [2—4; 8; 9]. Стандартизованные показатели рождаемости и смертности нивелируют роль структурных различий в населе-

нии разных территорий, включая половозрастные и иные, позволяют проводить сопоставления на любых уровнях — от глобального до муниципального. Первый опыт применения метода на международном статистическом материале за довольно большой промежуток времени подтвердил его работоспособность и целесообразность для дальнейшего широкого использования в исследованиях соответствующего профиля; привел к ряду любопытных выводов о характере и некоторых тенденциях развития в области рождаемости и смертности как в общемировом, так и макрорегиональном контексте; позволил получить новые фактические данные и почувствовать специфику формирования демографических процессов в странах Балтийского региона. Вместе с тем полученные результаты, безусловно, требуют дальнейшего осмысления, детальной интерпретации, проведения углубленного анализа, в том числе на уровне отдельных стран и регионов. Тем более что «чистые» данные о состоянии населения и демографических процессах представляются важной для всех заинтересованных компетентных органов информацией, используемой при организации, адресном и целенаправленном проведении демографической и социальной политики.

Список литературы

1. Медков В. М. Демография. М., 2004.
2. Ермаков С. П., Куликова Т. В., Шмаков Н. А. Демографические рейтинги и рейтинги здоровья населения (методологические аспекты) // Здоровье и социально-демографические процессы в России : сборник статей / под ред. А. Ю. Шевякова. М., 2010. С. 157—172.
3. Ермаков С. П., Шмаков Н. А. Взаимосвязь между демографическими рейтингами положения и традиционными демографическими показателями // Вестник МГОУ. Сер. Экономика. 2011. №3. С. 91—96.
4. Ермаков С. П., Шмаков Н. А. Интегральные демографические рейтинги положения // Образование. Наука. Научные кадры. 2011. №4. С. 25—28.
5. Кузнецова Т. Ю. Демография с основами этнографии. Калининград, 2012.
6. Слука А. Е., Слука Н. А. География населения с основами демографии. М., 2000.
7. Смирнова Т. Л. Воспроизводство населения и рынок рабочей силы в России // Проблемы современной экономики. 2010. № 1. С. 85—88.
8. Шмаков Н. А. Демографические рейтинги положения. Рейтинги регионов РФ по уровню рождаемости // Экономические науки. 2011. №6. С. 47—50.
9. Шмаков Н. А. Демографические рейтинги положения. Рейтинги регионов РФ по уровню смертности населения // Экономика, налоги, право. 2011. №4. С. 18—22.

10. *World population prospects, the 1995 revision*. URL: <http://esa.un.org/wpp/1995> (дата обращения: 01.02.2014).
11. *World population prospects, the 2010 revision*. URL: <http://esa.un.org/wpp/2010> (дата обращения: 01.02.2014).
12. *Статистический ресурс Всемирного банка*. URL: <http://data.worldbank.org/> (дата обращения: 01.02.2014).

Об авторах

Николай Александрович Слука, доктор географических наук, ведущий научный сотрудник кафедры географии мирового хозяйства, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: gwe@geogr.msu.su

Дмитрий Сергеевич Иванов, студент кафедры географии мирового хозяйства, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: 30.timjohnson@gmail.com, dsivanov@hse.ru

DEMOGRAPHIC RANKING OF THE BALTIC SEA STATES

N. Sluka^{*}, D. Ivanov^{*}

^{}Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia*

Received on March 10, 2014

The relevance of the study lies in the acute need to modernise the tools for a more accurate and comparable reflection of the demographic reality of spatial objects of different scales. This article aims to test the methods of “demographic rankings” developed by Yermakov and Shmakov. The method is based on the principles of indirect standardisation of the major demographic coefficients relative to the age structure.

The article describes the first attempt to apply the method to the analysis of birth and mortality rates in 1995 and 2010 for 140 countries against the global average, and for the Baltic Sea states against the European average. The grouping of countries and the analysis of changes over the given period confirmed a number of demographic development trends and the persistence of wide territorial disparities

in major indicators. The authors identify opposite trends in ranking based on the standardised birth (country consolidation at the level of averaged values) and mortality (polarisation) rates. The features of demographic process development in the Baltic regions states are described against the global and European background.

The study confirmed the validity of the demographic ranking method, which can be instrumental in solving not only scientific but also practical tasks, including those in the field of demographic and social policy.

Key words: demographic ranking, standardised coefficients, countries of the world, Baltic region.

About the authors

Prof. Nikolai Sluka, Leading Research Fellow, Department of Geography of World Economy, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University, Russia.

E-mail: gwe@geogr.msu.su

Dmitry Ivanov, Department of Geography of World Economy, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University, Russia.

E-mail: 30.timjohnson@gmail.com, dsivanov@hse.ru

**ИЗМЕНЕНИЯ
ЕСТЕСТВЕННОГО ПРИРОСТА
НАСЕЛЕНИЯ В ЮЖНОЙ
И ЮГО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТЯХ
БАЛТИЙСКОЙ ЕВРОПЫ**

*Т. Михальский**

Анализируется естественное движение населения в 2002—2011 гг. в посткоммунистической части Балтийской Европы: земле Мекленбург — Передняя Померания (Германия), трех воеводствах Польши: Западно-Поморском, Поморском и Варминьско-Мазурском; Литве, Латвии, Эстонии и двух областях Российской Федерации — Калининградской и Ленинградской, а также в городе федерального значения Санкт-Петербурге. Автором использованы традиционные методы демографического анализа на материале данных национальных статистических служб и Евростата. Отмечено, что для всех исследуемых регионов характерна поздняя стадия модели демографического перехода (МДП). Ситуация в польской части выделенной территории неблагоприятна, как и в других перечисленных выше странах и регионах.

Ключевые слова: Балтийская Европа, естественный прирост и убыль населения

Введение

Произошедшие в Центральной и Восточной Европе политические изменения [3; 4; 10; 56], экономические преобразования [5; 8; 12; 42; 46; 49] и социальные трансформации [1; 7; 22; 48] оказали значительное влияние на демографические условия [18; 28; 32; 35; 37; 38; 45] и здоровье населения [35; 36; 41; 56]. Процесс трансформации системы, после-

* Гданьский университет,
Польша, Гданьск,
Jana Ważyńskiego, 1 A.

Поступила в редакцию 07.03.2014 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2014-2-3

© Михальский Т., 2014

довавший за распадом коммунистического блока, можно разделить на два этапа:

— первый этап — с 1990 по 2003 г. (от создания первого посткоммунистического правительства в данной части Европы до вступления первых восьми посткоммунистических стран¹ в Европейский союз);

— второй этап — с 2003 г. до настоящего времени.

В этой статье анализируются сходства темпов естественного прироста населения названной территории во второй период преобразований. Объект анализа — население южного и юго-восточного побережья Балтийского моря, бывшего частью социалистической системы. Разделение территории на регионы уровня NUTS-2 оптимально в случае Европейского союза; аналогичные единицы выделены и на территории Российской Федерации. В целом будут рассмотрены десять регионов (рис. 1):

— один в Германии (земля Мекленбург — Передняя Померания, ранее часть Германской Демократической Республики);

— три в Польше (Западно-Поморское, Поморское и Варминьско-Мазурское воеводства — такое административное деление существует с 1999 г.);

— три независимых государства, население которых исследуется в полном объеме (Литва, Латвия, Эстония — входили в состав СССР);

— три в Российской Федерации (Калининградская и Ленинградская области и город федерального значения Санкт-Петербург — также являлись частью СССР).

Исследуется период с 2002 (т.е. года, предшествующего вступлению Польши, Литвы, Латвии и Эстонии в ЕС) по 2011 г. (последний год, по которому были доступны необходимые данные).

Средняя численность населения исследуемой территории за указанный период составила 21324 тыс. человек². В 2002—2011 гг. наблюдались значительные колебания численности³, достигшие максимальных значений в Латвии (ОСО = 3,51 %) и минимальных в Эстонии (ОСО = 0,48 %). Данные изменения отображены на рисунке 2.

Заметный спад численности населения пришелся на период с 2002 по 2007 г. (с 21 523 до 21 249 тыс. человек), за ним последовала тенденция к росту, достигшая своего пика в 2010 г. (21 348 тыс. человек). Эти изменения описываются уравнением $y = 0,011x^2 - 0,137x + 21,667$ ($R^2 = 0,810$).

¹ Если не учитывать тот факт, что Германская Демократическая Республика вошла в состав Федеративной Республики Германия.

² Среднее арифметическое для 2002—2011 гг.

³ Для данного периода относительное стандартное отклонение (ОСО) составило всего 0,53%.

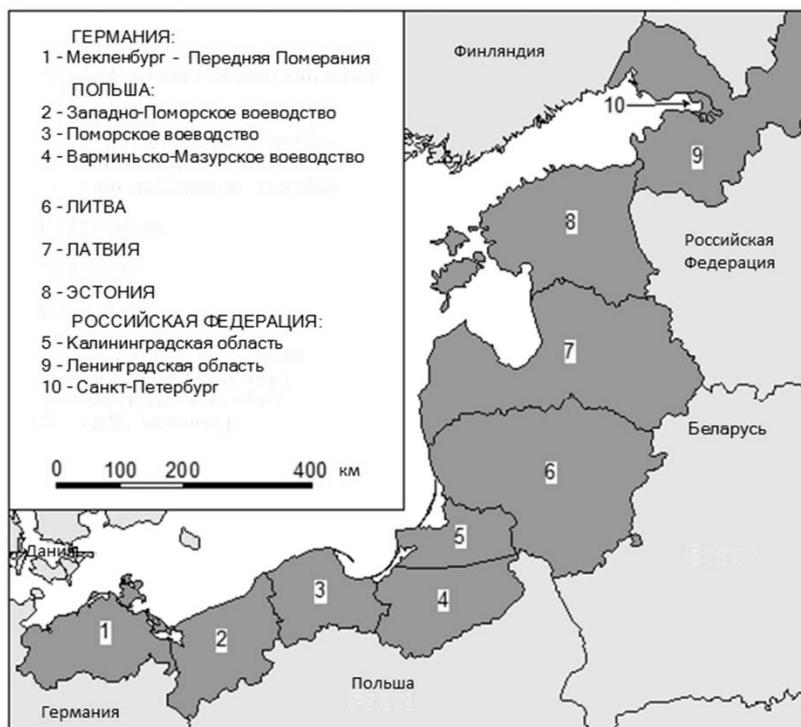

Рис. 1. Исследуемая территория

Источник: составлено автором; источниками статистических данных послужили веб-сайты [13—15].

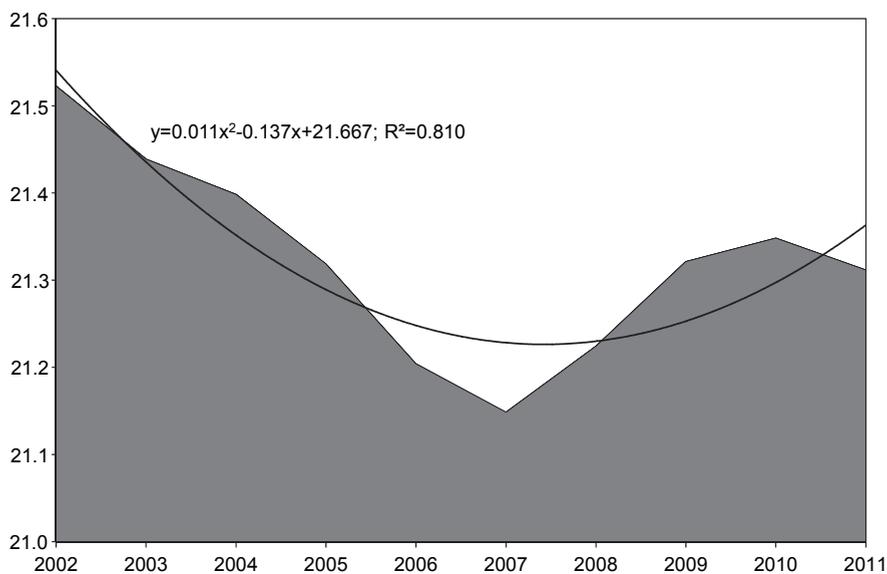

Рис. 2. Изменение численности населения на исследуемой территории в 2002—2011 гг.

Источник: составлено автором на материале собранных данных.

Изменения естественного прироста населения

Среднеарифметический темп естественного прироста в 2002—2011 гг. колебался от 2,6% в Поморском воеводстве Польши до 10,2% в Ленинградской области РФ. На рисунке 3 видно, что средний положительный показатель естественного прироста наблюдается только в польских регионах при негативных показателях на остальной территории, что отражает ситуацию на уровне стран, а не регионов. Только в Польше (в целом) средний показатель естественного прироста в 2002—2011 гг. был положительным, в то время как в Германии и РФ (а также в странах Балтии) имела место естественная убыль населения. Что касается стабильности, наибольшие колебания естественного прироста наблюдались в Эстонии и рассматриваемых российских регионах.

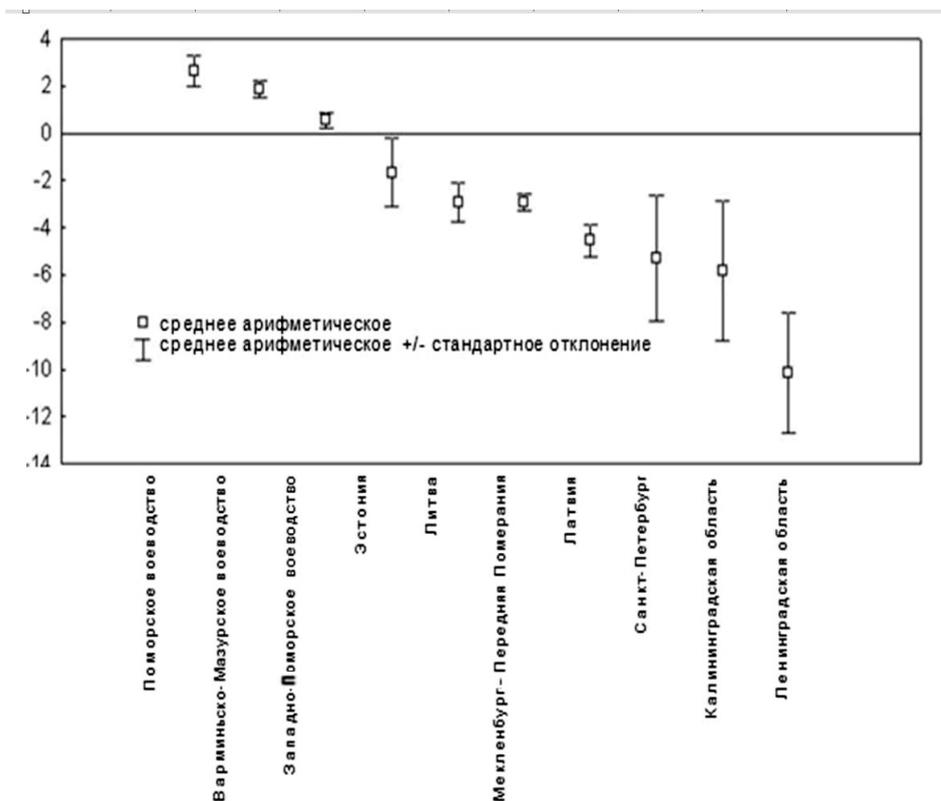

Рис. 3. Средний показатель естественного прироста (на 1000 человек) в 2002—2011 гг.

Источник: составлено автором на материале собранных данных.

С помощью метода выбора переменной, разработанного польским экономистом Здзиславом Хельвигом [23], анализируемая группа регионов была разделена на четыре подгруппы по уровню естественного прироста в 2002—2011 гг. Результаты этой классификации представлены на рисунке 4.

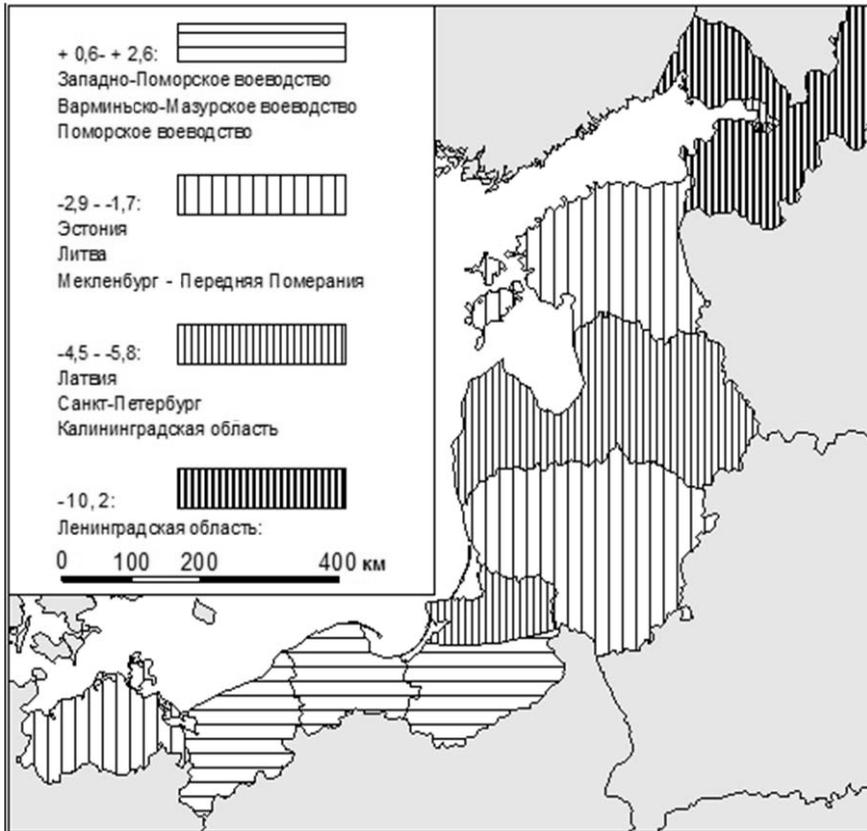

Рис. 4. Средний показатель естественного прироста (на 1000 человек) в 2002—2011 гг. — географический разрез

Источник: составлено автором на материале собранных данных.

Анализ карты (рис. 4.) не дает представления о существовании неких пространственных закономерностей. Хотя в областях с преимущественно польским населением значения естественного прироста были положительными, в то время как на территориях, заселенных преимущественно русскими, ситуация оказалась наименее благоприятной (три российских региона и Латвия, в которой проживает многочисленная русская диаспора), данное обстоятельство не стало основной причиной сложившейся ситуации.

Дополнительные данные могут быть получены посредством анализа изменения естественного прироста в определенных регионах. С этой целью использовался метод МакКуитти [52]. Типы естественного прироста выделялись на основе значения коэффициента корреляции Пирсона менее 0,800. Таким образом, регионы были разбиты на четыре группы (в двух из них — по одному элементу), соответствующие определенному типу изменений (рис. 5). Географически это разбиение представлено на рисунке 6.

Рис. 5. Типы изменения естественного прироста в 2002—2011 гг.

Источник: составлено автором на материале собранных данных.

Рисунки 7, 8 и 9 отражают динамику демографических показателей на основе регрессионного анализа по выделенным типам регионов (регрессионный анализ не проводился при значении коэффициента детерминации менее 0,800).

Регионы, принадлежащие к классу А (рис. 7), характеризуются постепенным увеличением естественного прироста. В Поморском воеводстве и Латвии показатели естественного прироста были довольно скромными, с 2008 г. наблюдается тенденция к плавному их снижению. В случае трех российских регионов заметна восходящая тенденция. Промежуточное положение между этими представителями группы А занимает Эстония, в которой тенденция к росту постепенно сходит на нет (в 2011 г. по сравнению с 2010-м наблюдаются признаки тенденции к снижению).

Довольно сложные изменения естественного прироста имеют место в двух польских регионах, составляющих группу Б (рис. 8).

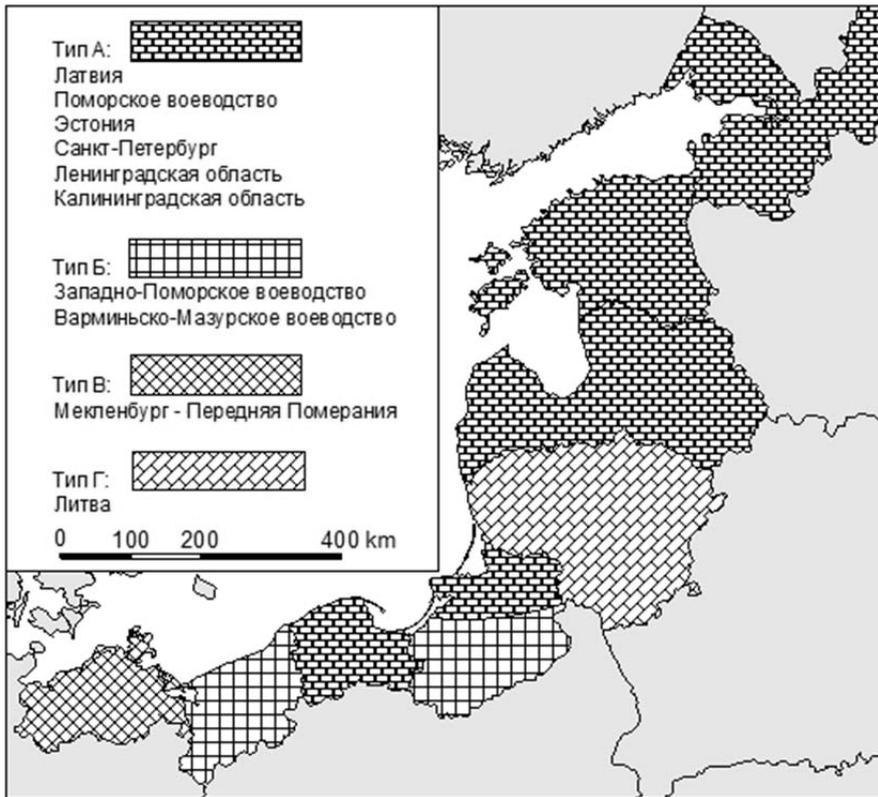

Рис. 6. Типы изменения естественного прироста в 2002—2011 гг. — географическое представление

Источник: составлено на основе рисунка 5.

Изначально в Варминьско-Мазурском и Западно-Поморском воеводствах наблюдалось снижение естественного прироста, сменившееся тенденцией к росту, при этом в 2008 г. показатель снова стал снижаться. Колебания уровня естественного прироста в обоих регионах схожи с изменениями, имевшими место в Поморском воеводстве, за исключением первичного падения показателя.

На рисунке 9 отражены изменения, наблюдавшиеся в земле Мекленбург — Передняя Померания (тип В) и Литве (тип Г). В немецком регионе изменения были незначительны, лишь в 2008 г. наметилась тенденция к снижению. Динамика естественного прироста в Литве представляется наиболее сложной: стабильная ситуация в начале периода сменилась снижением, за которым последовало резкое увеличение показателя с последующим падением.

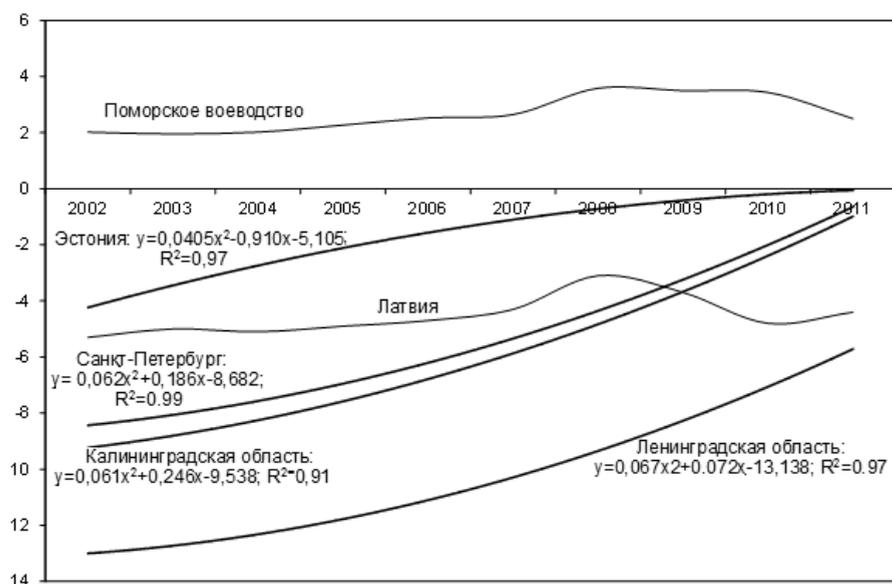

Рис. 7. Изменения естественного прироста населения (на 1000 человек) в регионах типа А в 2002—2011 гг.

Источник: составлено автором на материале собранных данных.

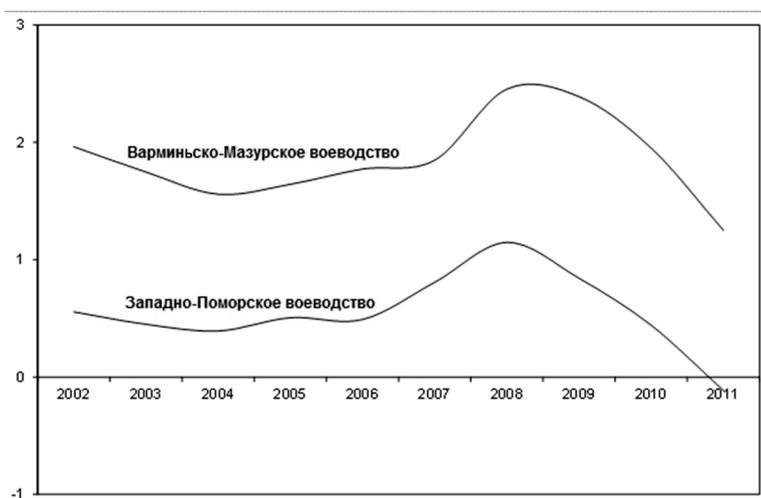

Рис. 8. Изменения естественного прироста населения (на 1000 человек) в регионах типа Б в 2002—2011 гг.

Источник: составлено автором на материале собранных данных.

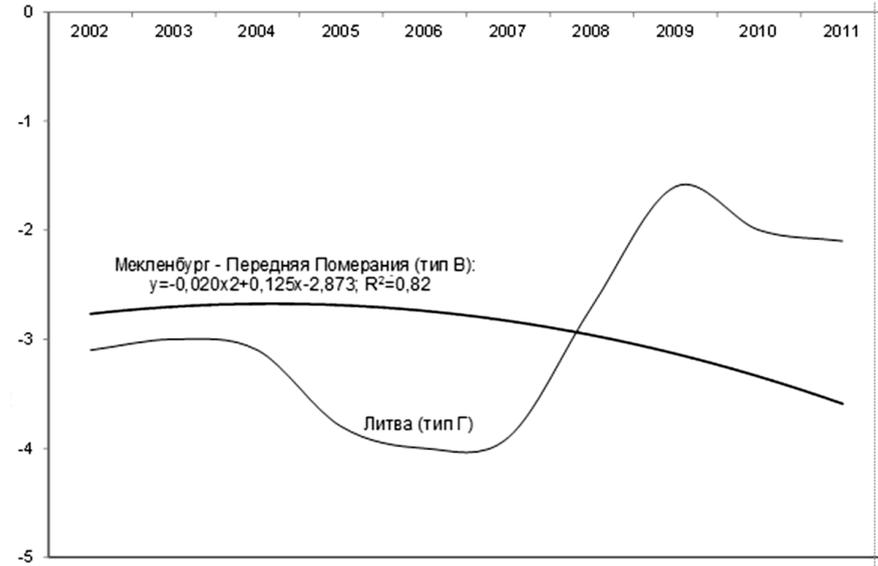

Рис. 9. Изменения естественного прироста населения (на 1000 человек) в регионах типов В и Г в 2002—2011 гг.

Источник: составлено автором на материале собранных данных

В таблице представлены результаты предыдущего исследования средних показателей естественного прироста (на основе метода Хельвига [23]) и изменения естественного прироста (на основе метода Мак-Куитти [52]).

Сводная оценка естественного прироста населения в 2002—2011 гг.

Уровень естественного прироста	Тип изменения естественного прироста			
	А	Б	В	Г
Положительный	Поморское воеводство	Западно-Поморское воеводство, Варминьско-Мазурское воеводство	—	—
Отрицательный	Эстония		Мекленбург — Передняя Померания	Литва
Резко отрицательный	Латвия, Санкт-Петербург, Калининградская область	—	—	—
Чрезвычайно отрицательный	Ленинградская область	—	—	—

Источник: Составлено автором на материале собранных данных.

На рисунке 10 результаты исследования, приведенные в таблице, отображены в географическом разрезе.

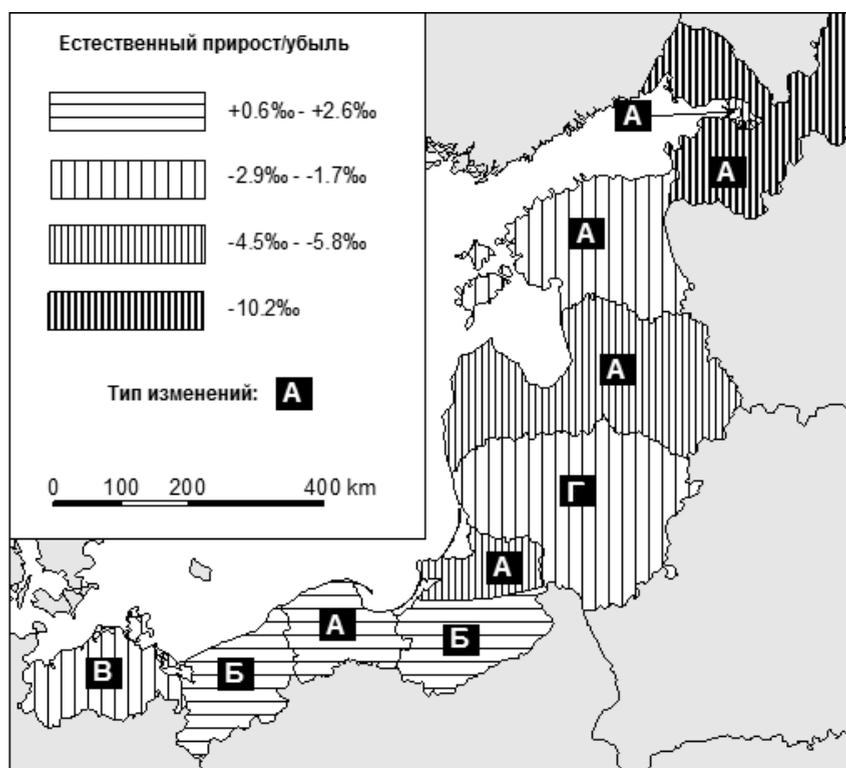

Рис. 10. Сводная оценка естественного прироста населения в 2002—2011 гг.

Источник: составлено автором на материале собранных данных.

Выводы

В большинстве исследуемых регионов показатели естественного прироста населения довольно низки. Несмотря на то что динамика этих показателей теоретически вписывается в рамки второго демографического перехода [53; 55], ситуация на рассматриваемых территориях (за исключением польских регионов) менее благоприятна, чем это предусматривается моделью.

Одной из причин сложившейся ситуации может быть негативное воздействие трансформации системы на численность населения [39]. Выделяется два аспекта такого воздействия. На всей исследуемой территории наблюдалось сокращение количества рождений живых детей, что характерно для всех европейских стран посткоммунистического

пространства и является следствием изменения традиций [11; 17; 45; 51]. Второй: на российской части исследуемой территории отмечается более высокая смертность, обусловленная нездоровым образом жизни и невысоким уровнем здравоохранения [9; 43; 54; 58].

Выводы по периоду после расширения ЕС соответствуют результатам изучения периода, последовавшего непосредственно за распадом социалистической системы [2; 16; 24; 25; 27; 33; 34; 44]. Другим фактором, оказывающим негативное влияние на упомянутые территории, стало отрицательное миграционное сальдо, изначально имевшее место лишь в земле Мекленбург — Передняя Померания вследствие внутренней миграции и странах Балтии (эмиграция русскоязычного населения в Россию) [6; 19—21; 26; 29; 50]. Но после расширения ЕС в 2003 г. миграция затронула почти всю изучаемую территорию, при этом претерпели изменения ее направление и причины. Сегодня миграция обусловлена экономическими причинами и направлена в «старые» страны Евросоюза [60]. Тем не менее текущий экономический кризис вынуждает к принятию мер, препятствующих свободному передвижению рабочей силы в пределах ЕС [30]. Направление миграции в исследуемых российских регионах отличается от наблюдаемого на других рассматриваемых территориях. Это объясняется тем, что южные и юго-восточные регионы Балтийской Европы, входящие в состав Евросоюза, составляют его беднейшие области, в то время как южные и юго-восточные регионы российской части Балтийской Европы принадлежат к числу наиболее благополучных в стране.

Результатом негативных демографических преобразований, в том числе снижения естественного прироста, являются значительные изменения структуры населения исследуемого региона, включая его стремительное старение. По демографическим прогнозам дальнейшее снижение численности жителей большинства исследуемых регионов продолжится. Например, предполагается, что к 2050 г. население Эстонии составит приблизительно 993,5 тыс. человек⁴ [31]. Исключение — Поморское воеводство, где к 2035 г. ожидается увеличение населения до 2262,8 тыс. человек (в 2007 г. было 2210,9 тыс. человек), что подразумевает 102,4%-ный темп роста по сравнению с 2007 г.

В ближайшем будущем наблюдаемые тенденции могут оказать негативное влияние на экономическое развитие исследуемых территорий в результате дефицита рабочей силы и растущей финансовой нагрузки стареющего населения.

⁴ При сохранении текущих демографических тенденций. Согласно наиболее оптимистическому сценарию, подразумевающему рост населения, к 2020 г. оно составит 1360,7 тыс. человек [31].

Список литературы

1. *Ágh A.* Processes of democratization in the East Central European and Balkan states: sovereignty-related conflicts in the context of Europeanization // *Communist and Post-Communist Studies*. 1999. Vol. 32. P. 263—279.
2. *Anisiewicz R.* Changes in fertility and nuptiality in the post-soviet part of Baltic Europe // *The Geographical Aspects of the Transformation Process in Central and East-Central Europe* / ed. T. Michalski. Gdynia ; Pelplin, 2006. P. 45—57.
3. *Systemy polityczne Europy Środkowej i Wschodniej. Perspektywa porównawcza* / ed. A. Antoszewski. Wrocław, 2006.
4. *Demokracje Europy Środkowo-Wschodniej w perspektywie porównawczej* / eds. A. Antoszewski, R. Herbut. Wrocław, 1997.
5. *Bąk M.* Europa Środkowa i Wschodnia wobec wyzwania transformacyjnego. Gdańsk, 2006.
6. *Bauls A.* Changes in the migration of the population in Latvia over 1991—1996 // *Ruchliwość przestrzenna ludności w okresie przemian ustrojowych* / ed. D. Szymańska. Toruń, 1998. P. 165—170.
7. *New Religions Phenomena in Central and Eastern Europe* / ed. I. Borowik, G. Babiński. Kraków, 1997.
8. *Cipko A.* Razmyšleniâ o prirode i pričinah kraha postsovetskogo liberalizma // *Vestnik Analytyki*. 2004. N 3(17). P. 4—24.
9. *Cockerham W. C.* Health lifestyles in Russia // *Social Science & Medicine*. 2000. № 51. P. 1313—1324.
10. *Europa Wschodnia — Ameryka Łacińska. Pozycja jednostki i system rządu* / ed. K. Complak. Wrocław, 2002.
11. *Cubbins L. A., Szaflarski M.* Family effects on self-reported health among Russian wives and husbands // *Social Science & Medicine*. 2001. № 53. P. 1653—1666.
12. *Dubauskas G.* Euro Atlantic Integration and Foreign Banks in Transitional Economies // *Tiltai*. 2003. № 4 (25). P. 13—22.
13. *European health for all database (HFA-DB) at World Health Organization Regional Office for Europe*. URL: <http://www.euro.who.int/en/home> (дата обращения: 12.01.2014).
14. *Eurostat database*. URL: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/eurostat/home/> (дата обращения: 12.01.2014).
15. *Federal State Statistics Service Russian Federation database*. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 12.01.2014).
16. *Fiedorow G. M., Kornirjewiec W. S., Zwieriew J. M.* Uwarunkowania fizycznogeograficzne o społeczno-ekonomiczne rozwoju Obwodu Kaliningradzkiego Federacji Rosyjskiej // *Uwarunkowania rozwoju rosyjskiej i polskiej części Euroregionu „Bałtyk”*. Published series: Regiony Nadmorskie. 13 / ed. G. M. Fiedorow. Gdynia ; Pelplin, 2007. P. 63—151.

17. *Frejka T.* Overview Chapter 5: Determinants of family formation and child-bearing during the societal transition in Central and Eastern Europe // *Demographic Research*. 2008. Vol. 17. P. 139—170.

18. *Górecka S.* Demographic changes in the Central and East Europe on the turn of the 20th and 21th century // *Bulletin of Geography (socio-economic series)*. 2006. N 6. P. 67—76.

19. *Grzelak-Kostulska E., Hołowiecki M., Szymańska D.* Permanent migrations in the period of constitutional transformations // *Polish Population Review*. 1998. № 13. P. 87—92.

20. *Gubrynowicz A.* O Estonii i Łotwie nieortodoksyjnych uwag kilka // *Międzynarodowy Przegląd Polityczny*. 2005. № 12. P. 123—138

21. *Heiland F.* Trends in East-West German Migration from 1989 to 2002 // *Demographic Research*. 2004. Vol. 11. P. 173—194.

22. *Nacjonalizm.* Konflikty narodowościowe w Europie Środkowej i Wschodniej / ed. S. Helanrski. Toruń, 2001.

23. *Hellwig Z.* Zastosowanie metody taksonomicznej do typologicznego podziału krajów ze względu na poziom ich rozwoju oraz zasoby i strukturę wykwalifikowanych kadr // *Przegląd Statystyczny*. 1968. R. 15, z. 4. P. 307—327.

24. *Jankevics J.* Depopulation in Latvia // *Polish Population Review*. 1998. № 13. P. 11—19.

25. *Jankevics J.* Depopulation in Latvia // *Ruchliwość przestrzenna ludności w okresie przemian ustrojowych* / ed. D. Szymańska. Toruń, 1998. P. 9—16.

26. *Jankevics J.* Change in the population of Latvia due to migration // *Procesy i formy ruchliwości przestrzennej ludności w okresie przemian ustrojowych* / ed. D. Szymańska. Toruń, 2000. P. 21—23.

27. *Jankevics J.* Demographical situation in Latvia (according to the population census of the year 2000) // *Biuletyn Geograficzny*. № 1. 2002. P. 44—48.

28. *Katus K.* Post-transitional fertility development: new perspectives introduced by Central and East European nations // *Population in Central and Eastern Europe: Challenges and Opportunities*. Statistical Publishing Establishment / eds. I. E. Kotowska, J. Józwiak. Warsaw, 2003. P. 117—138.

29. *Kõre J.* Political system transformations and changes in population behavior case of migration behavior Estonian population // *Procesy i formy ruchliwości przestrzennej ludności w okresie przemian ustrojowych* / ed. D. Szymańska. Toruń, 2000. P. 9—11.

30. *Kuptsch Ch.* The Economic Crisis and Labour Migration Policy in European Countries // *Comparative Population Studies — Zeitschrift für Bevölkerungswissenschaft*. 2012. Vol. 37, № 1—2. P. 15—32.

31. *Maamägi A.* Eesti võimaik rahvaarv ja vanuskoosseis aastani 2050 // *Population prognosis and age distribution in Estonia, Rahvastik*. 2005—2006. Population, Statistikaamet. Tallinn, 2007. P. 68—96.

32. *Macura M., MacDonald A. L.* Fertility and fertility regulation in Eastern Europe: from the socialist to the post-socialist era // *Population in Central and Eastern*

Europe: Challenges and Opportunities. Statistical Publishing Establishment / eds. I. E. Kotowska, J. Jóźwiak. Warsaw, 2003. P. 35—90.

33. *Michalski T.* The main demographic and health problems of the former Soviet part of Baltic Europe // *Baltic Europe on the Eve of Third Millennium*. Published series: Coastal Regions 3 / ed. J. Wendt. Gdańsk, 2001. P. 113—119.

34. *Michalski T.* Procesy demograficzne w Europie Bałtyckiej w połowie lat dziewięćdziesiątych // *Europa Bałtycka. Rozwój koncepcji. Opracowanie dedykowane Profesorowi Jerzemu Zaleskiemu w pięćdziesięciolecie pracy naukowej*. Published series: Regiony Nadmorskie 2 / ed. M. Pacuk. Gdańsk, 2001. P. 83—92.

35. *Michalski T.* Changes in the Demographic and Health Situation Among Post-Communist Members of the European Union. Pelplin, 2005.

36. *Michalski T.* Sytuacja zdrowotna w europejskich krajach postkomunistycznych w dobie transformacji. Gdańsk, 2010.

37. *Michalski T.* Przemiany w liczbie ludności i ruchu rzeczywistym w Europie Środkowej i Środkowo-Wschodniej w okresie transformacji. Pelplin, 2012.

38. *Michalski T.* Przemiany w umieralności w Europie Środkowej i Środkowo-Wschodniej w okresie transformacji. Pelplin, 2012.

39. *Mihal'ski T.* Depopulaciã w êwropejskich posktkomunističnih derŕawah âk plata za transformacijni procesi // *Teoretični ta medologični problemi suspil'noï geografii*. Zbirknik naukowih prac po pošanu Zasluŕenogo profesora L'wiwskogo naciol'nogo uniwersitetu imeni Īwana Franka Olega Šabliã / ed. O. Šablij. L'wiw, 2007. P. 255—264.

40. *Molodikova I. N., Nozdrina N. N.* Migratory flows to Russia and their effect on the territorial distribution of the population // *Procesy i formy ruchliwości przestrzennej ludności w okresie przemian ustrojowych* / ed. D. Szymańska. Toruń, 2000. P. 71—76.

41. *Moon G.* Health Trends in Eastern Europe: a Comparative Analysis // *Health, Environment and Development* / ed. A. Vaishar. Brno, 1994. P. 61—79.

42. *Muzlova G. D.* Vnišnãâ trgovlã stran central'no-vostočnoj Europy: regional'nye tendencji 1990-h godov // *Izvestiã Rosijskoj akademii nauk. Seriã geografičeskaã*. 2002. № 2. P. 63—70.

43. *Nikolai S.* Geography of modern population processes in Russia: main features, tendencies, problems // *Polish Population Review*. 1998. № 13. P. 19—32.

44. *Palmowski T., Michalski T., Wendt J.* Demographic problems of the Kaliningrad Oblast. // *Conferința Științificã Internaționalã «Politici Economice de Integrare Europeanã»* (23—24 septembrie 2005). Chișinău, 2005. P. 230—233.

45. *Philipov D., Kohler H.-P.* Tempo Effects in the Fertility Decline in Eastern Europe: Evidence from Bulgaria, the Czech Republic, Hungary, Poland and Russia // *European Journal of Population*. 2001. Vol. 17. P. 37—60.

46. *Pojakovã D.* Štrukturalne a prestorowé zmieny priemyslu pod vplyvom socioekonomickej transformãcie // *Ročník 32. Folia Geographica 3. FHPH PU. Prešov*, 1999. P. 116—122.

47. *Prognoza ludności na lata 2008—2035* / Departament Badań Demograficznych GUS. Warszawa, 2009. URL: http://www.stat.gov.pl/cps/rde/xbcr/gus/L_prognoza_ludnosci_na_lata2008_2035.pdf (дата обращения: 05.01. 2014).
48. *Organizacje pozarządowe w krajach rozwijających się i Europie Wschodniej*. Instytut Krajów Rozwijających się Wydział / ed. E. Puchnarewicz. Warszawa, 2003.
49. *Radics Z.* The change of external economic contacts in Central Europe between 1989 and 2003 in the respect of studying the CEFTA // Regional development in the Romanian-Hungarian cross-border space — from national to European perspective / eds. I. Süli-Zakar, I. Horga. Debrecen, 2006. P. 137—142.
50. *Rauglaudre P. de.* Russophones in Latvia: a geopolitical approach // Multi-cultural Regions and Cities. Region and Regionalism / eds. M. Koter, K. Heffner. 1999. № 4. P. 56—62.
51. *Rudeliūnienė I.* Moters vaidmens ir šeimos demografinės radios transformacija XX—XXI a. // Tiltai. 2003. №4 (25). P. 49—56.
52. *Runge J.* Metody badań w geografii społeczno-ekonomicznej — elementy metodologii, wybrane narzędzia badawcze. Katowice, 2006.
53. *Rychtaříková J.* In Eastern Europe experiencing a second demographic transition? // Geographica. 1999. №34(1). P. 19—44.
54. *Shokolnikov V. M., Corina G. A., Leon D. A. et al.* Causes of the Russian Mortality: Evidence and Interpretation // World Development. 1998. №26. P. 1995—2011.
55. *Sobotka T.* Overview Chapter 6: The diverse faces of the Second Demographic Transition in Europe // Demographic Research. 2008. Vol. 19. P. 171—224.
56. *Staśac M., Michalski T., Palmowski T.* Przemiany umieralności w Europie Środkowej // Biuletyn Geograficzny. 2002. № 1. P. 23—33.
57. *Swiaczny F.* Demographic change in Germany and reversal of spatial ageing patterns // Baltic Region. 2010. №4 (6). P. 37—47.
58. *Vallin J., Andreev E., Meslé F. et al.* Geographical diversity of cause-of-death patterns and trends in Russia // Demographic Research. 2005. Vol. 12. P. 232—380.
59. *Wojnicki J.* Kształtowanie systemów wielopartyjnych Europy Środkowowschodniej 1989—2000. Pułtusk, 2005.
60. *Yemelyanova L. L.* International cross-border migration in South-East Baltic: factors, structure, consequences // Baltic Region. 2010. № 4(6). P. 55—64.

Об авторе

Томаш Михальский, доктор наук, профессор кафедры географии регионального развития, Гданьский университет (Польша).

E-mail: geotm@univ.gda.pl

NATURAL INCREASE IN THE BALTIC SOUTH AND SOUTH-WEST

T. Michalski*

* *University of Gdańsk*
IA, Jana Bażyńskiego, Gdansk, Poland

Received on March 7, 2014

This article analyses the natural population increase (decrease) in the post-communist part of Baltic Europe (the federated state of Mecklenburg-Western Pomerania, West Pomeranian, Pomeranian, and Warmian-Masurian Voivodeships, Lithuania, Latvia, Estonia, the Kaliningrad and Leningrad region, and the federal city of Saint Petersburg) in 2002—2011. The study uses standard methods of demographic analysis, the data provided by national statistical services and Eurostat. All regions analysed are characterised by a low stationary phase of the demographic transition model (DTM). The situation proves to be unfavourable in the Polish regions under consideration and highly unfavourable in the remaining area.

Key words: Baltic Europe, natural increase/decrease.

About the author

Dr hab. *Tomasz Michalski*, Professor, Department of Regional Development Geography, University of Gdańsk, Poland.

E-mail: geotm@univ.gda.pl

**ЦЕНТРЫ И ПЕРИФЕРИЯ
В СТРАНАХ БАЛТИИ
И РЕГИОНАХ
СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ:
ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ
В 2000-е ГОДЫ**

Н. В. Мкртчян*

Л. Б. Карачурина*

Исследуется изменение численности населения регионов Северо-Запада России (бывший Северо-Западный экономический район и Калининградская область) и стран Балтии на уровне городских округов и муниципальных районов. Также для административно-территориальных единиц (АТЕ) данного уровня методом передвижки возрастов анализируется динамика численности молодежи, что позволяет оценить ее внутристрановую (внутрирегиональную) миграцию. Этот метод применяется не часто, однако он позволяет более точно изучать сдвиги в размещении этой группы населения, чем, например, данные текущей статистики. В статье использованы материалы национальных переписей населения двух последних раундов (2000-х и 2010-х гг.) — данные об общей численности населения и его половозрастном составе. Чтобы отразить в исследовании центр-периферийные взаимодействия, мы выделяли среди исследуемых АТЕ центральные (столицы стран и регионов) и пристоличные районы, а остальные группировали по степени удаленности от центров. Анализ показал, что в исследуемых странах и регионах происходит концентрация населения в столицах и ближайших к ним районах, а периферия высокими темпами теряет население. Особенно выражено центростремительное движение молодежи, которое влияет на изменение не только численности жителей центров и периферийных территорий, но и его структуры, тем самым усугубляя процессы депопуляции и старения населения.

*Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики. 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.

Поступила в редакцию 10.03.2014 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2014-2-4

© Мкртчян Н. В.,
Карачурина Л. Б., 2014

Ключевые слова: население, миграция, город, район, молодежь, центр-периферия

С демографической и пространственно-географической точек зрения регионы Северо-Запада России и страны Балтии имеют много общего. Естественная убыль населения здесь имела место на протяжении двух последних десятилетий (табл. 1). Она наблюдалась как в городах, так и в сельской местности. Идет процесс старения населения, и трансформация его возрастной структуры становится дополнительным фактором, определяющим негативную динамику численности жителей. При этом особых региональных различий между странами Балтии и регионами российского Северо-Запада не наблюдается: негативный демографический фон почти повсеместен и однотипен.

Таблица 1

**Естественное и миграционное движение населения
регионов Северо-Запада России и стран Балтии,
2000, 2010 гг., на 1000 человек населения**

Регион, страна	Естественный прирост (убыль)		Миграционный прирост (убыль)	
	2000	2010	2000	2010
Калининградская область	-7,4	-2,8	5,5	6,2
Ленинградская область	-12,8	-6,1	7,8	15,0
Новгородская область	-12,4	-8,7	1,8	-2,1
Псковская область	-14,7	-10,7	1,1	-5,0
Санкт-Петербург	-9,5	-2,0	2,5	15,7
Эстония	-3,9	0,0	0,2	0,0
Латвия	-5,0	-4,9	-2,4	-3,6
Литва	-1,4	-3,7	-5,8	-23,7

Источники: Демографический ежегодник России — 2002 / Росстат. М., 2002; Демографический ежегодник России — 2012 / Росстат, 2012; Eurostat. URL: evrostat.eu

Снижение естественного прироста населения, вплоть до убыли, увеличивает значимость миграционной составляющей в динамике численности жителей и их территориальном распределении. При этом миграция способна как усилить негативные тенденции депопуляции, так и сгладить ее последствия. Возрастная и поселенческая селективность миграции наблюдалась и в советское время [4], она присуща миграции и сейчас.

Общие различия миграционной ситуации в отдельных регионах российского Северо-Запада и странах Балтии значительны (табл. 1). Эстония, Латвия и Литва со времени обретения независимости испытывали миграционный отток населения. Регионы Северо-Запада России имели как миграционную убыль (например, Псковская область), так и приток (Калининградская область). В целом, находясь на западе страны и получая пользу от «западного дрейфа», они скорее характеризовались относительно благоприятным миграционным режимом. Однако и в привлекательной для мигрантов Ленинградской области, и в подверженной эмиграции Латвии выделялись определенные *притягивающие* и *отдающие* точки, имели место сильные внутренние контрасты миграционной ситуации.

Демографический фон накладывает свой отпечаток на взаимодействие городского и сельского расселения, все больше превращая его в «пятнистое» [3, с. 3], заметными становятся различия стадий дифференциальной урбанизации [23], трансформируется ее природа.

Распад СССР, по сути, совпал с высшей точкой зависимости динамики расселения от территориальной структуры производства. Впоследствии появление рынков жилья, земли и труда, развитие транспортной инфраструктуры, социальная дифференциация населения стали новыми факторами трансформации расселения. Кроме того, и в России, и, тем более, в странах Балтии усилилось влияние факторов благоприятности условий жизни, экологии, личного пространства, построения разнообразных индивидуальных стратегий поведения, зависимости от возможностей сочетания труда и досуга, стратегий развития человеческого потенциала и т. п. В странах Балтии, как наиболее продвинувшихся по пути урбанистического развития, постиндустриальные тенденции в некоторой степени диагностировались и в позднесоветский период. В Эстонии с 1983 г., в Латвии с 1984-го прекратился отток из села в города. В 1984—1989 гг. в большинстве мааконд Эстонии был диагностирован приток в сельскую местность. По мнению К. Катуса и Л. Саккеус, наблюдаемое явление можно характеризовать как «прямое свидетельство усиливающейся волны дезурбанизации, идущей на смену длительного процесса концентрации населения в городах... Эта новая тенденция началась до начала экономического перехода и общественной трансформации в Эстонии» [7, с. 173].

Впоследствии серьезным барьером для развития урбанистической системы в том виде, в котором оно проходило в западноевропейских странах — от урбанизации и концентрации населения в период активной индустриализации до субурбанизации и деконцентрации в постиндустриальный период [22—24], стал системный экономический кризис

1990-х гг. В частности, кризис сельского хозяйства, недостаточность финансирования муниципалитетов в сельской местности, реструктуризация сети учреждений социальной сферы. При этом применительно, например, к Эстонии, отмечалось, что желание населения жить в частных пригородных домах есть и оно велико, но слабы возможности реализации этого [27]. В России развитие урбанизации в условиях огромных пространств и необходимости преодоления больших расстояний при не самой хорошей инфраструктуре привело к специфической «дачной» субурбанизации [14; 17], когда выезд за пределы города — временный (на выходные и/или на летний сезон), не влечет за собой смены постоянного места жительства и сдерживает развитие пригородов. Поэтому деконцентрации населения под влиянием субурбанизации пока не случилось.

Более того, одной из современных черт стала концентрация населения в центральных городах регионов, а также расположенных в зонах их хозяйственного тяготения сельских административных районах [5] — «противостояние центров и периферий» [10]. Это противостояние во многом определяет централизация системы власти и распределения финансовых ресурсов, при которой чем выше уровень, тем потенциально больше у города возможностей относительно благоприятно существовать [11]. Чрезвычайно важным становится местоположение села или города по отношению к центральному городу, периферии — к ядру. По другим причинам, нежели было заложено в классической центр-периферийной теории, но по факту реализации происходит описанное Фридманом [21] и его последователями [2; 9; 29; 30]: закрепляются различия между центрами и периферией. Первые усиливаются и обогащаются за счет второй, которая поставляет им свое население.

Отсюда вытекает наша исследовательская гипотеза: в рассматриваемых демографически проблемных странах наблюдается универсальность пространственной демографической динамики на внутрирегиональном (внутристрановом) уровне, которая проявляется в том, что центры и окружающая их ближняя территория притягивают население, а периферия его отдает. Это приводит к разнонаправленным изменениям в картине расселения: концентрации при фоновом обезлюдении и деконцентрации в пределах центральной зоны.

Информационная база и методика исследования

Информационной базой исследования послужили данные о численности и половозрастной структуре населения по территориям уровня городов и районов отдельных регионов Северо-Запада Рос-

сии (Санкт-Петербург, Ленинградская, Новгородская, Псковская, Калининградская области) и стран Балтии по материалам переписей населения раундов 2000-х и 2010-х гг.: в России — 2002 и 2010 гг., в Латвии — 2000 и 2011 гг., в Литве — 2001 и 2011 гг., в Эстонии — 2000 и 2012 гг. — опубликованных на сайтах государственных статистических органов.

В России данные агрегировались на уровне административных районов и городов, в Латвии — районов и городов, Литве — самоуправлений, Эстонии — мааконд (уездов). Здесь необходимо пояснить, что между раундами переписей 2000-х и 2010-х гг. в России и Латвии произошли административные реформы. В России с 2004 г. в соответствии с ФЗ-131¹ уровень административных районов и городов заменен городскими округами и муниципальными районами. Для получения сопоставимых данных результаты переписи населения 2010 г. были приведены к их виду в переписи 2002 г. С похожей проблемой мы столкнулись в Латвии, где в результате административной реформы 2009 г. вместо 26 районов территория страны была разделена на 110 краев, что также потребовало приведения данных к сопоставимым единицам.

В результате были проанализированы показатели по 197 сопоставимым территориальным единицам.

По меркам международной системы сбора региональной статистики анализируемые административно-территориальные единицы (АТЕ) районного таксона соответствуют уровню NUTS-3². Несмотря на государственный статус, качество данных последних переписей населения вызывает небезосновательные сомнения и множество нареканий. Они связаны как с процедурой проведения переписей (например, в Латвии перепись 2011 г. шла с перерывом в несколько месяцев вследствие недостаточной защиты личных данных и процедурных проблем), так и с охватом респондентов.

Итак, объектом исследования выступает население АТЕ соответствующего уровня; предметом — динамика численности населения, анализируемая прямо (через анализ показателей роста/снижения) и косвенно (через половозрастную структуру населения). Транслируемые на

¹ См.: *Об общих* принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² NUTS — Nomenclature of Territorial Units for Statistics (дословно: номенклатура территориальных единиц для статистики).

конкретные территории, эти данные в совокупности позволяют не только понять тренды динамики численности населения, но и заметить возможные изменения в рисунке расселенческой сети.

Методическая основа работы состоит, во-первых, в использовании центр-периферийной концепции развития территорий в качестве инструмента анализа, связывающего демографию и миграцию с расселением. Здесь мы исходили из того, что на всех этапах развития системы «центр-периферия» динамика численности населения центров и периферии различается. При этом периферия сама по себе неоднородна — выделяется ближняя и дальняя по отношению к центру.

К центральным АТЕ (*центр*) мы относили столицу (в России — региональный центр) и центральный, *пристоличный* район или районы, если крупный город граничит сразу с несколькими административными районами.

В каждой стране (регионе) центр только один, несмотря на то, что помимо столицы региона в нем могут быть и другие крупные города, которые мы рассматриваем тоже по отношению к региональному центру. Эти города, как будет показано ниже, также могут выступать локальными центрами притяжения населения.

Отношение периферийных АТЕ к центру можно выразить через их удаленность от него (расстояние, выраженное в километрах)³. А можно через придание периферийным районам разной удаленности от центра рангов соседства по отношению к нему. В этом случае периферия делится на периферию 1, 2 ... 7-го порядка.

Обе группировки дополняют друг друга. Так, критерий удаленности меньше зависит от различий в размере и конфигурации АТЕ в густо- и редконаселенных частях сравниваемых стран, позволяя производить более дробные группировки. Ранговый же критерий позволяет косвенно учесть разную связанность с центром близко и далеко расположенных районов (особенно на больших по площади территориях) и, соответственно, разную интенсивность маятниковых, рекреационных поездок и социально-трудовых связей.

Во-вторых, применялся метод передвижки возрастов, с помощью которого оценивался переток населения в возрасте 18—22 лет между центральными и периферийными АТЕ. Эта группа населения интересовала исследователей миграции давно. В работах В.И. Переведенцева конца 1980-х гг. выделялись три главных потока молодежи

³ Рассчитывалось по работе [1]. В необходимых случаях использовались данные открытых источников в Интернете.

из села в город: 15—16 лет⁴ — после окончания неполной средней школы; 17—18 лет — по окончании средней школы; 20—21 год — после службы в армии [18]. Сейчас возраст наибольшей миграционной активности приурочен скорее к возрасту получения профессионального образования.

Так, передвижка возрастов показывает, сколько детей в возрастах 6—10 лет было зафиксировано переписью населения 2000 г., например, в уезде Ида-Вирумаа Эстонии и сколько людей в возрастах 18—22 лет осталось на этой территории ко времени следующей переписи (2012 г.). Это позволяет оценить саму миграцию в данной когорте и роль миграции в динамике возрастной структуры населения. Методика применения передвижки возрастов⁵ включает несколько необходимых упрощений: не учтены вероятности дожития для рассматриваемых когорт; величина сдвига составляет округленное число лет (например, 12 лет), хотя реальное время, прошедшее между переписями может быть несколько больше или меньше; переписи населения также проводятся не идеально. Так, в России частично молодежь традиционно переписывается «со слов родителей», в месте прежнего жительства.

Общая динамика населения в 2000-е годы в регионах Северо-Запада России и странах Балтии

Изменение численности населения в 2000-е гг. зависит от его положения в системе центр-периферийных отношений. Вне зависимости от общей динамики, которая была различной на рассматриваемых территориях, население центров имело более благоприятные показатели (рис. 1). Однако рост масштабов убыли населения периферии по мере удаленности от центров, наблюдаемый в России и Латвии, практически не имел места в Литве и Эстонии. Здесь было неважно, удалены периферийные территории на 50, 100 или 150 км от центра, фактор расстояния не работал (это не означает, что и другие факторы не играют роли).

Интересно, что в Эстонии на большом расстоянии от центра страны явно выделяется зона практически нулевого сокращения населения

⁴ Миграции молодежи 15—16 лет в современной России практически не выражены, в этом возрасте молодые люди обычно живут в родительской семье и не склонны к самостоятельной миграции.

⁵ Более подробно об аналитических возможностях и ограничениях применения этого метода см.: [6].

(рис. 1). Здесь расположен г. Тарту — второй по численности жителей и значимости город страны. Напротив, в Литве население периферии сокращается равным темпом вне зависимости от ее удаленности от центра, а потери самых удаленных АТЕ ниже, чем более близких к столице. Это приморские территории, где немало рекреационных зон, которые могут привлекать мигрантов (поселения Клайпедского края). Отметим, что второй по численности жителей город Литвы — Каунас — теряет население, хотя и меньшими темпами, чем страна в целом. В Латвии при сокращении населения Риги растет число жителей только в пригородах столицы: здесь в 2000-е гг. имел место положительный баланс миграции в результате субурбанизации [25]. Больше полюсов роста населения в стране нет, несмотря на наличие немалых по размеру городов — Даугавпилса, Лиепай, Елгавы.

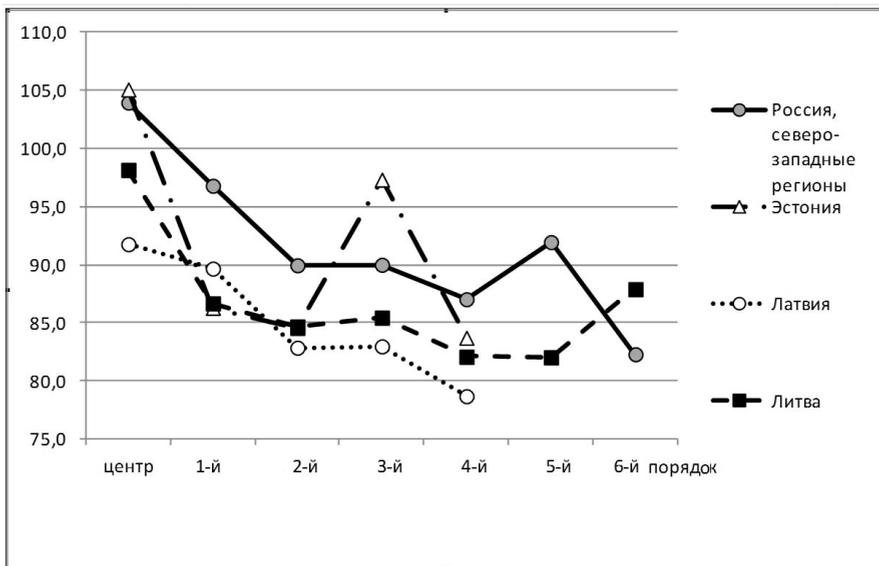

Рис. 1. Изменение численности населения низовых АТЕ в зависимости от удаленности от центров стран (регионов), 2000-е гг., % к началу периода

Примечание: данные по России — за 2003—2010 гг., по Латвии — за 2000—2010 гг., по Литве — за 2001—2010 гг., по Эстонии — за 2000—2011 гг.

Источники: базы данных Росстата, Lietuvos Statistikos Departamentas, Latvijas Statistika, Statistics Estonia.

При определении расстояния от центра страны (региона) не методом соседства, а в километрах видно, что тенденции не меняются (табл. 2).

Таблица 2

**Изменение численности населения низовых АТЕ
в зависимости от удаленности от региональных центров,
2000-е гг., % к началу периода**

Регион, страна	Центр и АТЕ, уделенные от него менее чем на 30 км	Расстояние до центра, км				
		30—50	50—100	100—150	150—200	Более 200
Россия, северо-западные области в среднем	103,9	99,6	94,8	94,5	87,0	88,6
Санкт-Петербург и Ленинградская область	104,8	105,8	104,0	98,8	90,5	90,4
Калининградская область	101,3	90,8	92,3	94,9	99,6	—
Новгородская область	98,1	88,3	86,5	86,3	88,4	85,2
Псковская область	99,0	83,9	82,1	78,8	78,4	87,9
Эстония	105,1	—	86,7	88,9	88,6	84,6
Латвия	91,8	94,6	85,1	83,2	83,7	80,4
Литва	97,8	87,1	83,7	86,0	82,0	85,2

Источники: базы данных Росстата; Lietuvos Statistikos Departamentas; Latvijas Statistika; Statistics Estonia.

Примечание: данные по России — за 2003—2010 гг., по Латвии — за 2000—2010 гг., по Литве — за 2001—2010 гг., по Эстонии — за 2000—2011 гг.

В рассматриваемых регионах России позитивную динамику центров обеспечивает прежде всего Санкт-Петербург, однако и другие столицы областей сильно отличаются от региональной периферии. Новгород и Псков не самые динамично развивающиеся центры России, они не обладают особой миграционной привлекательностью, к тому же находятся «в тени» Санкт-Петербурга (второго в стране центра притяжения населения [15, с. 453]) и сами являются для него миграционными донорами — иначе говоря, «периферией в надрегиональном масштабе». Несмотря на это, динамика численности населения Пскова и Новгорода (вместе с ближайшими пригородами) более позитивна, чем столиц Литвы и Латвии. По-видимому, в странах Балтии так проявляется сильный эмиграционный отток, оказывающий

мощное влияние на динамику населения прибалтийских стран, в том числе на их столицы.

Самое сильное сокращение населения в 2000-е гг. имело место в дальней периферии Псковской области, где во многих АТЕ население сократилось более чем на 20%. И это — при отсутствии эмиграции из страны⁶. Так влияет устойчивый (на протяжении десятилетий) отток жителей с периферии в крупные города, деформировавший возрастную структуру населения. В этих территориях самое старое, даже по меркам европейской России, население [8].

Также видно, что от Санкт-Петербурга, крупнейшего центра, значительно зависит периферия, даже удаленная от него более чем на 100 км. Похожее, а иногда и более сильное влияние на свою периферию оказывает Москва, ведь стабилизация и рост населения Московской области обеспечивается прежде всего ее «пристоличным» положением. Конечно, столицам стран Балтии не сравниться по величине с Москвой и Санкт-Петербургом, притягательная сила которых простирается далеко за пределы территорий своих областей.

Изменение численности молодежи как результат миграции

Сравнение возрастного состава населения на основе результатов переписей населения раунда 2000-х и 2010-х гг. показывает, что все страны Балтии лишались молодежи. Меньше всего потери населения в возрастах 18—22 года в Эстонии: к 2012 г. эта когорта сократилась по сравнению с численностью детей соответствующего возраста на дату переписи 2000 г. на 6%. В Латвии соответствующие потери составили 11%, в Литве — 14,5%. Среди регионов России, которые мы анализируем в данной статье, в Псковской области потери молодежи в 2010 г. в сравнении с числом детей соответствующего возраста в 2002 г. составили 3%, в Новгородской — 10%. В Санкт-Петербурге и Ленинградской области численность молодежи увеличилась на 11,5%, в Калининградской — почти на 20%.

Еще во времена СССР отток молодежи из сельской местности Нечерноземья привел к тому, что в отдельных регионах депопуляция началась еще в 1980-х гг. [3], а в крупных городах он обеспечивал непрерывное увеличение населения. В начале нынешнего века миграция молодежи сохраняла четко выраженную центростремительную направленность, что оказывает существенное влияние на возрастную структуру населения территорий притока и оттока.

⁶ Разумеется, эмиграция из России есть, но она почти незаметна для статистики.

Как видно на рисунке 2, за 2000-е гг. в разрезе «центр — периферии» когорты молодежи имели большую динамику, чем все население (ср. с рис. 1). Это объясняется почти исключительно миграционной подвижностью, так как события естественного движения оказывают незначительное влияние на динамику населения в этих возрастах (смертность дает 0,5—1,5% сокращения когорты, в зависимости от страны и пола).

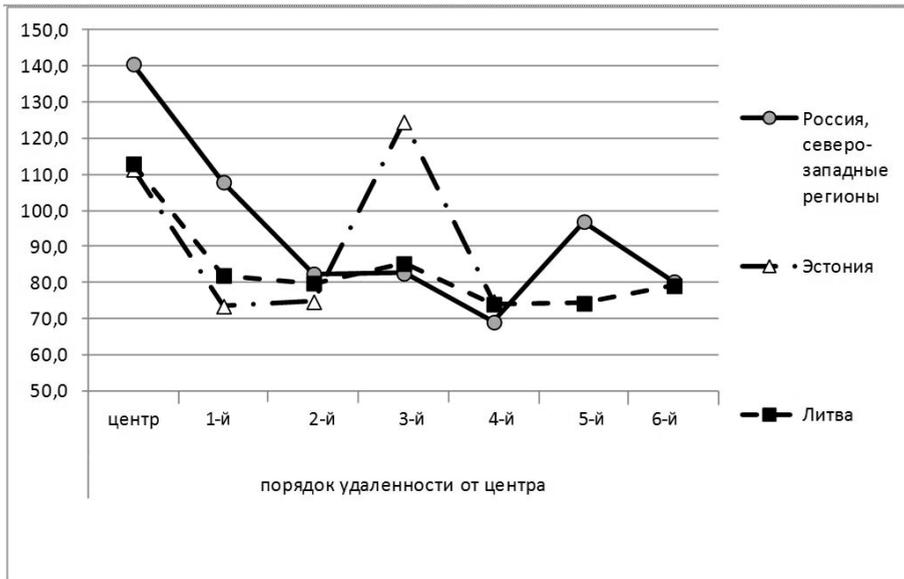

Рис. 2. Отношение численности лиц в возрасте 18—22 лет в 2010—2012 гг. к численности соответствующих детских возрастов в 2000—2002 гг., по зонам удаленности от центров, %

Примечание: данные по Латвии не рассчитывались из-за отсутствия сопоставимой информации по АТЕ анализируемого уровня.

Источники: базы данных Росстата, Lietuvos Statistikos Departamentas, Latvijas Statistika, Statistics Estonia.

По Латвии, данные по которой не представлены на рисунке 2 (и в табл. 3), удалось рассчитать показатели только для шести крупных регионов. Получилось, что даже в Риге и пририжском регионе нет притока молодежи (вероятнее всего, он есть, но эмиграционный отток перекрывает его). Периферия потеряла 15—20% молодежи, самые большие потери — в Латгалии. Судя по этому, отток из периферии Латвии имеет примерно те же масштабы, что и в Литве, но Рига, несмотря на то что

это самый крупный город в странах Балтии, не является центром притяжения молодежи. Возможно, именно в Латвии самая значительная часть молодых людей выезжает за рубеж на учебу и работу.

В России центры имели приток молодежи повсеместно. На периферии ее убыль может составлять до 50 % (в уже упоминавшейся выше Псковской области), а 20—25%-ный отток молодежи распространен повсеместно (табл. 3). Таковы обычные для России показатели, регионы Северо-Запада на общестрановом фоне в этом плане не выделяются.

Таблица 3

Отношение численности лиц в возрасте 18—22 лет в 2010—2012 гг. к численности соответствующих детских возрастов в 2000—2002 гг. по удаленности от центров в км, %

Регион, страна	Центр и АТЕ, уделенные от него менее чем на 30 км	Расстояние до центра, км				
		30—50	50—100	100—150	150—200	более 200
Россия	141,7	128,7	96,0	96,6	72,1	79,4
Санкт-Петербург и Ленинградская область	145,1	127,6	109,8	107,5	75,2	72,9
С поправкой на наличие спецконтингентов	143,7	119,6	107,8	91,9	75,2	72,9
Калининградская область	128,8	138,1	92,4	96,6	90,2	—
С поправкой на наличие спецконтингентов	127,6	92,8	81,5	90,8	90,2	—
Новгородская область	113,7	77,0	74,4	80,3	77,7	66,0
Псковская область	142,7	69,6	90,4	55,0	53,3	88,5
Эстония	111,4	—	73,8	77,7	96,9	72,4
Литва	111,4	81,7	81,5	85,5	73,8	77,0

Источники: базы данных Росстата; Lietuvos Statistikos Departamentas; Statistics Estonia.

В России рост численности молодежи за межпереписной период имели почти треть АТЕ Ленинградской и почти половина АТЕ Калининградской области, что повлияло на сравнительно небольшие по-

тери молодежи периферией этих регионов. Однако здесь сказывалась как их общая миграционная притягательность, так и наличие большого числа так называемых спецконтингентов. Дело в том, что при Всероссийской переписи 2010 г. военнослужащие по призыву переписывались по месту дислокации воинских частей, в отличие от 2002 г., когда они переписывались по месту призыва. В отдельных городах и районах это привело к искаженной численности именно контингентов молодежи [19], что можно выявить, анализируя соотношения мужчин и женщин в этих возрастах. По стране в целом в 2010 г. на 100 женщин в возрасте 18—22 лет приходилось 103 мужчины. Понятно, что в небольшой по численности группе населения эти соотношения могут отклоняться в определенных пределах, но не на десятки процентов и не в разы.

Если «очистить» численность молодых жителей отдельных АТЕ Калининградской области от возможного влияния на данный показатель спецконтингентов, рассчитав мужское население исходя из средних по стране пропорций, то уже ближайшие к региональному центру АТЕ (удаленные на 30—50 км) будут иметь не увеличение числа молодежи, а ее снижение на 10 %, большее сокращение обнаружится и в следующих по удаленности зонах (табл. 3). Несмотря на то что молодое население Калининграда также имеет «перекос» в мужскую сторону, оно не подвергалось корректировке не только по причине небольших масштабов этих диспропорций, но и из-за наличия в городе ряда морских вузов, где обучаются преимущественно мужчины. Представляется, что это превышение выглядит естественным.

Наличие спецконтингентов искажает численность молодежи также в Ленинградской области, но в меньшем числе АТЕ и, соответственно, в меньшей мере. В двух других рассматриваемых российских областях влияние этого фактора почти отсутствует; единственное, о чем стоит упомянуть, это «перекос» в соотношении мужчин и женщин в Пскове и Псковском районе.

При общей негативной динамике молодежных контингентов внутристрановой (внутрирегиональной) периферии некоторые АТЕ, напротив, демонстрировали приток молодежи. Так, в Эстонии резко выделяется Тарту: рост численности молодежи на 40 %, тогда как в столице (Таллине) — только на 16 %; здесь явно сказывается притягивающее влияние весьма почитаемого Тартуского университета. По-видимому, именно благодаря притоку молодежи Тарту не сократил свое население за межпереписной период, в отличие от других АТЕ Эстонии и некоторых крупных и средних городов стран Бал-

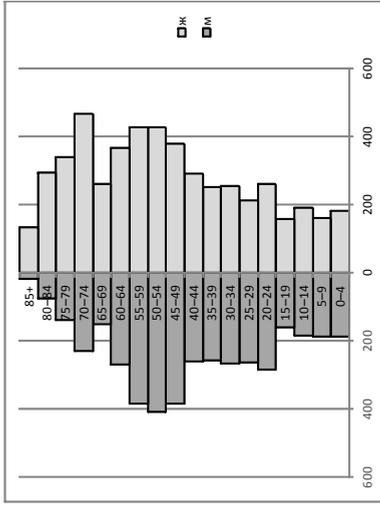
тии⁷. Именно Тарту определил столь незначительное общее сокращение населения периферии на соответствующем удалении от Таллина (рис. 1, табл. 2). В Литве приток молодежи отмечен только в Вильнюсе, даже Каунас не удерживает эту возрастную группу, хотя потери здесь ниже, чем на окружающих территориях.

На Северо-Западе России в качестве центров притяжения молодежи могут рассматриваться: в Ленинградской области — Выборг, даже с учетом поправки на половые диспропорции молодого населения (на спецконтингенты), в Псковской — Великие Луки, расположенные на большом расстоянии от Пскова, что, по-видимому, послужило фактором формирования этого города как центра притяжения молодежи из окрестных территорий. В России центры притяжения населения второго порядка могут формироваться именно на значительном расстоянии от региональных столиц [12, с. 29]. Конечно, вблизи такого мощного центра, каким является Санкт-Петербург, также есть зоны притяжения населения, но это происходит не за счет особых качеств таких городов, как, например, Всеволожск или Выборг, а благодаря их расположению вблизи северной столицы. Но вообще в России, за исключением региональных столиц, центров притяжения населения крайне мало, и ресурса исчерпанной депопуляцией периферии хватает только на региональные центры.

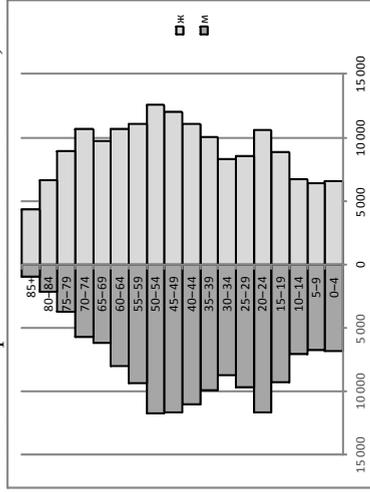
Влияние миграции на половозрастную структуру населения иллюстрирует рисунок 3, где приведены половозрастные пирамиды отдельных АТЕ России и стран Балтии, теряющих и притягивающих молодежь. Так, уезд Тартумаа (с центром в г. Тарту) — территория явного притока молодого населения, в то время как Плюсский район⁸ Псковской области терял молодое население на протяжении уже длительного времени, за последний межпереписной период число его жителей сократилось на 21 %, он лишился 50 % молодежи. Другие периферийные районы Псковской и Новгородской областей теряли 30—40 % молодежи, это неизбежно ведет к снижению рождаемости и в силу ускоренного старения населения к росту смертности, то есть усиливает демографические проблемы территорий.

⁷ При этом, по данным статистики Эстонии, в 2005 и 2010 гг. из Тарту шел отток населения, в том числе молодежи. Видимо, данные переписи более адекватно учитывают студенческую миграцию, чем текущий статистический учет. Для периода начала 1990-х гг. эту проблему показателей отмечали К. Катус и Л. Саккеус [7].

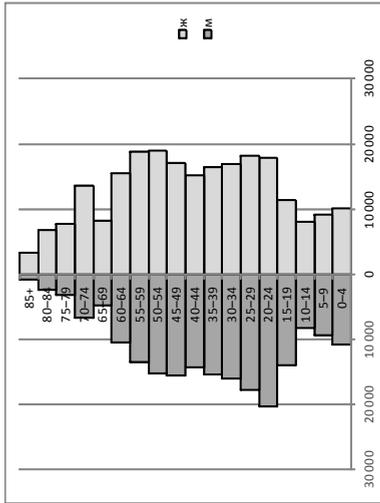
⁸ Один из районов России с наиболее старым населением, средний возраст его жителей, по переписи 2010 г., составляет 48,8 лет.

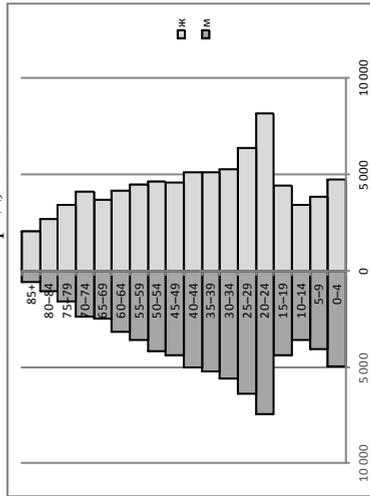
Плюсский район Псковской области, 2010

Латгалия, Латвия, 2011

Калининград, 2010

Уезд Тартумаа, Эстония, 2012

Рис. 3. Возрастно-половой состав населения отдельных АТЕ России, Эстонии и Латвии, человек
 Источники: базы данных Росстата; Lietuvas Statistiskos Departamenta; Latvijas Statistika; Statistics Estonia.

Заключение

Анализ динамики численности населения северо-западных областей России и стран Балтии на уровне NUTS-3 демонстрирует близкие тенденции. Сходство проявляется в концентрации населения в центрах стран (регионов), в крупных городах и их субурбиях. В 2010-е гг. внутрискановая (внутрирегиональная) периферия теряет население высокими темпами, удерживать жителей здесь могли только центры второго порядка, представленные средними и крупными городами, число которых ограничено.

Те же тенденции в первом десятилетии XXI в. отмечены в отношении динамики контингентов молодежи. Эта самая пространственно мобильная группа населения также концентрируется в столицах, в полном соответствии с той стадией жизненного цикла [26], когда люди заняты получением профессионального образования. В результате внутренняя периферия испытывает сильный отток молодежи, максимальной силы он достигает в удаленных от региональных центров районах Псковской и Новгородской областей (до 50% от численности окончивших школу). При отсутствии возвратной миграции население внутрирегиональной периферии стареет и сокращается ускоренными темпами. Кроме того, социальная ситуация в глубинке может качественно ухудшиться в результате *отрицательной селекции* — выезда наиболее социально активных людей. Противостоять этому способно, как показывает пример западных стран, встречное движение на периферию представителей творческих профессий, «креативного класса», пожилых представителей городского среднего класса (см., например, [28]). Однако пока в странах рассматриваемого региона это движение, по-видимому, еще не достигло значимых масштабов.

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г.

Список литературы

1. *Административно-территориальное деление союзных республик СССР на 1 января 1987 года.* М., 1987.
2. *Грицай О., Иоффе Г., Трейвиш А.* Центр и периферия в региональном развитии. М., 1991.
3. *Зайончковская Ж.А.* Демографическая ситуация и расселение. М., 1991.
4. *Зайончковская Ж.А., Велданова И.Ю.* Миграция сельского населения СССР в города // *Расселение населения и размещение производства.* М., 1982. С. 108—129.

5. *Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В.* Изменение численности населения административных районов и городов России (1989—2010 гг.): центрo-периферийные взаимодействия // *Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география* / отв. ред. А. И. Алексеев, А. А. Ткаченко. М., 2013. С. 82—107.

6. *Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В.* Миграционная подвижность молодежи и сдвиги в возрастной структуре населения городов и районов России (1989—2002) // *Географическое положение и территориальные структуры: памяти И. М. Маергойза* / сост. П. М. Полян, А. И. Трейвиш. М., 2012. С. 688—707.

7. *Катус К., Саккеус Л.* Урбанизация, миграция и региональное развитие населения Эстонии // *Миграция и урбанизация в 90-е годы* / под ред. Ж. А. Зайончковской. М., 1999. С. 159—183.

8. *Кашицкий И.* Что в возрасте тебе моем? // *Демоскоп Weekly*. 2014. № 581—582. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0581/demoscope581.pdf> (дата обращения: 17.01.2014).

9. *Кюммель Т.* Стадиальная концепция урбанизации: методология и методы анализа // *Методы изучения расселения*. М., 2011. С. 82—100.

10. *Лейзерович Е. Е.* Ход концентрации населения в центральных частях субъектов РФ после 1990 года // *Трансформация российского пространства: социально-экономические и природно-ресурсные факторы (полимасштабный анализ)* : сборник докладов XXV сессии МАРС / ред. С. С. Артоболевский, Л. М. Синцеров. М., 2008. С. 173—181.

11. *Лексин В. Н.* Города власти: административные центры России // *Мир России*. 2009. № 1. С. 3—33.

12. *Мкртчян Н. В.* Миграция молодежи в региональные центры России в конце XX—XXI веков // *Известия РАН. Сер. Географическая*. 2013. № 6. С. 17—30.

13. *Рахманова Г.* Возрастные профили нетто-миграции в некоторых республиках бывшего СССР (1979—1989 гг.) // *Бывший СССР: внутренняя миграция и эмиграция. Программа по исследованию миграции*. Вып. 1. М., 1992. С. 217—246.

14. *Махрова А. Г.* Трансформация расселения в Московском регионе в постсоветский период // *Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география* / отв. ред. А. И. Алексеев, А. А. Ткаченко. М., 2013. С. 245—269.

15. *Население России 2010—2011. Восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад* / отв. ред. А. Г. Вишневский. М., 2013.

16. *Нефедова Т. Г.* Российские дачи как социальный феномен // *SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры*. 2011. № 15. С. 161—172.

17. *Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И.* «Сильные» и «слабые» города России // *Полюса и центры роста в региональном развитии* / под ред. Ю. Г. Липца. М., 1998. С. 135—143.

18. *Переведенцев В. И.* Молодежь и социально-демографические проблемы СССР. М., 1990.

19. *Пьянкова А.* Данные переписей на муниципальном уровне: ограничения и проблемы анализа на примере Московской области // Демоскоп Weekly. 2013. № 575—576. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0575/analit03.php> (дата обращения: 20.10.2013).
20. *Urbanization and Counterurbanization* / ed. B.J.L. Berry. Beverly Hills. CA, 1976.
21. *Friedmann J.* A general theory of polarized development. In *Growth centers in regional economic development* / ed. N.M. Hansen. N. Y., 1972.
22. *Geyer H. S., Kontuly T.* A Theoretical Foundation for the Concept of Differential Urbanization // *International Regional Science Review*. 1993. Vol. 15, №2. P. 157—177.
23. *Gibbs J.* The evolution of population concentration // *Economic Geography*. 1963. №2. P. 119—129.
24. *Hall P., Hay D.* *Growth Centres in the European Urban System*. L., 1980.
25. *Krisjane Z., Berzins M.* Post-socialist Urban Trends: New Patterns and Motivations for Migration in the Suburban Areas of Riga // *Latvia Urban Studies*. 2012. Vol. 49, Iss. 2. P. 289—306.
26. *Plane D.A., Henrie C.J., Perry M.J.* Migration up and down the urban hierarchy and across the life course // *Proceedings Of The National Academy Of Sciences*. 2005. Vol. 102, Iss. 43. P. 15313—15318.
27. *Raagmaa G.* Centre-Periphery model explaining the regional development of the informational and transitional society // 43rd Congress of the European regional science association (ERSA) Jyvaskyla, Finland, August 27—30. 2003. URL: <https://www.jyu.fi/ersa2003/cdrom/papers/503.pdf> (дата обращения: 11.12.2013).
28. *Bijker R.A., Haartsen T.* More than Counter-urbanisation: Migration to Popular and Less-popular Rural Areas in the Netherlands // *Population, Space and Place*. 2012. № 18. P. 643—657.
29. *Richardson H. W.* *Regional growth theory*. N. Y., 1973.
30. *Todd D.* An appraisal of the development pole concept in regional analysis // *Environment and Planning*. 1974. P. 291—306. №А6.

Об авторах

Никита Владимирович Мкртчян, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографии НИУ ВШЭ, Россия.

E-mail: Mkrtchan2002@rambler.ru

Лилия Борисовна Карачурина, кандидат географических наук, доцент, заместитель заведующего кафедры демографии, НИУ ВШЭ, Россия.

E-mail: likaratc@mail.ru

THE BALTICS AND RUSSIAN NORTH-WEST:
THE CORE AND THE PERIPHERY IN THE 2000S

N. Mkrtchyan*, L. Karachurnia*

**Higher School of Economics National Research University,
20 Myasnitsky St., Moscow, 101000, Russia*

This article analyses population changes in North-West regions of Russia (the former North-Western economic zone and the Kaliningrad region) and the Baltics at the level of urban districts and municipalities. The cohort component method is used to analyze the youth population dynamics in the administrative territorial units of this level, which makes it possible to estimate the international (intraregional) migration of this population group. This method is used quite rarely, yet it is more accurate in studying the shifts in distribution of this group of population than current statistics. The article uses the data of the last two censuses (2000 and 2010), namely, the population size and the age and gender composition. In order to demonstrate the core-periphery relationship, the authors identified the core ATUs (national and regional capitals and capital areas), whereas the other units were grouped by their remoteness from the center. The analysis shows that in the countries and regions studied, population concentrates in the capitals and capital areas, whereas the periphery loses population at a fast rate. The centripetal movement is especially pronounced with the youth; moreover, it affects not only the size but also its structure of population in the core and periphery areas, which aggravates the processes of depopulation and ageing.

Key words: population, migration, city, district, youth, core-periphery

About the authors

Dr Nikita Mkrtchyan, Leading Research Fellow, Institute of Demography, Higher School of Economics National Research University, Russia.

E-mail: Mkrtchan2002@rambler.ru

Dr Liliya Karachurnia, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Demography, Higher School of Economics National Research University, Russia.

E-mail: likaratc@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

УДК 314.7(470.26)

ОЦЕНКА РИСКОВ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ ОКАЗАНИЯ СОДЕЙСТВИЯ ДОБРОВОЛЬНОМУ ПЕРЕСЕЛЕНИЮ В КАЛИНИНГРАДСКУЮ ОБЛАСТЬ РФ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ

*Л. Л. Емельянова**

*Е. С. Фидря**

Приведены результаты комплексных исследований миграционной ситуации в Калининградской области и практик миграционного регулирования через призму теории рисков в современных исследованиях социума. Основной целевой группой выступали переселенцы, прибывшие в регион в рамках Программы оказания содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Кроме того, работа базировалась на многочисленных экспертных интервью с представителями государственных структур, занятых миграционным регулированием. Проведен анализ письменных запросов в региональные министерства с просьбой оценить потребность в кадрах со стороны местных работодателей и возможности по приему и адаптации прибывающих в регион соотечественников. Рассмотрены письменные запросы миграционной и экономической статистики, сделан прогноз развития трудовых ресурсов с учетом и без учета миграционной составляющей. В работе выявлены как возможности реализации Программы переселения соотечественников в Калининградской области в условиях складывающейся социально-экономической ситуации, так и риски при ее реализации на первом этапе в 2007—2013 гг. Возможные миграционные риски оцениваются с точки зрения управленческой и культурологической исследовательской составляющих.

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта.
236041, Россия, Калининград,
ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 10.03.2014 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2014-2-5

© Емельянова Л. Л.,
Фидря Е. С., 2014

Ключевые слова: миграция, соотечественники, миграционная программа, социальные риски, трудовой потенциал, миграционное регулирование, адаптация и интеграция мигрантов

Почему это важно?

В 2012 г. в Калининградской области завершился первый этап Государственной программы оказания содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (Госпрограмма). С 2007 по 2012 г. в регион прибыли более 18 тыс. добровольных переселенцев из 35 стран ближнего и дальнего зарубежья — это более четверти приехавших в Россию по данной программе [17]. Несмотря на то что заявленные объемы переселения соотечественников из-за рубежа за эти годы не были выполнены и Госпрограмма, по оценкам многих экспертов, свою задачу не выполнила, следует признать, что за время ее реализации всеми уровнями управления был приобретен ценный опыт регулирования долгосрочных иммиграционных потоков. Как в центре, так и в регионах РФ создан новый нормативно-правовой и организационный механизм. Россия постепенно не только заявляет об иммиграционном тренде своей политики, но и делает первые практические шаги по ее реализации. Опыта проведения такой политики у нашей страны в целом, а особенно на уровне регионов по сравнению с рядом государств, давно реализующих иммиграционные программы (США, Канада, Австралия), практически не было. Вместе с тем, по оценке большей части отечественных демографов (Ж. Зайончковская [9], А. Вишнеvский [11] и др.), в условиях сжатия трудового потенциала, которое ждет нашу страну в ближайшие десятилетия, «перспективная миграционная политика России — это, прежде всего, иммиграционная политика» [9, с. 15]. По мнению Ж. Зайончковской, «от того, насколько страна справится с задачей привлечения необходимого количества иммигрантов, самым непосредственным образом зависят темпы ее экономического роста, а следовательно, уровень жизни населения, его пенсионное обеспечение, социальная стабильность, региональные пропорции развития, наконец, размеры страны и ее целостность» [9, с. 15]. В этой связи чрезвычайно важен всесторонний анализ приобретаемого опыта миграционного регулирования, изучение складывающихся на региональном уровне практик адаптации прибывающих в Россию соотечественников, выявление возможностей иммиграционных программ и возникновения рисков при их реализации.

Именно такая задача — обстоятельный анализ сложившейся в регионах миграционной ситуации — стояла перед разработчиками второго этапа Государственной программы оказания содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. В регионах России (сегодня соответствующие

программы разработаны в 45 субъектах РФ) эта работа велась в течение 2013 г. Авторы данной статьи в качестве экспертов входили в состав региональной рабочей группы по подготовке Программы оказания содействия добровольному переселению в Калининградскую область соотечественников, проживающих за рубежом (далее — Программа). Предложенные Министерством регионального развития Российской Федерации Методические рекомендации по подготовке в субъектах РФ второго раунда переселенческих программ включали в себя весомый аналитический раздел. В отличие от 2006 г. — когда готовилась первая Государственная программа переселения соотечественников, избранная в 2013 г., методика и подходы имели более взвешенный и научно обоснованный характер. Регионам была дана возможность проявить самостоятельность, реально (без преувеличения и приукрашивания) оценить возможности территорий по приему соотечественников. Была поставлена задача — провести тщательный «анализ социальных, финансово-экономических и прочих рисков» и оценить готовность территорий к приему соотечественников из-за рубежа [14]. В этих Методических рекомендациях говорится, что «если проведенный анализ показывает, что субъект не готов к осуществлению программы, то за ним в соответствии с рекомендациями остается право на приостановку и отсрочку ее разработки» [14].

Методика исследования

Анализ возможностей новой Программы и рисков ее реализации в Калининградской области предвзяли работы по изучению социально-экономической ситуации в регионе, что позволило выявить факторы, влияние которых может стать в ближайшей перспективе определенным вызовом для стабильного развития региона. Подробный анализ состояния региональной экономики, социума, демографических процессов включал в себя статистические методы, прогнозное моделирование, множественные экспертные оценки. Например, при выявлении факторов социально-экономической среды экспертами выступали представители региональных министерств, сотрудники федеральных органов на территории региона, в частности УФМС по Калининградской области, органов исполнительной власти и местного самоуправления в районах. Выявленные риски рассматривались двояко — с точки зрения их проявления для регионального социума без учета действия Программы переселения и с учетом ее реализации, то есть в том числе и через оценку индивидуальных рисков основных субъектов анализа — участников Программы и членов их семей. Предполагаемые риски были детерми-

нированы в соответствии с влиянием определенных групп факторов. Основой для анализа рисков стали многочисленные интервью с переселенцами первой волны прибытия в регион в 2007—2012 гг., результаты социологических опросов. В качестве экспертов выступали непосредственно работающие с переселенцами сотрудники УФМС по Калининградской области, сотрудники специально созданного для работы с соотечественниками учреждения «Миграционный центр». В данной статье представлены полученные результаты проведенных исследований, давшие основания для разработки Программы, ее главных мероприятий и рекомендаций по внедрению.

Методологической основой проведенного исследования стали работы зарубежных и отечественных ученых по изучению рисков и неопределенности. К изучению риска в социологии на современном этапе сложилось несколько основных подходов: «общество риска» (risk society), культурологический, управленческий, системный и пограничный (edgework).

В некотором смысле классическим можно признать подход, основанный на теории «общества риска» У. Бека [2; 19], представители которого считают, что риски не только имеют объективную природу, но и социально конструируемы: существующий в современном обществе дискурс о рисках не только усиливает реальные риски, но и способен проблематизировать и порождать их. Таким образом, современное общество имеет дело как с новыми объективными рисками (ядерная энергия, глобальный экономический кризис, изменения климата), так и с социальными механизмами их конструирования. С точки зрения данного подхода миграционные риски могут рассматриваться и как один из специфических рисков модерна, связанный с глобализацией миграционных процессов на фоне трансформации национальных государств. В этом же контексте очевидно, что указанные социально-политические трансформации породили и соответствующий — достаточно устойчивый — дискурс.

Под несколько иным углом риски рассматриваются с точки зрения культурологического подхода [22]. Здесь риск скорее предстает как социально трансформируемый объективный факт: реально существующие угрозы преобразуются в риски под действием социокультурных рамок и, таким образом, подвержены существенной динамике в зависимости от специфики социокультурного контекста. Учитывая этот факт, можно ожидать, что одни и те же явления будут по-разному интерпретироваться в различных социокультурных средах. В частности, в тех или иных обществах в разные периоды интенсивная иммиграция может рассматриваться или не рассматриваться как риск, а объектив-

ные факты могут интерпретироваться сквозь призму устойчивых стереотипов.

Управленческий подход подчеркивает приоритет новых способов управления в концептуализации и проблематизации рисков в современных обществах [16; 21]. По мнению сторонников данного подхода, риском те или иные события и явления становятся только тогда, когда подвергаются специфической технологии: начинают рассматриваться как негативные события с рассчитываемой вероятностью — то есть калькулироваться и регулироваться. Отмечая возрастающий интерес властей всех уровней к регулированию миграционных потоков для управления демографическими и экономическими рисками, мы можем признать, что миграционные риски вполне могут подвергаться расчету и коррекции. В нашем случае само принятие Программы, регулирующей возможные риски переселения соотечественников, служит наглядной демонстрацией управленческого подхода к конструированию и регулированию рисков.

Системный подход Н. Луманна и его коллег [23] рассматривает риск скорее как атрибут усложняющихся обществ, где на первый план выходят проблемы ответственности за нежелательные социальные явления, которые различные социальные субъекты пытаются разделить. С точки зрения данной перспективы проблема миграционных рисков может быть порождена, например, с целью перекладывания ответственности за негативную динамику социально-политической или экономической обстановки на социальную группу мигрантов и связанные с ними общественные институты.

Наконец, *пограничный* подход предполагает, что субъективное восприятие реально существующих рисков всегда социально обусловлено [24] и — что важно — принятие в расчет тех или иных рисков носит добровольный характер. Различные социальные группы могут сознательно выстраиваться вокруг определенных рисков, допуская к себе только тех участников, которые способны эффективно справляться с рисками. В случае с миграционными рисками мы могли бы, например, рассматривать самих мигрантов как специфическую социальную группу, склонную к добровольному принятию рисков социокультурной и экономической адаптации. Однако применение данного подхода вряд ли может иметь значительную информативную ценность в этом исследовании.

В нашей работе мы предпринимаем попытку рассмотреть миграционные риски с различных методологических перспектив, поскольку очевидно, что проблема рисков миграционной динамики имеет комплексный характер. В наибольшей степени нас интересует культуроло-

гическая и управленческая перспективы, а именно то, как миграционные риски, связанные с реализацией программы переселения соотечественников, концептуализируются в социокультурном пространстве региона, как они рассчитываются и регулируются, и какие фактические явления и вероятности лежат в основе данной группы миграционных рисков.

Насколько велики риски?

Проблема недовольства населения присутствием мигрантов стала значительной темой в современном социокультурном российском дискурсе. Однако пресловутое «понаехали», к счастью, не так часто можно слышать в Калининградской области. Срабатывает в качестве сдерживающего фактора приграничный статус региона, а в первую очередь миграционный характер формирования его населения с первых лет заселения области, а также в период активной внутренней образовательной и трудовой миграции 1960—1980-х гг. и, особенно, 1990-х гг. [6]. Поток постоянных мигрантов и переселенцев не иссякает и по сей день. Средний годовой миграционный прирост стабильно держится в пределах 3—4 тыс. человек. Данные последних переписей населения свидетельствуют о дальнейшем усложнении национального состава жителей региона. Обработка ответов по итогам переписей на вопрос о национальной принадлежности выявила, что население области в 2002 г. состояло из представителей 132 национальностей. А в основном списке национальностей переписи 2010 г. значилось уже 148 наименований народов и этнических групп (во время переписи 1989 г. насчитывалось 109 национальностей). При сохранении доминирующей и растущей численности русских (82 %) данные переписи населения 2010 г. указывают на снижение численности украинцев и литовцев по сравнению с 1989 г. в 2 раза, белорусов — в 2,5 раза; выросли доли армян и немцев — в 5 раз, узбеков и корейцев — в 4 раза, таджиков — в 2,5 раза [10; 13]. Этнический состав становится более пестрым, что, безусловно, усложняет молодой, не сформировавшийся до конца калининградский социум и накладывает ответственность на региональные власти за реализацию политики в сфере межнациональных отношений.

По признанию самих переселенцев, именно многонациональный состав жителей региона, большое количество таких же, как они, мигрантов, более терпимое в связи с этим отношение населения к приезжим становятся одними из причин выбора соотечественниками из стран постсоветского пространства Калининградской области в каче-

стве места своего проживания. Растут ли в регионе риски обострения межнациональных отношений в связи с реализацией Программы переселения соотечественников? Есть ли опасность всплеска ксенофобии?

Несмотря на то что Программа переселения не фиксирует прибывающих в регион по национальному признаку, как и российская статистика в целом (с 2008 г.), тем не менее очевидно, что подавляющее большинство переселенцев — это этнические русские. Причем одна из важнейших мотиваций приезда — возможность говорить и учить своих детей в России на русском языке. Об этом свидетельствуют материалы многочисленных интервью с переселенцами. Этнические русские, проживающие в странах постсоветского пространства, не могут примириться с отсутствием перспектив получения образования на русском языке для своих детей, и выбор российских регионов для них — это выбор в первую очередь будущего для детей. Отсутствие экономических перспектив ввиду низких заработков также стали серьезным фактором при принятии решения эмигрировать. Чрезвычайно чувствительной сложившаяся в странах исхода ситуация стала для людей с достаточно высоким уровнем образования и профессионализма, которые не видят там возможностей для полной самореализации. Среди причин, заставивших их принять решение о переезде, переселенцы называют и политическую нестабильность. Выбор Калининградской области для большинства из числа опрошенных был мотивирован тем, что здесь проживают их родственники и знакомые, которые и оказали переселенцам поддержку в поиске работы, жилищном обустройстве. Выбор региона для проживания для многих переселенцев — это выбор стабильности и спокойной жизни, немаловажную роль играет географическая близость к европейским странам.

Таким образом, преобладающий этнический состав переселенцев и мотивация к переезду ни в коей мере не повышают риски межнационального напряжения. Наоборот, являются неким катализатором для скорейшей адаптации переселенцев в новом социуме. Проведенные исследования адаптационного поведения переселенцев (опрошены 60 семей различного национального состава, уровня образования, причин переезда) в соответствии с концепцией Дж. Берри [20] позволили сделать вывод, что для большей части респондентов ведущими стратегиями адаптации были на момент опроса интеграция и ассимиляция [4]. Представители 24 семей различной национальной принадлежности выбрали стратегию интеграции, что предполагает нацеленность как на сохранение некоторых культурных традиций прежней социокультурной среды, так и на стремление стать неотъ-

емлемой частью большого сообщества. Готовность отказаться от своей социокультурной идентичности и перейти в новое большое сообщество выразили 22 семьи. Представители этой группы готовы к ассимиляции, они открыты к принятию новых культурных норм, традиций, заданных тем обществом, в которое они попали. Ассимиляцию выбрали в основном мигранты, считающие себя по национальности русскими. Эти респонденты стремятся как можно скорее слиться с культурой, которую считают своей. Стратегии сепарации, характеризующейся сохранением традиционного стиля жизни (неучастием в жизни общества), то есть ведущей к независимому существованию, придерживались 10 семей из числа опрошенных. По национальному составу это смешанные семьи, имеющие установку влиться в свои диаспоры на территории области. Установка на маргинализацию, которая характеризуется чувством отчуждения и потерей идентичности, была зафиксирована в результате опроса для 4 семей, смешанных по национальному составу.

Результаты проведенного исследования показали, что выбор большей частью прибывающих в регион переселенцев стратегии адаптационного поведения направлен на достаточно быстрое их включение в новые социальные группы, межкультурный обмен, приспособление к новой социальной среде. Для части переселенцев, выбравших стратегию адаптации, опосредованную действием диаспор¹, поиск адаптационных механизмов несет определенный риск для регионального социума. Возможна ситуация формирования так называемой «диаспорической идентичности», способной «нести в себе потенциал конфликта лояльностей (к исторической родине и к принимающей стране)» [8]. Риск дальнейшей диаспоризации регионального социума требует постоянного мониторинга ее проявления и локализации. Не менее важной задачей становится и определение показателя миграционной емкости территории — своеобразного индикатора возможностей региона по всесторонней экономической и социальной адаптации иммигрантов. Не лишним было бы изучение опыта балльной системы оценки потенциальных иммигрантов, применяемой, в частности, в Канаде. Интересен опыт Китая по привлечению научных кадров из числа соотечественников (и не только).

¹ В Демографическом понятийном словаре под редакцией Л.Л. Рыбаковского под диаспорой понимается «устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущих в иноэтническом окружении за пределами своей исторической родины (или вне ареала расселения своего народа), имеющая социальные институты для развития данной национальной общности» [3, с. 88].

Формирование переселенческих землячеств² — своего рода сетей миграции, связанных не по национальному, а по территориальному признаку, — еще одно явление в развитии регионального социума. Механизм формирования сетевого взаимодействия переселенцев вполне объясним. Для прибывших в регион мигрантов на первых этапах их присутствия в новом для себя социуме характерна высокая степень неопределенности как в чисто житейских вопросах обустройства, так и в поведенческих аспектах их новой жизни. Причины — отсутствие полноты информации, несформированность контактов в новых социальных группах. Замена ситуации неопределенности на более определенный жизненный статус происходит в знакомой среде таких же переселенцев. В какой степени активно формирующиеся в регионе миграционные сети оказывают влияние на социальный климат — тема, требующая дальнейшего исследования и взвешенных оценок.

Подавляющее большинство прибывших планируют остаться в области надолго и выстраивают жизненные стратегии, направленные на всестороннюю адаптацию: покупка собственного жилья, трудоустройство с достойной зарплатой, взятие ипотечного кредита, карьерный рост, получение дополнительного образования, повышение квалификационного статуса. По данным Управления Федеральной миграционной службы, из более чем 18 тыс. человек, прибывших в регион в качестве переселенцев, обратно вернулись или переехали в другие регионы 53 человека³. Большинство переселенцев настроены закрепиться в регионе, несмотря на то что испытывают проблемы, связанные с оформлением гражданства, жилищным обустройством и поиском работы с достойным заработком.

И хотя внутренняя готовность переселенцев к адаптации высока, реальная, например трудовая, адаптация и жилищное обустройство идут сложно. Имеющиеся здесь риски отчасти связаны с несовершенством институциональных механизмов Программы. Так, риск безработицы подчас напрямую зависит от регистрации по месту жительства, отсутствия на первых этапах российского гражданства. Работодатели довольно часто отказывают переселенцам в трудоустройстве, если у них отсутствует российское гражданство. Отсутствие регистрации по месту жительства становится препятствием для получения кредитов, оформления сделок купли-продажи недвижимости, устройства детей в дошкольные

² Современный толковый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой определяет землячество как объединение земляков, уроженцев одной местности, страны, живущих в другой местности, стране.

³ Данные государственного учреждения Калининградской области «Миграционный центр» на 1 января 2013 г.

учебные заведения и т. д. При трудовой адаптации существует также риск несоответствия требованиям российских работодателей уровня квалификации, профессионализма, которыми обладают прибывающие переселенцы. Если для ряда профессий приобрести или пополнить необходимые навыки можно на курсах повышения квалификации, в процессе переобучения, то для видов деятельности, связанных с новыми технологиями, инновационным производством, проблема квалификационного соответствия стоит особенно остро. Нам представляется, что участие работодателей в снижении подобных рисков в будущем должно быть расширено. На первых этапах согласования кандидатов в качестве будущих участников региональных программ переселения имеет смысл не только вести базу данных вакансий, но разрабатывать совместно с работодателями своеобразные пакеты профессиональных компетенций и требований к потенциальным кандидатам на конкретные рабочие места для всех соискателей, в том числе и для потенциальных переселенцев. Есть смысл с самого начала вести более активную работу с нашими соотечественниками за рубежом, желающими приехать в Россию, именно работодателям, которые в случае заинтересованности в конкретном работнике будут по возможности предоставлять им гарантии. По данным Агентства по обеспечению занятости населения Калининградской области, существующая ситуация на рынке труда вполне позволяет это делать. В регионе сегодня фиксируется свыше 11 тыс. вакансий, при этом количество зарегистрированных безработных не превышает 1,3 % от экономически активного населения [15].

Возможности Программы

В числе демографических факторов, дающих основание реализовывать в регионе иммиграционные программы, — сокращение количества трудоспособного населения. По расчетам профессора БФУ им. И. Канта Г. М. Федорова, к 2020 г. трудоспособная часть населения региона сократится на 9,5 % — с 590 до 534 тыс. человек. Возрастет демографическая нагрузка на работающее население. К 2020 г., по данным Г. М. Федорова, она составит 747 человек на 1000 лиц трудоспособного возраста (справочно: в 2012 г. показатель демографической нагрузки составлял 607 человек). В связи с вступлением в трудоспособный возраст малочисленных групп населения, рожденных в 1990-е гг., в ближайшее время будет происходить сокращение количества выпускников общеобразовательных школ, что повлечет за собой проблемы набора в учебные заведения (а соответственно, их финансирования) и сокращения количества специалистов на региональном рынке труда.

На общем фоне сокращения количества трудоспособного населения регион испытывает острую нехватку кадров. Востребованы как самые разнообразные специалисты рабочих профессий, так и, в первую очередь, работники медицинской сферы, инженеры, техники, учителя. Недостаток в специалистах медицинских профессий составлял в начале 2013 г. 676 человек, нехватка учителей и педагогических кадров дошкольных образовательных учреждений — 175, текущая потребность в специалистах аграрных профессий — 70 человек [17]. Специалисты высокой квалификации в области науки и образования востребованы высшими учебными заведениями региона. В частности, по Программе развития Балтийского федерального университета им. И. Канта в течение ближайших лет планируется прием на работу высококвалифицированных специалистов из числа кандидатов и особенно докторов наук. Реализация Программы в регионе, по мнению разработчиков документа, может снизить проблему нехватки кадров для перечисленных выше сфер. По данным УФМС России по Калининградской области, большая часть прибывших в 2007—2012 гг. переселенцев — это лица активного трудоспособного возраста: 70% прибывших в возрасте от 18 до 55 лет. Количество детей и лиц старшего школьного возраста (до 17 лет) составляет 20%.

Задачу пополнения кадров социальной сферы — медицины и здравоохранения, образования и науки — невозможно решить временной трудовой миграцией. Хотя этот механизм активно используется в регионе: после экономического спада 2009 г. потребность в рабочей силе со стороны работодателей постепенно восстановилась и достигла 14,5 тыс. человек — такое количество разрешений на привлечение иностранной рабочей силы было выдано в 2013 г. Временная трудовая миграция — действенная мера решения вопросов нехватки кадров, прежде всего для краткосрочных инвестиционных проектов. Вместе с тем замеры общественного мнения, проведенные в конце 2012 г., показывают, что отношение к трудовым мигрантам у населения Калининграда неоднозначное [1]. Около двух третей жителей административного центра региона выступают за ужесточение контроля над процессами трудовой миграции и ограничение численности временных трудовых мигрантов на территории области, из них около трети видят в данной категории занятых корень многих социальных проблем.

Сложности адаптации временных трудовых мигрантов связаны с отсутствием у многих из них знания русского языка, с низким уровнем квалификации. Кроме того, введенная с 2010 г. патентная форма оформления трудовых мигрантов на работу не предполагает обязательного прохождения ими медицинского обследования на отсутствие у

них заболеваний, представляющих опасность для окружающих, что вызывает озабоченность в принимающем сообществе с точки зрения безопасности здоровья местного населения. Существующий комплекс проблем, связанных с привлечением в регион иностранной рабочей силы, повышает риски неконтролируемого пребывания в регионе мигрантов-нелегалов, что создает предпосылки для социального напряжения и не способствует безопасности. Альтернативой привлечению временных трудовых мигрантов может стать постоянная миграция из числа соотечественников, от которых требуется подтверждение уровня квалификации и образовательного статуса.

Говоря о возможностях Программы, нельзя не упомянуть о ее гуманитарной миссии. В отношении «наших за рубежом» [7] реализация Программы — это в первую очередь создание условий для соотечественников, в силу обстоятельств выразивших потребность переехать в Россию. Глубинный двигатель этой потребности — ощущение общей исторической родины, сопричастности памяти большинства из них к единому географическому и идентификационному пространству «русского мира»⁴. В социально-гуманитарном аспекте принятие переселенцами очень ответственного для себя и своих семей решения перебраться в Россию во многом подкреплено их глубинной исторической памятью. Внешне она проявляется в сохранении языка, культуры, традиций, внутренне — в памяти о когда-то едином государственном пространстве, событиях, с ним связанных, об общих корнях, победах и преодолениях [5]. Сегодняшние геополитические вызовы еще более актуализируют вопросы поддержки наших соотечественников, в том числе и через механизм переселенческой программы.

В качестве заключения

Постановлением Правительства Калининградская область от 26 сентября 2013 г. целевая региональная программа «Оказание содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на 2013—2017 гг.» была утверждена. Анализ выявленного в результате исследования соотношения рисков и возможностей реализации Программы в Калининградской области позволил дать в целом положительное заключение по поводу продолжения ее действия. Снижение проявления рисков будет осуще-

⁴ Понятия «русского мира как сетевой структуры больших и малых сообществ, думающих и говорящих на русском языке» и «русского капитала» как «совокупности культурных, интеллектуальных, человеческих и организационных потенциалов» ввел в научный оборот П.Г. Щедровицкий [18].

ствляться системой разработанных Программой мероприятий. Например, предусмотрены меры по информационной поддержке, освещению в СМИ опыта адаптации переселенцев. Трудовая адаптация будет обеспечиваться целевым мониторингом регионального рынка труда, проведением мероприятий по обучению, переобучению и повышению квалификации участников Программы, содействием их самозанятости. Планируется также разработка образовательной программы по обучению переселенцев русскому языку, основам русской культуры, российского государственного устройства и права.

При осуществлении миграционной политики в регионе важно предусмотреть четкое разделение задач и проблем временной трудовой миграции и миграции постоянной. «Разные категории мигрантов», по справедливому замечанию А. Г. Вишневого, «требуют разной политики» [12]. В отношении переселенцев, которые приезжают в регион навсегда, планируют здесь создавать семьи, растить детей и становиться гражданами РФ, необходима дальнейшая разработка комплекса мер по их всесторонней адаптации и интеграции в региональный социум. Реализация иммиграционных программ должна идти, на наш взгляд, через совершенствование всей кадровой политики региона, в реализации которой должны принимать активное участие образовательные учреждения, кадровые агентства, работодатели. Понимание социумом кадровых проблем и кадровых потребностей и решение этих проблем в том числе с привлечением переселенцев, позволит снизить проявление социального напряжения у трудоспособной части населения. Необходимо более активное привлечение к обоснованию потребности в кадрах и кадровым возможностям Программы крупных местных работодателей. Вместе с тем, решая прагматичные задачи пополнения региона новыми специалистами, не следует забывать о гуманитарном значении Программы.

Список литературы

1. *Алимтеева А. В.* Калининградцы: отношение к трудовым мигрантам из Средней Азии. URL: <http://www.intellika.info/publications/1996/> (дата обращения: 23.03.2014).
2. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
3. *Демографический* понятийный словарь / под ред. Л. Л. Рыбаковского; Центр социального прогнозирования. М., 2003.
4. *Емельянова Л. Л., Карась И. С.* Складывающиеся стратегии социально-психологической адаптации добровольных переселенцев в Калининградской области // Экономическая, социальная и психологическая адаптация личности в современных условиях : матер. междунар. науч.-практич. конф. Воронеж, 2009.

5. Емельянова Л.Л. Соотечественники в Калининградской области: их историческая память и новая родина // Между Одером и Неманом: проблемы исторической памяти : сб. науч. ст. / под ред. Ю Костяшова, О. Курило. Калининград, 2012.

6. Емельянова Л.Л., Кретинин Г.В. Миграционные процессы в Калининградской области и региональный социум: история и современность // Regiony I Pogranicza : сб. науч. тр. Ольштын, 2010.

7. Журавский А., Выхованец О. Возвращение соотечественников // Общество и культура. Аналитика : [сайт Российского Совета по международным делам]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/index.php?id_4=1905#top (дата обращения: 10.02.2014).

8. Зайка К. Диаспорические и иммигрантские сообщества // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 10. С. 74—80.

9. Зайончковская Ж.А. Новая миграционная политика России: впечатляющие итоги и новые проблемы // Миграция и социально-экономическое развитие стран региона Балтийского моря : матер. междунар. конф. Калининград, 2008.

10. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года // Федеральная служба госстатистики России : [сайт]. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/> (дата обращения: 10.02.2014).

11. Население России. 2009. Семнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневецкий. М., 2011.

12. О том, что России не обойтись без иммигрантов и почему не надо бояться, что нас посчитают : интервью А.Г. Вишневецкого корреспонденту газеты «Ведомости», 15 окт. 2010 г. // Демоскоп. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0439/gazeta06.php> (дата обращения: 16.03.2014).

13. Об изменениях в национальном составе Калининградской области в период между переписями населения 1989 и 2002 гг. : аналитическая записка / Территориальный орган Федеральной службы госстатистики по Калининградской области. Калининград, 2006.

14. Об утверждении Методических рекомендаций по разработке программы субъекта Российской Федерации по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом [Электронный ресурс] : приказ Минрегиона России от 01.02.2013 №33. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Ситуация на рынке труда Калининградской области на 1 марта 2014 года // Агентство по обеспечению занятости населения Калининградской области : [сайт]. URL: <http://rabotakaliningrad.ru/home/rinoktruda/sitr.asp> (дата обращения: 16.03.2014).

16. Фуко М. Правительственность (идея государственного интереса и ее генезис) / пер. И. Окуновой // Логос. 2003. № 4/5. С. 4—22.

17. Целевая программа Калининградской области «Оказание содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом на 2013—2017 годы» : приложение к постановлению Правительства Калининградской области № 727 от 26 сентября 2013 г. //

Федеральная миграционная служба РФ : [сайт]. URL: http://www.fms.gov.ru/upload/iblock/241/programma_kaliningrad.pdf (дата обращения: 16.01.2014).

18. *Щедровицкий П. Г.* В поисках формы. М., 2005.

19. *Beck U.* World at Risk. Cambridge, 2009.

20. *Berry J. W.* Immigration, Acculturation and Adaptation // Applied psychology: An international review. 1997. Vol. 46 (1). P. 5—34.

21. *Dean M.* Governmentality: power and rule in modern society. L., 1999.

22. *Douglas M.* Risk and blame: essays in cultural theory. L.; N. Y., 1992.

23. *Luhmann N.* Risk. A Sociological Theory. New Brunswick ; N. J., 2005.

24. *Lyng S.* Edgework. The Sociology of Risk-Taking. L., 2005.

Об авторах

Лариса Леонидовна Емельянова, кандидат географических наук, доцент кафедры градостроительства, землеустройства и дизайна, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: lemelianova@kantiana.ru

Ефим Сергеевич Фидря, кандидат социологических наук, доцент кафедры политики, социальных технологий и массовых коммуникаций, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: EFidrya@kantiana.ru

FEDERAL REPATRIATION PROGRAMME IN THE KALININGRAD REGION: AN ASSESSMENT OF RISKS AND OPPORTUNITIES

L. L. Yemelyanova*, E. S. Fidrya*

**Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevski Str., Kaliningrad, 236041, Russia*

Received on March 10, 2013

This article presents the results of comprehensive research the migration situation in the region and the practices of migration management in the framework of risk theory within modern society studies. The key target group of the study are the migrants who have arrived to the region within the Federal Repatriation Pro-

gramme. The work is based on numerous expert interviews of migration officials. The article analyses written queries to regional ministries on the assessment of local recruiting needs and the opportunities for the arrival and adaptation of compatriots. The authors discuss migration and economic statistics, and propose a forecast for human resources development with and without taking accounting for the migration. The article identifies both the opportunities relating to the implementation of the Federal Repatriation Programme in the Kaliningrad region in view of the current social and economic situation and the risks associated with the first stage of the programme implementation (2007—2013). Possible migration risks are considered from the perspective of cultural studies and management research.

Key words: migration, compatriots, migration programme, social risks, employment potential, migration management, adaptation and integration of migrants.

About the authors

Dr Larisa Emelyanova, Associate Professor, Department of Urban Development, Land Management, and Design, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: lemelianova@kantiana.ru

Dr Efim Fidrya, Associate Professor, Department of Politics, Social Technology, and Mass Communication, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: EFidrya@kantiana.ru

УДК 314.7

**МЕЖДУНАРОДНАЯ
МИГРАЦИЯ
В ПЕРЕХОДНЫЕ
И КРИЗИСНЫЕ ПЕРИОДЫ
НА ПРИМЕРЕ ЛАТВИИ**

Д. Гёлер^{*}

З. Кришьяне^{**}

М. Берзиньш^{***}

Отмечается, что миграционные процессы входят в число наиболее актуальных вопросов географии стран Балтии. Анализируются изменения структуры миграции с 1990-х гг. по настоящее время. В центре внимания — тенденции миграционного движения на примере Латвии. В результате наблюдающейся в стране рецессии в последние годы имеет место рост миграции. Результаты исследования позволяют сделать вывод о реакции миграционной системы на изменения внутренних факторов и внешние воздействия в переходные и кризисные периоды. Подчеркивается, что долгосрочная эмиграция приводит к усугублению проблем демографических изменений в Латвии.

Ключевые слова: миграция, переходный период, вступление в ЕС, экономический кризис

Введение

В период глобализации и масштабных изменений международная миграция становится более интенсивной. За 25 лет независимости роль Латвии в системе международной миграции претерпела значительные изменения. Ключевыми вехами стали выход из состава Советского Союза, вступление в Евросоюз в 2004 г., начало финансового кризиса 2009 г. и соглашение о свободном передвижении рабочей силы, заключенное в 2011 г.

С учетом названных факторов международная миграция в Латвии

^{*}Университет Отто Фридриха в Бамберге. 96047, Германия, Бамберг, Karuzinerstraße, 16.

^{**}Латвийский университет, LV-1010, Латвия, Рига, ул. Алберта 10.

^{***}Тартуский университет, 50090, Эстония, Тарту, ул. Юликооли, 18

Поступила в редакцию 01.04.2014 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2014-2-6

© Гёлер Д., Кришьяне З.,
Берзиньш М., 2014

будет рассмотрена в соответствующих временных рамках. В статье анализируются конкретные последствия территориальных и социальных изменений, характеризуются миграционные группы принимающих стран и принимающих обществ. Кроме того, в данной работе ставится задача проанализировать особенности миграции в контексте необходимости и возможностей как движущих факторов. На примере Латвии будет показан переход от миграции в поиске новых перспектив к миграции, усиливаемой кризисом.

Новые тенденции в исследовании миграции и теории миграции

Значительный вклад в исследование международной миграции внес новый теоретический дискурс. Тема *транснационализма* [23] стала неотъемлемым элементом классических и неоклассических подходов наряду с моделью «притяжения-выталкивания» и структуралистским подходом.

В рамках данной концепции анализируются не сами миграционные процессы, а возникающее под их действием *транснациональное социальное пространство* [22], которое вбирает в себя исходные и принимающие территории, исходные и принимающие общества; в рамках этого пространства миграция считается не однонаправленным и конечным процессом, а последовательностью циклических миграций. В результате таких миграций возникает материальный и нематериальный обмен. В целом рост интенсивности и масштаба подобных транснациональных взаимоотношений связан с развитием транспорта и, что еще важнее, коммуникационных технологий. Мигранты объединяют территориально изолированные единицы в общее пространство социального взаимодействия. Вспоминая прошлое и размышляя о будущем, они перемещаются между разными социокультурными и политико-экономическими системами. В то же время мигранты стимулируют интенсивный обмен опытом [3; 8; 12; 19; 21].

В данном контексте понятие «транснациональный» может ввести в заблуждение. Связи внутри выделенного социального пространства оказываются лишь частично привязанными к национальным государствам. Более корректным было бы употребление таких терминов, как «транслокальный» или «трансрегиональный» [13]. В этом случае подчеркивается географический аспект данного явления.

В рамках повторяющихся и усиливающихся миграций подходы общественных сетей и сетей задействованных акторов играют важную роль. Актеры и сети выступают, на первый взгляд, устойчивыми проявлениями социальной и исторической контекстуальности: опреде-

ляющее решение, главная причина и цель миграции — это в большинстве случаев продукты конкретной биографии. Тем не менее все три фактора постоянно используются в анализе. Таким образом, в географическом исследовании миграции внимание уделяется как индивиду, так и общему контексту.

Концепция, методы и данные

Наш анализ основан на эмпирическом подходе. Количественный анализ миграции в Латвию и за ее пределы базируется на оценке статистическим данным, в первую очередь предоставленных Центральным статистическим бюро Латвии. Это дает возможность проследить территориальные и пространственно-временные изменения.

Сведения о жизненных ситуациях и собственные оценки открывающихся перед мигрантами перспектив были получены в результате проведенного онлайн-опроса. Социальная сеть *draugiem.lv* (аналог *Facebook*) согласилась опубликовать для своих пользователей анкету, где предлагались вопросы, касающиеся социально-демографических структур, причин миграции и миграционного опыта. В марте 2012 г. 2565 латвийских мигрантов ответили на вопросы анкеты. На момент проведения опроса 1117 из них жили в Великобритании, 618 — в Ирландии, 426 — в Германии и 404 — в Швеции и Норвегии. Данные по 2010 г. ($n = 1,005$) заимствованы из британского исследования, проведенного при помощи схожих методов.

Возрастная и гендерная структура выборки соответствует структуре пользователей социальной сети, в которой зарегистрировано почти 90% латвийских интернет-пользователей [4]. Большинство из них посещают портал ежедневно [2]. Возраст участников опросов 2010 и 2012 гг. — от 16 до 63 лет и от 16 до 71 года соответственно, большинство респондентов принадлежали к группе младше 30 лет. Примерно такова и возрастная структура мигрантов, поэтому можно сделать вывод о репрезентативности выборки.

Случай Латвии

В последнее время латвийская внешняя миграция претерпела значительные изменения (рис. 1). После четырех десятилетий непрерывной иммиграции сальдо миграции резко сменило знак во время восстановления независимости (что наблюдается и по сей день!). После скачкообразных колебаний в 2008 г. стал наблюдаться резкий рост эмиграции. Только к 2011 г. произошло некоторое ее замедление — видимо, в

результате того, что обратная миграция ведет к снижению все еще негативного миграционного сальдо. В 2009 и 2010 гг. этот показатель все еще составлял почти –40 тыс. человек, что весьма ощутимо для страны с 2 млн жителей.

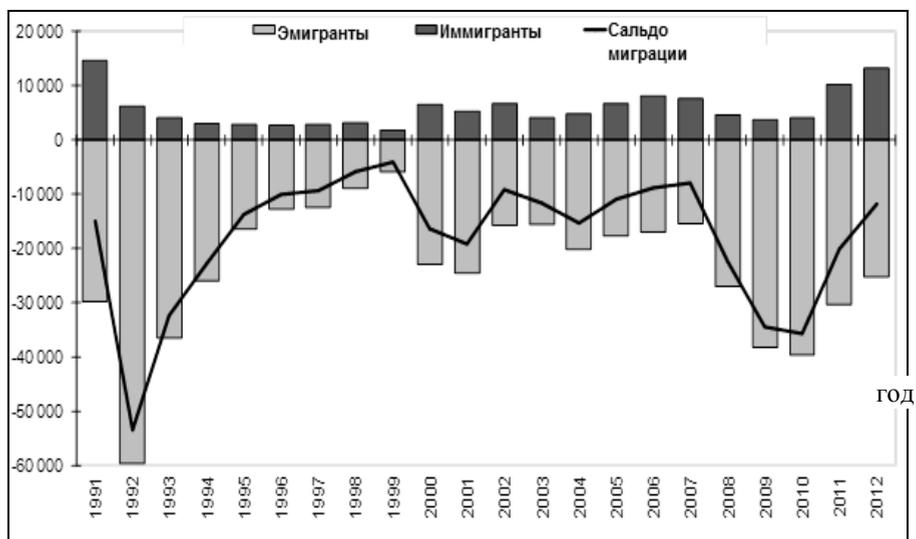

Рис. 1. Потоки долгосрочной миграции в Латвии после восстановления независимости (тыс. человек)

Источник: [5].

При рассмотрении изменений латвийской миграционной системы необходимо выделить три ключевых элемента пространственно-временных и социально-экономических тенденций [20].

1. Восстановление независимости, переходный период, вступление в Европейский союз.

Восстановление независимости привело к серьезным изменениям структуры населения Латвии. В результате роста объема эмиграции в начале 1990-х гг. наблюдалась значительная депопуляция. Во второй половине декады начался период относительно стабильного развития, что привело к вступлению в ЕС в 2004 г. В последующие годы европейская интеграция и благоприятная глобальная экономическая ситуация стали залогом динамичного роста. Кроме того, в стране наблюдался рост личного благосостояния ее жителей. В системе миграции произошла смена направления с востока на запад в духе «новой парадигмы миграции по вектору "запад — восток" в Европе» [9, р. 709] (см. также [14—17]).

2. Финансовый и экономический кризис.

Финансовый и экономический кризис положил конец первой фазе развития в 2008 г. [11]. Из всех европейских стран тяжелее всего экономический спад сказался на Латвии. В 2009 г. ВВП упал на 17%. В свете неблагоприятной экономической ситуации Соглашение о свободном передвижении рабочей силы в ЕС, действующее в Латвии с 1 мая 2011 г., стало еще одним фактором растущей эмиграции. С тех пор все больше латвийцев ищут работу в странах Центральной и Западной Европы [1].

3. Демографический кризис и депопуляция.

В самой стране последствия миграции усугубляются демографическим кризисом. Эмиграция и снижающаяся рождаемость ведут к сокращению численности населения, что особенно негативно сказывается на сельских и удаленных территориях [7]. И без того значительные региональные диспропорции усиливаются под действием низкой рождаемости, миграции из сельских районов в города и эмиграции.

Основные черты латвийской эмиграции

Изменение направления

В начале 1990-х гг. эмиграция была направлена преимущественно в страны СНГ, включая Россию (рис. 2, а). В большинстве случаев она представляла собой обратную миграцию этнических русских. Кроме того, присутствовала и эмиграция на другие континенты («другие страны» представлены на рисунке 2). Эмиграция в другие страны Европы была незначительной. С 2004 г. ЕС стал основным направлением миграции. Эта тенденция лишь усилилась в 2010 г. (рис. 2, б, в). Привлекательность рынков труда «старых» стран Евросоюза очевидна. Новые члены ЕС и кандидаты на вступление редко привлекают мигрантов из Латвии. Это относится и к странам СНГ, включая Россию.

Эмиграция из Латвии в Западную Европу усилилась после расширения ЕС в 2004 г. Направления миграции определяются экономическими возможностями, юридическими барьерами, языковой и географической близостью. В частности, Великобритания и Ирландия стали наиболее популярными направлениями во второй половине 2000-х гг. (рис. 3). При этом с 2010 г. наблюдалось изменение европейских направлений, что, вероятно, обусловлено воздействием финансово-экономического кризиса: поток эмигрантов в Великобританию уменьшается, а в Германию увеличивается (рис. 4).

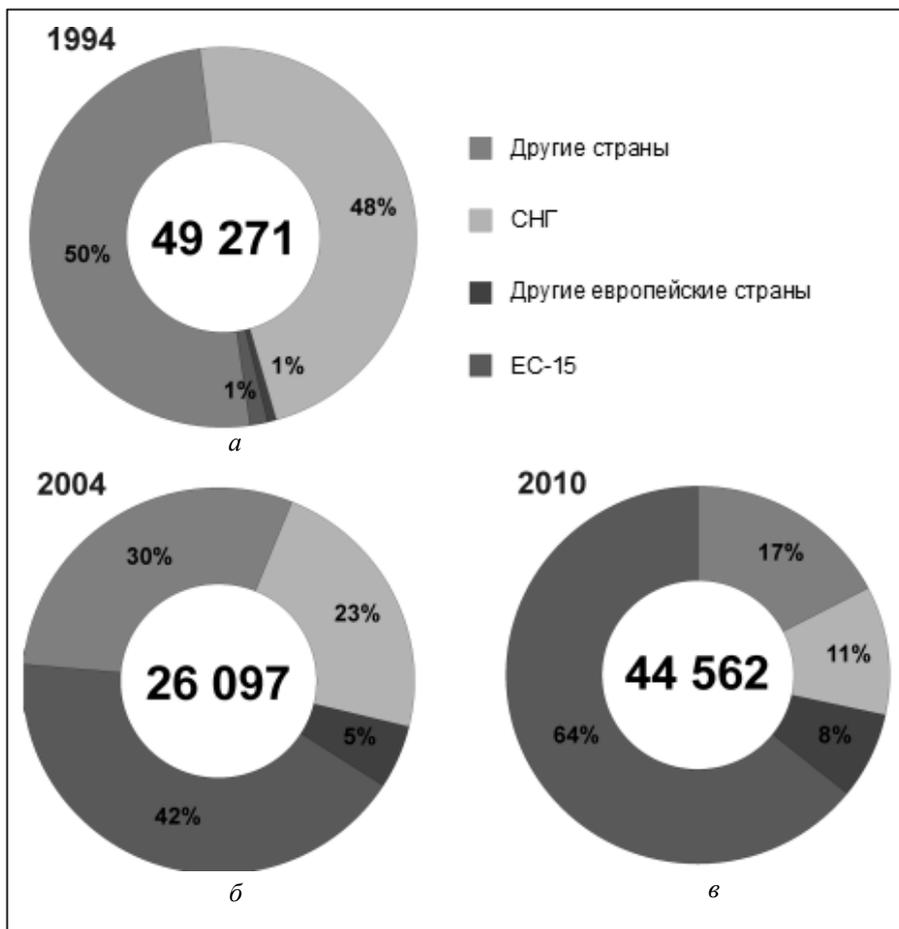

Рис. 2. Международная долгосрочная эмиграция в 1994, 2004 и 2010 гг. по группам стран, %

Источник: [5].

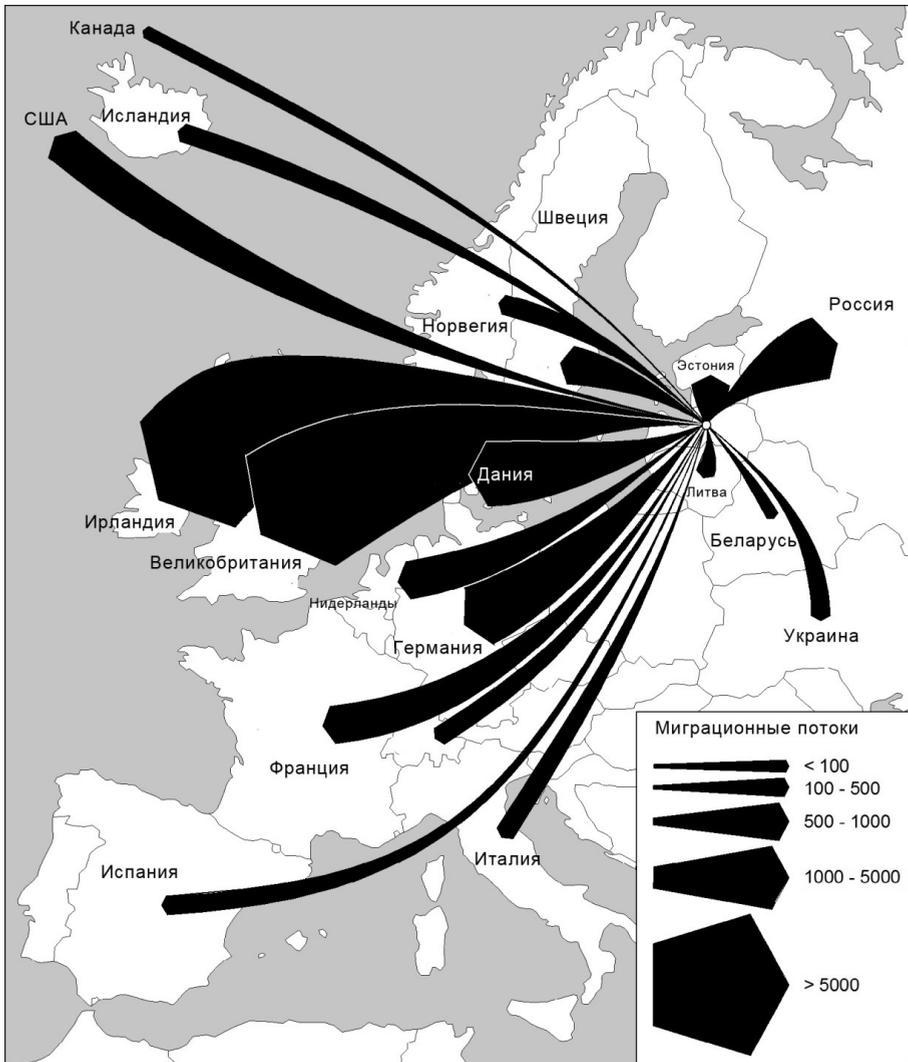

Рис. 3. Направления эмиграции из Латвии после вступления в ЕС (данные на 2007 г.) [18]

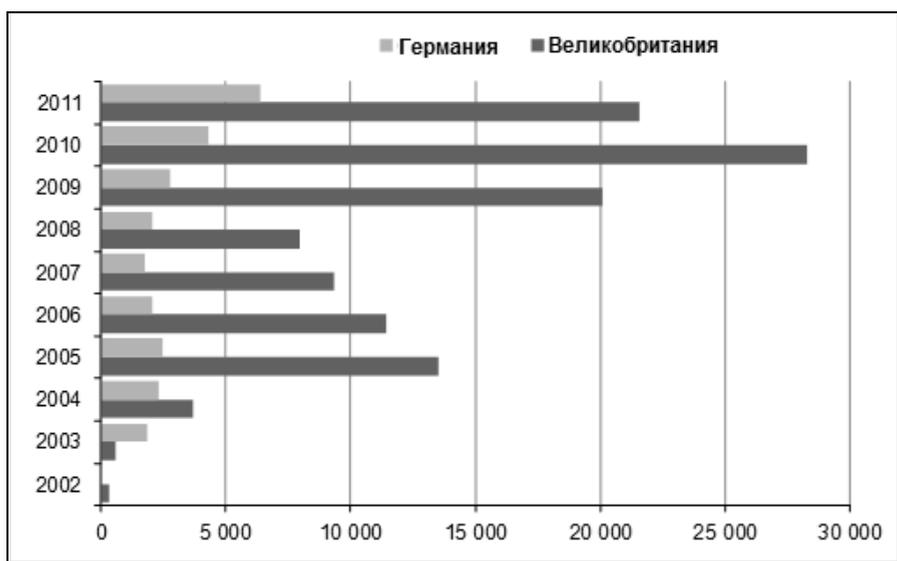

Рис. 4. Эмиграция из Латвии в Великобританию и Германию, тыс. чел.

Источники: [6; 8].

Данные территориальные изменения были разбиты на четырехлетние периоды (рис. 5). Кроме того, немаловажны и количественные характеристики эмиграционных потоков: за последние годы почти 120 тыс. человек переехали из Латвии в страны ЕС-15.

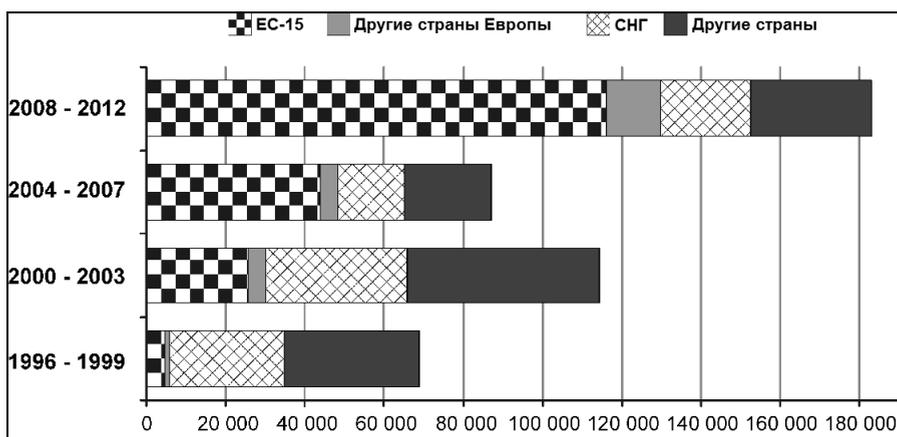

Рис. 5. Изменение направлений латвийской эмиграции, тыс. чел.

Источник: [5].

Движущие и сдерживающие факторы

Изменения претерпели и мотивы мигрантов. После вступления Латвии в ЕС, значительно упростившего передвижение между странами, среди основных причин для эмиграции называлось стремление к более высоким доходам и более высокому уровню жизни (табл.). Оба эти фактора также часто упоминались в первом опросе, проведенном после начала кризиса. Тем не менее в два раза чаще стали приводиться такие причины, как безработица, финансовые проблемы и кредиты. Наряду с улучшением личного благосостояния важным фактором стало и сохранение статуса, достигнутого в родной стране. Отчасти это связано с довольно высоким уровнем безработицы в Латвии. По официальным данным, она составила 7% в 2008 г. и достигла 14,5% в 2011-м в результате экономического кризиса [5]. Больше всего пострадали сельские районы: в некоторых отдаленных районах на востоке страны этот показатель составляет от 20 до 30%. Кроме того, не стоит забывать и о финансовом бремени кредитов. В период экономического подъема многие латыши брали ипотечные кредиты. Этим объясняется и изменение гендерной структуры мигрантов: с начала кризиса доля мужчин значительно выросла — очевидно, что все большее количество мужчин эмигрирует в целях обеспечения семьи. В целом к концу 2000-х гг. миграция, обусловленная желанием лучших перспектив и большей свободы, сменилась вынужденной «кризисной» миграцией.

Причины эмиграции до и во время экономического кризиса, %

Причина эмиграции	«Евроинтеграционные» мигранты (2004—2007)	«Кризисные» мигранты (2008—2010)
Безработица	20,1	41,5
Повышение дохода	45,6	52,8
Высокий жизненный уровень	54,7	52,3
Финансовые проблемы и кредиты	9,2	25,7
Путешествия и новые впечатления	14,0	17,6
Совершенствование языковых навыков	17,2	29,2
Семейные обстоятельства	26,1	22,8

Источник: онлайн-опрос 2010 г. (n=1,005).

Эти выводы подтверждаются результатами обследования мигрантов, проведенного в 2012 г. Ипотечные кредиты и финансовые проблемы стали главной причиной эмиграции. Часто упоминались и отсутствие ясных перспектив, безработица в стране (рис. 6).

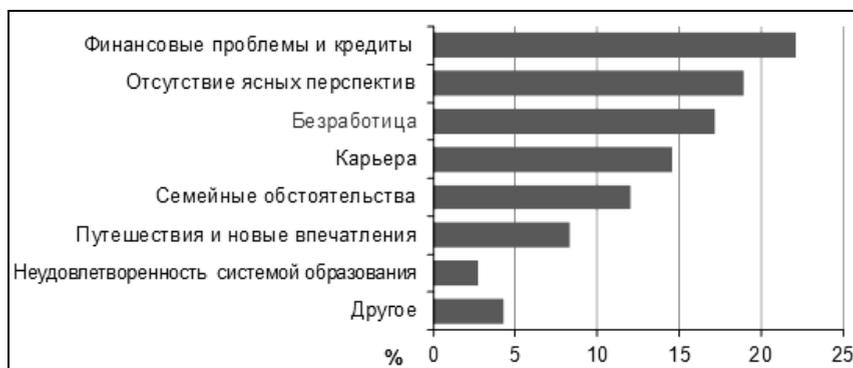

Рис. 6. Факторы, движущие «кризисными» мигрантами

Источник: онлайн-опрос 2012 г. (n = 2565).

Такие факторы, как карьера, семейные обстоятельства (воссоединение семьи), путешествия и новые впечатления («жажда приключений»), потеряли свою актуальность. Во многих случаях это стало следствием угроз благосостоянию, связанных с ипотечными кредитами, взятыми в лучшие времена.

Интерпретация полученных результатов

Эмиграция из Латвии в страны Центральной и Западной Европы наблюдается с начала XXI в., в активную фазу она перешла со вступлением страны в ЕС в 2004 г. Ее главными целями в то время были лучшее трудоустройство, получение международного опыта, увеличение дохода, а также стремление к более высокому уровню жизни. Перелом случился с началом глобального экономического кризиса 2010 г.: эмиграция все чаще обусловлена экономической необходимостью, многие мигранты были вынуждены покинуть страну для того, чтобы обеспечить себя и свою семью. Сегодня их цель — сохранить достигнутый уровень благосостояния. Растущее давление со стороны ипотечных кредитов в период экономической нестабильности становится все более осязаемым.

Существуют и определенные региональные особенности. Латвийский «пузырь» на рынке недвижимости привел к тому, что большинство мигрантов — выходцы из рижской агломерации, а не из сельских рай-

онов. На фоне низких процентных ставок и высоких зарплат в период экономического подъема многие жители столичного региона брали ипотечные и потребительские кредиты. Поэтому не вызывает удивления, что «кризисные» мигранты в значительной степени представлены бывшими жителями рижской агломерации. Данные опросов снова указывают на наличие связи между рецессией и угрозой неплатежеспособности.

Другая особенность заключается в том, что в докризисный период чаще наблюдалась семейная миграция. Это соответствует и растущей доле людей, работавших в Латвии до эмиграции и планировавших остаться в стране, но вынужденных эмигрировать в результате ухудшения ситуации. Кроме того, увеличилась доля молодых мигрантов, что связано с проблемами, с которыми сталкиваются выпускники университетов на рынке труда.

Эти новые и отчасти неожиданные выводы требуют более глубокого анализа в контексте региональных различий в направлениях миграции (Великобритания, Ирландия, Германия) и доле эмигрирующего населения. Как было указано выше, происходит переориентация латвийской миграции с Западной на Центральную Европу (Германия). В связи с этим дальнейшего исследования требуют образ жизни «на несколько стран» и формы множественных локализаций. И здесь ключевую роль играют возможности, обусловленные развитием коммуникационных технологий, и мобильная связь в качестве инструмента создания транснационального жизненного пространства латвийских трудовых мигрантов. И наконец, воздействие глобальной экономической депрессии неодинаково в разных странах и в значительной степени зависит от местных особенностей [13]. Таким образом, целесообразным представляется проведение сравнительного анализа в контексте наблюдаемых преобразований и за их рамками.

Выводы

Первые полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

- Сам процесс и последствия латвийской миграции претерпевают значительные изменения.
- Происходит переход от «перспективной» миграции к «кризисной».
- Структура причин миграции тесно связана с ситуацией на рынке недвижимости.
- Мигранты текущего периода покидают страну из-за сложившейся неблагоприятной ситуации.
- В данном контексте миграция должна трактоваться как проявление гибкости и реакция на угрозу благосостоянию.

Вышесказанное приводит к более детальному рассмотрению трансрегиональной типологии исходных стран, в том числе различий в интеграции территориально дифференцированной миграции в транснациональный контекст. Так же как развитие пригородов, обусловленное высокими доходами, повлияло на структуру мобильности в Латвии, негативные последствия кризиса сказываются на уровне эмиграции и, если проследить истоки причинно-следственной связи, на регионах сельской эмиграции. Значительные различия между группами мигрантов и территориально дифференцированное воздействие миграции в будущем должно быть учтено при разработке латвийской миграционной политики, а также стратегии политики обратной эмиграции.

Список литературы

1. *Apsite E., Krišjāne Z., Berzins M.* Emigration from Latvia under economic crisis conditions // International Proceedings of Economics Development and Research. 2012 Vol. 31. P. 134—138.
2. *Apsite-Berina E.* Starpvalstu migrācija Eiropas Savienībā: Latvijas iedzīvotāju migrācija uz Lielbritāniju : PhD-thesis Latvian University. Rīga, 2013.
3. *Castles S., Miller M.* The Age of Migration. International Population Movements in the Modern World. 4th ed. N. Y. ; L., 2009.
4. *Click H+K Research.* Socialo tiklu lietojums Latvija, 2012. URL: <http://twitpic.com/абрkb6/full> (дата обращения: 16.08.2013).
5. *CSBL* Central Statistical Bureau of Latvia, Statistics database. URL: <http://data.csb.gov.lv> (дата обращения: 31.03.2014).
6. *Department* for Work and Pensions, National Insurance number allocations to adult overseas nationals entering the UK to December 2013. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/national-insurance-number-allocations-to-adult-overseas-nationals-entering-the-uk-to-december-2013> (дата обращения: 31.03.2014).
7. *Eglite P.* Regional Differences of Depopulation in Latvia // Geografiski Raksti/Folia Geographica. 2007. Vol. 13. P. 169—174.
8. *Faist T.* The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces. Oxford, 2000.
9. *Favell A.* The New Face of East-West Migration in Europe// Journal of Ethnic and Migration Studies. 2008. Vol. 34, № 5. P. 701—716.
10. *Federal* Statistical Office of Germany, Department for Work and Pensions. URL: www.destatis.de (дата обращения: 31.03.2014).
11. *Findlay A., Geddes A., McCollum D.* International Migration and Recession // Scottish Geographical Journal. 2010. Vol. 126, № 4. P. 299—320.
12. *Glick Schiller N., Basch L., Szanton B. C.* From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration // Transnationale Migration / ed. L. Pries. Baden Baden, 1997. P. 121—140.

13. *Göler D., Krišjāne Z.* Anmerkungen zur Variabilität von Migrationssystemen (mit Erfahrungen aus Lettland und Albanien). *Transnationalismus oder Transregionalismus? // Mitteilungen der Österreichischen Geographischen Gesellschaft.* 2013. Vol. 155. P. 125—147.

14. *Hazans M., Philips K.* The Post-Enlargement Migration Experience in the Baltic Labor Markets // *EU Labor Markets After Post-Enlargement / eds. M. Kahanec, K. F. Zimmermann.* Berlin; Heidelberg, 2010. P. 255—304.

15. *Krišjāne Z.* Labour Migration Processes after European Union Accession in Latvia // *Brain drain oder brain circulation? Konsequenzen und Perspektiven der Ost-West-Migration / eds. K. Friedrich, A. Schultz.* Leipzig, 2008. S. 63—71.

16. *Krišjāne Z., Berzins M., Bauls A.* New Labor Migration Trends: Evidence from Latvia // *Geographical Review of Japan.* 2009. Series B 81. Vol. 1. P. 34—46.

17. *Krišjāne Z., Berzins M., Apsite E.* Post-accession migration from the Baltic states. The case of Latvia // *Mobility in Transition. Migration Patterns after EU Enlargement / eds. B. Glorius [et al.].* Amsterdam, 2013. P. 85—109.

18. *Krišjāne Z., Eglite P., Bauls A. et al.* Darbaspeka geografiska mobilitate. Rīga, 2008.

19. *Levitt P.* The Transnational Villagers. Berkeley, 2001.

20. *McCullum D., Shubin S., Apsite E. et al.* Rethinking Labour Migration Channels: the Experience of Latvia from EU Accession to Economic Recession // *Population, Space and Place.* 2013. Vol. 19, № 6. P. 688—702.

21. *Rethinking Transnationalism. The Meso-link of organisations / ed. L. Pries.* L., 2008.

22. *New Transnational Social Spaces. International migration and transnational companies in the early twenty-first century / ed. L. Pries.* L.; N. Y., 2001.

23. *Vertovec S.* Transnationalism. L., 2009.

Об авторах

Даниель Гёлер, профессор, Институт географии, Университет Отто Фридриха в Бамберге (Германия).

E-mail: daniel.goeler@uni-bamberg.de

Зайга Кришьяне, профессор кафедры социально-экономической географии, Латвийский университет, Рига.

E-mail: zaiga.krisjane@lu.lv

Марис Берзиньш, PhD, Центр изучения миграции и урбанистики, Университет Тарту (Эстония).

E-mail: maris.berzins@ut.ee

COMMODITY FLOW MODEL FOR AN EXCLAVE REGION:
RENT-SEEKING IN THE «TRANSITIONAL PERIOD»
OF THE SPECIAL ECONOMIC ZONE

G. Daniel^{*}

K. Zaiga^{**}

B. Māris^{***}

^{*}*Otto-Friedrich-Universität Bamberg*

16, Kapuzinerstraße, Bamberg, 96047, Germany

^{**}*University of Latvia, 19 Raina Blvd., Riga, LV 1586, Latvia.*

^{***}*University of Tartu, 18 Ülikooli, Tartu, 50090, Estonia.*

Received on April 1, 2014

Migration processes are amongst the most relevant issues in the geography of the Baltic States. The authors analyse the changes in migration patterns from the early 1990s until today. The focus of the study is the recent trends of migratory movements in the case of Latvia. Due to the country's economic recession, migration has accelerated in the recent years. Empirical results show the response of the migration system to the changing internal factors and external influences in the times of transition and global crisis. Long-term emigration exacerbates the problem of demographic change in Latvia.

Key words: migration, Latvia, transition, accession to the EU, economic crisis.

About the authors

Prof. *Daniel Göler*, Institute of Geography, Otto-Friedrich-University Bamberg (Germany).

E-mail: daniel.goeler@uni-bamberg.de

Prof. *Zaiga Krišjāne*, Department of Human Geography, Faculty of Geography and Earth Science, University of Latvia (Latvia).

E-mail: zaiga.krisjane@lu.lv

Dr *Māris Bērziņš*, Department of Geography, Centre for Migration and Urban Studies, University of Tartu (Estonia).

E-mail: maris.berzins@ut.ee

**МИГРАЦИИ И ПРОЦЕСС
ТРАНСФОРМАЦИИ
ПОЛИЭТНИЧНОЙ
СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ
КАЛИНИНГРАДСКОЙ
ОБЛАСТИ
В ПОСТСОВЕТСКИЙ
ПЕРИОД**

Е. П. Зимовина*

Рассматриваются миграционные процессы и их влияние на трансформацию полиэтничной структуры населения Калининградской области. В качестве источников были использованы официальные статистические данные (материалы текущей статистики и переписей населения), а также индивидуальные интервью с представителями национально-культурных объединений. Автором были проанализированы основные направления внешних миграций, охарактеризованы категории мигрантов. Особое внимание уделено специфике миграций представителей разных этносов. Выделены основные причины въезда и выезда населения. Отмечено, что в постсоветский период в Калининградской области оформилось положительное сальдо миграции и что активное перемещение населения на территорию региона способствовало расширению «миграционных сетей», а также сформировало новую основу для дальнейшего пополнения населения за счет прибывших. В работе продемонстрированы изменения в полиэтничной структуре населения области и выделены их основные факторы. Сделан вывод об определяющей роли миграции в процессе трансформации полиэтничной структуры населения Калининградской области в постсоветский период. В заключении обращено внимание на то, что миграции являются серьезным испытанием как для самих мигрантов, так и для принимающего социума. С одной стороны, мигрантам необходимо адаптироваться к иной национальной, культурной и языковой среде, а также искать способы успешной интеграции в принимающее сообщество. С другой стороны, общество-реципиент также подвергается серьезной трансформации: происходят изменения в численности и составе населения, исчезают и появляются определенные элементы в культуре и нормах поведения, формируются новые настроения в обществе.

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта. 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 20.03.2014 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2014-2-7

© Зимовина Е. П., 2014

Ключевые слова: Калининградская область, население, миграция, полиэтничная структура, постсоветский период.

Обзор исследований. Постановка проблемы

Демографическим и миграционным процессам в постсоветский период на территории Калининградской области посвящен ряд работ, в которых на основе статистических источников и данных социологических обследований представлена характеристика калининградского социума, исследована социально-демографическая ситуация, осуществлен многовариантный прогноз демографического развития региона, проанализирована специфика миграционных процессов [1—10]. Вместе с тем проблемы трансформации полиэтничной структуры региона под воздействием демографических и миграционных процессов поднимались исследователями нечасто [3; 4; 11]. Вопросы формирования многонационального состава населения области также затрагивалась в некоторых работах историков, посвященных советскому периоду [12; 13]. Данное исследование нацелено на выявление роли миграционных процессов в трансформации полиэтничной структуры населения региона в постсоветский период.

Источники исследования

В работе использовано два разных по характеру и содержанию вида источников. Прежде всего, это данные официальной статистики: материалы Всесоюзной переписи населения 1989 г., Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. [23—25], а также данные текущей статистики, опубликованные в статистических сборниках за последние два десятилетия [14; 26—41]. Статистические материалы дают возможность ответить на вопросы: *что* происходит и *как* это происходит. Однако не всегда с помощью исключительно статистической информации можно получить ответ на вопрос: *почему* так происходит. Именно поэтому были использованы устные источники — экспертные интервью с председателями и членами национально-культурных объединений Калининградской области [15—22]. Экспертные интервью — субъективный источник информации, который содержит исключительно точку зрения респондента на проблему. Но все интервьюируемые, хорошо зная ситуацию изнутри, отмечали как трудности, так и успехи в процессе интеграции в калининградский социум представителей своих этнических групп, а также высказали критические замечания относительно статданных по численности этнических групп региона. В результа-

те был получен спектр экспертных оценок, которые в совокупности с данными статистики позволили автору сформулировать выводы по теме исследования.

Методология исследования

Интервью проводились по заранее составленному перечню вопросов, которые включали такие пункты, как история возникновения той или иной этнической группы на территории области; оценка численности диаспоры на сей день; причины сокращения или увеличения этнической группы; причины миграции в данный регион; география иммиграционных и эмиграционных потоков; степень языковой и культурной ассимиляции разных поколений; роль национально-культурных объединений; самоощущение этнической группы (*свои, не свои*); трудности и успехи интеграции в калининградское общество и т. д. Количество вопросов варьировалось от 20 до 25. Всего было проведено восемь интервью, каждое из которых продолжалось от сорока минут до двух часов.

Хронологические рамки

Данное исследование посвящено постсоветскому периоду, однако отправной точкой анализа стал 1989 г. Во-первых, демографические показатели за 1989—1991 гг. представляют особую важность, так как демонстрируют переломный момент в формировании населения Калининградской области — переход от естественного прироста к естественной убыли. Во-вторых, сделать выводы о трансформации этнической структуры жителей региона возможно на основе сравнения данных переписей 1989, 2002 и 2010 гг. В-третьих, сведения по миграции населения начинают публиковаться с 1989 г., до этого данные по миграции либо вовсе не публиковались, либо публиковались частично, нерегулярно и в самом обобщенном виде. Все вышеперечисленное послужило основанием для некоторого расширения хронологических рамок исследования.

Изменения в объемах и направлениях внешних миграций по Калининградской области

Изменение объемов и направлений внешних миграций, особенно в первом десятилетии XXI в., оказало существенное влияние на динамику численности населения Калининградской области. На основе официальных статистических данных можно выделить три этапа

формирования населения региона в постсоветский период. Первый (1992—1999 гг.) — увеличение численности населения происходило исключительно за счет миграционного прироста. Второй (2000—2008 гг.) — сокращение численности населения произошло в результате того, что увеличившийся показатель естественной убыли перекрыл снизившийся показатель миграционного прироста. Третий (2009—2013 гг.) — наметился рост численности населения за счет снижения показателя естественной убыли и увеличения показателя миграционного прироста.

Несмотря на колебания показателя, сальдо миграции Калининградской области в постсоветский период было исключительно положительным. Причем самые масштабные иммиграционные потоки пришлись на 1990-е гг., когда в составе прибывших количество мигрантов из других регионов России и зарубежных стран было практически одинаковым (табл. 1). И на то было несколько причин. После распада Советского Союза из новых независимых государств начался стремительный отток русского и так называемого русскоязычного населения. Стали расформировываться воинские части, происходило перебазирование военных объектов и перемещение военнослужащих как из бывших союзных республик, так и из стран социалистического содружества. Кроме того, увеличилось количество таких категорий мигрантов, как беженцы, вынужденные переселенцы, трудовые мигранты. Основными странами — «поставщиками» мигрантов в Калининградскую область в первые годы после распада СССР были Казахстан, Узбекистан, Украина, Беларусь, Латвия и Литва [26, с. 67]. Именно в этих республиках было сосредоточено многочисленное русское и русскоязычное население.

К началу 2000-х гг. количество прибывших в Калининградскую область из зарубежных стран значительно сократилось (табл. 1). С одной стороны, миграционный потенциал русского и русскоязычного населения в бывших союзных республиках поубавился; с другой — определенную роль сыграли социально-экономические и политические факторы. Например, стабилизация национальных экономик и некоторое повышение уровня жизни в Беларуси и Казахстане, а также вхождение Латвии, Литвы и Эстонии в состав Евросоюза. На современном этапе Калининградская область является привлекательным регионом в основном для мигрантов из стран ближнего зарубежья — основная масса мигрантов прибывает из Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Украины и Армении [39, с. 76, 108—109]. Миграция в Калининградскую область из государств дальнего зарубежья и Прибалтики происходит пассивно и носит временный характер.

Миграционное взаимодействие Калининградской области с другими регионами России и зарубежными странами, чел.

Год	Прибывшие		Из них		Выбывшие	Из них		Миграционный прирост		Из него	
	из других регионов россии	из зарубежных стран	в другие регионы России	в зарубежные страны		с другими регионами России	с другими странами				
1990	34531	17894	16637	21137	13744	7393	13394	4150	9244		
1991	32572	16557	16015	19733	12413	7320	12839	4144	8695		
1992	31256	12496	18760	14779	8606	6173	16477	3890	12587		
1993	27338	11195	16143	16298	10261	6037	11040	934	10106		
1994	32262	13199	19063	13883	10149	3734	18379	3050	15329		
1995	24796	12049	12747	13767	10044	3723	11029	2005	9024		
1996	20759	11158	9601	11436	8246	3190	9323	2912	6411		
1997	22997	11624	11373	10022	7186	2836	12975	4438	8537		
1998	22202	10553	11649	9252	6496	2756	12950	4057	8893		
1999	13804	7309	6495	4167	1098	3069	9637	6211	3426		
2000	13337	6684	6653	8236	5953	2283	5101	731	4370		
2001	11351	7127	4224	7031	5252	1779	4320	1875	2445		
2002	11599	7340	4259	6439	5007	1432	5160	2333	2827		
2003	9276	7211	2065	6139	4919	1220	3137	2292	845		
2004	9977	5791	2186	5076	4239	837	2901	1552	1349		
2005	8329	5281	3048	4904	4151	753	3425	1130	2295		
2006	8623	5488	3135	4614	4012	602	4009	1476	2533		
2007	8776	5301	3475	4500	4037	463	4276	1264	3012		
2008	8194	4650	3544	4472	4048	424	3722	602	3120		
2009	7917	4250	3667	4530	4142	388	3387	108	3279		
2010	8173	5018	3155	4866	4411	455	3307	607	2700		
2011	13641	8119	5522	7213	6754	459	6428	1365	5063		
2012	18394	12260	6134	9692	8318	1374*	8702	3942	4760		
2013	21155	13383	7772	12179	9881	2298	8976	3502	5474		

Источники: составлено по: [27—33; 39; 40].

В Калининградском регионе зафиксированы все основные виды миграции: трудовая, на постоянное место жительства, вынужденная. Большой поток трудовых мигрантов идет из Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана. Работая на территории области долгое время, некоторые трудовые мигранты перевозят сюда семьи, обосновываются и остаются жить. Это способствует увеличению численности центрально-азиатских народов в регионе, так как большая часть трудовых мигрантов — этнические киргизы, таджики и узбеки. По словам председателя Калининградской региональной общественной организации таджикской культуры К. К. Расулова, «еще пять лет назад сюда был активный приезд из Республики Таджикистан на строительные работы... Сейчас более активно приезжают люди из Узбекистана... Но трудовые мигранты все равно здесь находятся. Они выезжают, приезжают на работу... Люди меняются, а цифра остается более или менее постоянной» [18].

На протяжении последних нескольких лет среди прибывших выделяется такая группа мигрантов, как участники Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (далее — Госпрограмма)¹. С 2007 по 2010 г. Калининградская область занимала лидирующие позиции по количеству переселенцев (с 2011 г. регион уступил первенство Калужской и Липецкой областям). К началу 2013 г. в Калининградской области насчитывалось самое большое количество участников Госпрограммы — 16% от общего количества переселившихся в Россию (табл. 2).

На сегодняшний день переселенцы по Госпрограмме составляют значительную долю в общей численности мигрантов, прибывших на территорию Калининградского региона, и играют определяющую роль в миграционном приросте его населения (табл. 2). Наибольшее количество прибыло из Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Армении и Украины [41].

Следует отметить полиэтничный состав мигрантов. О причинах участия людей разных национальностей в Госпрограмме высказался председатель армянской национально-культурной автономии Ф. Т. Геворкян: «Потому что мы по инерции (по крайней мере, мое поколение) тоже считаем себя русскоязычными и соотечественниками. Потому что в рамках СССР у нас была единая семья народов и сформировался единый менталитет» [22].

¹ Распоряжением правительства Российской Федерации от 10 мая 2007 г. Калининградская область вошла в число субъектов РФ, участвующих в Госпрограмме.

Таблица 2

Численность участников Госпрограммы (включая членов их семей)

Показатель	2007	2008	2009	2010	2011	2012	Всего переселившихся на 1 января 2013 г.
Российская Федерация, чел.	682	8279	7357	11768	29641	56647	114374
Калининградская область, чел.	413	3717	2304	2684	3622	5513	18253
Доля прибывших участников Госпрограммы в общей численности прибывших в область, %	4,7	45,6	29,5	25,4	26,7	30,1	28,2
Доля участников Госпрограммы в общем миграционном приросте населения области, %	9,7	99,9	68,0	81,2	56,3	63,4	61,2

Источники: составлено по [36; 38; 39; 41].

На территории Калининградской области зафиксирована и такая категория, как вынужденные мигранты (беженцы и вынужденные переселенцы)². Наибольшее количество вынужденных мигрантов на территории области было зарегистрировано в 1990-е гг. Пик приходился на 1993 (3868 человек) и 1994 гг. (5968 человек). На начало 1998 г. в регионе число вынужденных мигрантов достигло 11 361. В основном это были выходцы из Казахстана, Азербайджана, Узбекистана и Таджикистана [14, с. 12; 26, с. 69—70]. Беженцы так вспоминают об обстоятельствах, которые вынудили их покинуть родные места:

Может быть, здесь и не было бы столько таджиков, если бы не военные действия на территории Таджикистана. Я на гражданской войне потерял жену. И когда это коснулось моего сына и он чуть не погиб, то я принял твердое решение уехать. Как раз в это время шла волна переселения. Тогда было определено несколько мест, куда можно было переселиться — Белгородская, Калининградская, Тверская, Смоленская области... Пришлось все бросить в Таджикистане [18].

«Великая миграция армян» в Калининградскую область началась после 1988 г., после страшного землетрясения. Очень много людей из Армении приехали сюда... В девяностые годы, когда происходили конфлик-

² Регистрация вынужденных переселенцев в России осуществляется с 1 июля 1992 г., регистрация беженцев — с 20 марта 1993 г.

ты в Нагорном Карабахе и Баку, сюда стали приезжать переселенцы из Азербайджана. <...> Экономические факторы выталкивали людей за пределы Армении. Не было воды, света, происходили перебои с поставкой продуктов питания, некоторые школы не работали. Это была невыносимая жизнь. И многие, кто имел знакомых, родственников или друзей в России, в первую очередь отправлялись сюда [22].

В 2000-е гг. количество вынужденных мигрантов, зарегистрированных в Калининградской области, существенно сократилось. К началу 2013 г. их насчитывалось 296 человек [36, с.166; 37, с.157; 39, с.130].

На протяжении последних двух с половиной десятилетий претерпела изменения и структура выбытий по Калининградской области (табл. 1). Как правило, выбытия были обусловлены обстоятельствами личного характера, семейно-бытовыми вопросами, учебой, новым местом работы. Получили распространение этнические миграции, связанные с возвращением на историческую родину. Имели место и обратные миграции, когда люди, приехавшие в Калининградскую область, возвращались в места своего прежнего места жительства. Основная масса мигрантов выбывала в другие регионы России. Эмиграция за рубеж имела свою специфику. В 1990-е гг. она носила масштабный, но волнообразный характер (табл. 1). Наибольшее количество эмигрантов за пределы России насчитывалось среди русских, белорусов, украинцев (уезжали в основном в Беларусь, Казахстан, Украину) и немцев (эмигрировали исключительно в Германию) [27, с. 76—79]. С начала 2000-х гг. количество выезжавших за рубеж сокращалась (табл. 1). В 2012—2013 гг. показатель отъездов резко увеличился. Возможно, это связано с выбытием трудовых мигрантов. Косвенным подтверждением может служить тот факт, что количество выбывших в Кыргызстан, Молдову, Таджикистан и Узбекистан в 2012 г. намного превышает число уехавших в эти страны в предыдущие годы [27, с. 78, 81; 30, с. 526—527; 31, с. 474—475; 39, с. 110—111]. Наибольшее количество ежегодных выбытий в страны дальнего зарубежья приходится на Германию.

Эмигрируют за пределы России представители разных этносов. Например, эмиграция немцев, евреев, поляков происходит под эгидой возвращения на историческую родину. В частности, директор некоммерческой организации «Развитие еврейской культуры в Калининградской области» С. Л. Стерлин отметил:

Евреи не эмигрируют. Евреи уезжают на свою Родину, в Израиль... Основные направления кроме Израйля — Германия и Америка. Едут и в Новую Зеландию, и в Канаду, и в Австралию. Но в первую очередь это репатриация в Израиль. Репатриация — это выполнение долга перед своим народом, перед своей страной [20].

Председатель польской национально-культурной автономии «Полония» Е. А. Рогачикова высказала следующее мнение:

В основном люди закрепляются в Польше... Есть семьи, которые уже из Польши уехали в Америку или Канаду. Но это единичные случаи. В Германию едут мало. <...> Было бы неверно утверждать, что поляки переселяются только на Запад. Конечно, переселение на Восток (т. е. в Россию) не является массовым. Конечно, это «маленький ручеек» по сравнению с «большим водным потоком» на Запад, но обратно тоже есть. И это показатель того, что не все измеряется материальными ценностями [17].

Следует отметить, что эмиграцию в Беларусь и Украину представители белорусского и украинского национально-культурных объединений не связывают исключительно с процессом возвращения на историческую родину. Председатель украинской национально-культурной автономии А. П. Костюк в интервью подчеркнул:

Такого принципа нет: я уезжаю, потому что я украинец и должен жить на Украине. Человек живет там, где он в настоящее время чувствует себя востребованным или реализовался каким-то образом. А чтобы просто так вернуться — этого нет [15].

Похожую тенденцию отметил и руководитель отделения посольства Республики Беларусь в Российской Федерации в Калининграде. П. Горбатенко:

Как такового массового оттока белорусов из России не наблюдается, все идет в рамках бытовой миграции... Много желающих переехать из сельской местности. Здесь они не востребованы, а в Беларуси — вплоть до предоставления жилья специалистам в области сельского хозяйства. И некоторые целыми семьями переселяются... Сейчас очень много молодых людей выезжают на учебу в Беларусь... Таким образом, происходит не этническая миграция, а миграция по интересам [16].

Довольно активно идет выезд за рубеж (на постоянное место жительства, на учебу, на работу) представителей других национальностей. Например, председатель правления Центра чеченской и ингушской культуры «Вайнах» Р. Х. Хациев отметил:

Очень много людей уехали в Европу... в Европе чеченцы хорошо живут, и их никто не ущемляет. Они удачно интегрируются [19].

Председатель РОО цыган Калининградской области «Траё» Е. С. Леонова подчеркнула:

Много уехало литовских цыган-католиков за границу. Много очень в Великобритании живут... У нас были люди, которые раньше жили в Литве

и имели литовское гражданство. Так вот, они уехали в Литву и дальше разъехались по Европе... В Германию сейчас много уехало цыган [21].

Таким образом, в постсоветский период на изменение численности и состава населения Калининградской области большое влияние оказали масштабные внешние миграции. Причины миграции на территорию региона во многом зависят от категории мигрантов. Для трудовых мигрантов первостепенное значение имеет востребованность на рынке труда и возможность большего заработка, чем на родине. Для участников Госпрограммы — возможность получения денежных компенсаций и ускоренный порядок оформления гражданства. Для широкого круга мигрантов — рекреационные возможности региона и перспективы развития бизнеса (наличие Балтийского моря и близость к Европе), а также толерантное отношение к приезжим. Определенный круг мигрантов рассматривает Калининградскую область как «транзитный пункт» в дальнейшем миграционном перемещении на Запад. Активный переезд людей на территорию региона способствует расширению миграционных сетей и тем самым формирует новую основу для дальнейшей миграции.

Трансформация полиэтничной структуры населения Калининградской области и роль миграций

Полиэтническая структура населения региона сформировалась еще в советский период. По данным переписи населения 1989 г. (табл. 3), наибольший удельный вес в составе жителей имели русские, белорусы, украинцы и литовцы. На долю перечисленных этнических групп приходилось 96,3 % всего населения региона. Соответственно, удельный вес представителей других этносов составлял 3,7%. Несмотря на небольшую их долю в составе населения, в Калининградской области проживали представители многих национальностей. Например, значительным было количество поляков, татар, мордвы, евреев, чувашей (табл. 3).

В постсоветский период полиэтничная структура населения региона претерпела некоторые изменения. В первую очередь увеличилась численность и доля русских (табл. 3), в основном за счет миграции. Согласно данным переписи 1989 г., русские составляли 78,5% населения области, остальные национальности — 21,5%; а по результатам переписи 2010 г. — 82 и 18% соответственно. Многие респонденты отмечали, что рост численности русских произошел как за счет миграции, так и в результате ассимиляции других этносов и увеличившегося количества межэтнических браков, дети от которых отдавали предпочтение русской национальности, идентифицировали себя как русские.

**Этническая структура населения Калининградской области
по данным переписей населения, чел.**

Национальность	1989	2002	2010
<i>Всего</i>	<i>871 159</i>	<i>955 281</i>	<i>941 873</i>
Азербайджанцы	1881	2959	3282
Армяне	1620	8415	9226
Белорусы	73 926	50 748	32 497
Грузины	523	681	578
Евреи	3200	1599	1123
Ингуши	102	213	172
Казахи	522	631	748
Корейцы	153	651	731
Латыши	978	709	516
Литовцы	18 116	13 937	9769
Молдаване	1342	1116	1045
Мордва	3482	2320	1600
Немцы	1307	8340	7349
Поляки	4287	3918	2788
Русские	683 563	786 885	772 534
Таджики	158	309	515
Татары	3556	4729	4534
Узбеки	519	631	2245
Украинцы	62 750	47 229	32 771
Цыгане	1223	1447	1251
Чеченцы	278	738	655
Чуваши	2671	2027	1384
Эстонцы	399	282	185
Туркмены	63	84	107
Киргизы	105	109	482
Не указали национальность	98	8859	48 021

Источники: составлено по [23—25].

Представители Калининградского землячества белорусов так объяснили ситуацию:

Люди живут в России, связывают свое будущее с Россией, поэтому и называют себя русскими. При переписи населения многие рассуждают так: я вырос в этой стране и буду русским человеком. В Калининграде белорусы так про себя шутят: белорус — это нормальный русский [16].

Мнение председателя украинской национально-культурной автономии: «Я знаю множество людей, которые имеют украинские фамилии и сами украинцы по паспорту, но они считают себя стопроцентными русскими» [15]. Представитель еврейской диаспоры выразился лаконично: «Проще жить, относя себя к титульной нации» [20].

Отметим, что сокращение численности и удельного веса традиционно крупных этнических общностей Калининградской области (белорусов, украинцев, литовцев, евреев, мордвы, поляков, чувашей) также связано со снижением рождаемости и миграцией за пределы региона. Параллельно в постсоветский период наблюдается процесс роста таких традиционно малочисленных в области этнических групп, как азербайджанцы, армяне, киргизы, корейцы, таджики, узбеки, чеченцы (табл. 3). Причем в интервью была подчеркнута определяющая роль миграций в увеличении численности этих народов [18; 19; 22]. Хотя, согласно данным официальной статистики, доля каждой из перечисленных национальностей в составе населения области зачастую не достигает и 1%.

Стоит обратить внимание на увеличение числа людей, не указавших свою национальность. Если при проведении переписи 1989 г. лишь 0,01 % населения Калининградской области не указали свою этническую принадлежность, то в 2002 г. — 0,9%, а в 2010-м — 5,1% (табл. 3). В данном случае прослеживается схожая закономерность с общероссийскими показателями: в 1989 г. в России 0,01 % участников переписи не указали свою национальность, в 2002-м — 1 %, в 2010-м — 3,9% [23; 24, с. 50—51; 25, с. 59—61]. Очевидно, что вопрос об этническом составе населения нельзя назвать простым, поскольку он связан с самоидентификацией человека и его желанием (или нежеланием) указывать свою национальную принадлежность. У некоторых людей, проживающих в иной этнической, языковой и культурной среде, вопрос о национальной принадлежности вызывает настороженность и наводит на мысль о возможной дискриминации. В таких случаях человек либо игнорирует данный вопрос, либо указывает другую национальность. Например, такие случаи распространены среди трудовых мигрантов:

Не каждый хочет говорить о своей национальности. Есть люди, которые боятся, что их будут преследовать. Например, таджик, гражданин Таджикистана не встал на миграционный учет или миграционный учет просрочен. И человек боится, что его могут депортировать [18].

Многие евреи не хотят афишировать свою национальность:

У евреев генетически уже, на подсознательном уровне, существует страх... Первый паспорт я получал, так мне в графе «национальность» написали «русский». Многие люди не хотят выставлять себя [20].

Изменялся ли этнический состав мигрантов? В 1997 г. по всем этническим группам, за исключением евреев и литовцев, было зафиксировано положительное сальдо миграции. Наибольший вклад в миграционный прирост населения Калининградской области внесли русские (74%), украинцы (10,9%) и армяне (4,5%) [26, с. 65—66]. Практически тот же расклад зафиксирован и в 1999 г. [27, с. 76—79]. В 2005 г. ситуация изменилась — очень большое количество мигрантов (28,2%) не указали свою национальность [34, с. 44—49]. И это стало косвенным доказательством их довольно пестрого этнического состава. Сегодня анализ этнической структуры мигрантов осложнен, поскольку с 2008 г. данные о национальном составе мигрантов не публикуются³.

Очень важно то, как воспринимает мигрантов местное население, потому что от этого зависит и отношение мигрантов к месту своего проживания. Необходимо подчеркнуть, что все респонденты отмечали толерантность населения Калининградской области и в силу этого привлекательность региона для людей разных национальностей: «Здесь люди более спокойные и нет такого межнационального напряжения... И никто не может сказать друг другу: "Вы сюда понаехали", потому что все сюда "понаехали"... Люди сюда приезжают не для того, чтобы конфликтовать, а чтобы жить, зарабатывать» [19]; «В Калининградской области все люди не местные, все приезжие... Может быть, поэтому здесь терпимо друг к другу относятся» [21]. «У очень многих армян была возможность уехать в другие регионы России. Но люди выбрали Калининградскую область как самый толерантный регион» [22].

Как видим, полиэтничная структура населения региона видоизменилась в постсоветский период, и решающую роль в этом сыграли миграционные процессы.

Заключение

Миграции играют важную роль в жизни общества и становятся серьезным испытанием как для самих мигрантов, так и для принимающего социума. С одной стороны, мигрантам необходимо адаптироваться к иной национальной, культурной и языковой среде, а также искать способы успешной интеграции в принимающее сообщество. С другой стороны, общество-реципиент также подвергается серьезной трансформации: происходят изменения в численности и составе населения, исчезают и появляются определенные элементы в культуре и нормах поведения, формируются новые настроения и т. д. В связи с этим возникает потребность в выработке различных механизмов (правовых,

³ С 2008 г. в листках статистического учета прибытий и выбытий отсутствует вопрос о национальной принадлежности мигрантов.

экономических, социальных), позволяющих включать мигрантов в принимающее общество и способствующих их дальнейшей социализации. Параллельно в принимающем социуме формируется определенное отношение к мигрантам. Они воспринимаются (по крайней мере, определенной частью населения) либо как *свои*, либо как *не свои*. И это может оказать существенное влияние на процесс формирования единого социума. Особенно актуальной эта проблема становится, когда речь идет о создании и развитии полиэтничного общества, каковым на сегодняшний день является калининградское общество.

Автор выражает благодарность председателям и членам национально-культурных объединений Калининградской области В. П. Горбатенко, Ф. Т. Геворкяну, С. М. Зезере, П. П. Корсукову, А. П. Костюку, Е. С. Леоновой, М. П. Майстровой, К. К. Расулову, Е. А. Рогачиковой, М. Саламову, С. Л. Стерлингу, Р. Х. Хациеву за интересные интервью и предоставленные дополнительные материалы по теме исследования, а также О. Х. Авдыша и А. А. Астахова за организационную поддержку.

Список литературы

1. Емельянова Л. Л. Анализ пространственной мобильности населения Калининградской области и вопросы миграционного регулирования // Регион сотрудничества. Калининград, 2006. Вып. 2 (49).
2. Емельянова Л. Л. Место Калининградской области в миграционных процессах России и стран региона Балтийского моря // Миграция и социально-экономическое развитие стран региона Балтийского моря : материалы международной конференции / под ред. Л. Л. Емельяновой, Г. М. Федорова. Калининград, 2008. С. 56—75.
3. Емельянова Л. Л., Кретицин Г. В. Формирование Калининградского социума и проблема миграции // Калининградские архивы: материалы и исследования : научный сборник. Калининград, 2008. Вып. 8. С. 159—166.
4. Емельянова Л. Л. Постсоветский период переписей населения и изменение национального состава населения Калининградской области России // Kwestie spisowe a tożsamość etniczno-kulturowa autochtonicznych mniejszości na pograniczach (Этнокультурная идентичность автохтонных меньшинств на пограничьях: дилеммы выбора и переписной контекст) / pod red. S. Jackiewicza. Białystok, 2012. С. 219—227.
5. Клемешев А. П. Об устойчивости калининградского социума // Регион сотрудничества. Вып. 17 : Дискуссионные вопросы регионального развития. Калининград, 2001.
6. Клемешев А. П., Федоров Г. М. Калининградский социум: по результатам социологических обследований 2001—2004 гг. // Регион сотрудничества. Вып. 6 (31) / под общ. ред. А. П. Клемешева. Калининград, 2004.
7. Кузнецова Т. Ю. Геодемографическая обстановка в странах Балтийского макрорегиона: проблемы и перспективы / под ред. Г. М. Федорова. Калининград, 2009.

8. *Тюрюканова Е.* Миграционные траектории и миграционные намерения жителей Калининградской области. Результаты социологического исследования / МОМ. М., 2008.

9. *Федоров Г. М., Зверев Ю. М., Корнеевец В. С.* Россия на Балтике: 2000—2007 годы : монография. Калининград, 2008.

10. *Федоров Г. М.* Население Калининградской области. Демографические условия обоснования Территориальной комплексной схемы градостроительного планирования развития территории Калининградской области и ее частей : монография. Калининград, 2001.

11. *Хрущев С. А.* Этнические аспекты демографических процессов в странах Балтийского региона // Балтийский регион. 2010. №4(6). С. 91—102.

12. *Костяшов Ю. В.* Секретная история Калининградской области. Очерки 1945—1956 гг. Калининград, 2009.

13. *Манкевич Д. В.* О проведении и некоторых итогах Всесоюзной переписи населения 1959 г. в Калининградской области // Калининградские архивы: материалы и исследования : научный сборник. Калининград, 2008. Вып. 8. С. 149—158.

14. *Калининградская область в цифрах* : краткий стат. сб. Калининград, 1996.

15. *Интервью* Е.П. Зимовиной с председателем региональной общественной организации украинской национально-культурной автономии «Наша Батьківщина» А.П. Костюком. 20.11.2013, Калининград (рукопись).

16. *Интервью* Е.П. Зимовиной с руководителем отделения Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации в Калининграде В.П. Горбатенко, председателем Совета общественной организации региональной национально-культурной автономии «Калининградское землячество белорусов» С.М. Зезерой и секретарем совета М.П. Майстровой. 27.11.2013, Калининград (рукопись).

17. *Интервью* Е.П. Зимовиной с председателем местной польской национально-культурной автономии Калининграда «Полония» Е.А. Рогачиковой. 04.12.2013, Калининград (рукопись).

18. *Интервью* Е.П. Зимовиной с председателем Калининградской региональной общественной организации таджикской культуры им. Исмоила Сомони К.К. Расуловым. 19.12.2013, Калининград (рукопись).

19. *Интервью* Е.П. Зимовиной с председателем правления центра чеченской и ингушской культуры «Вайнах» Р.Х. Хациевым и М. Саламовым. 21.12.2013, Калининград (рукопись).

20. *Интервью* Е.П. Зимовиной с директором некоммерческой организации «Развитие еврейской культуры в Калининградской области» С.Л. Стерлиным. 18.12.2013, Калининград (рукопись).

21. *Интервью* Е.П. Зимовиной с председателем РОО цыган Калининградской области «Траё» Е.С. Леоновой и зам. председателя П.П. Корсуковым. 22.01.2014, Калининград (рукопись).

22. *Интервью* Е.П. Зимовиной с председателем Армянской региональной национально-культурной автономии Калининградской области Ф.Т. Геворкяном. 18.02.2014, Калининград (рукопись).

23. *Национальный состав населения по регионам России. Всесоюзная перепись населения 1989 года*: URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pas_89.php (дата обращения: 15.01.2014).
24. *Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года*. М., 2004. Т. 4, кн. 1.
25. *Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года*. М., 2012. Т. 4.
26. *Демографический ежегодник Калининградской области* : стат. сб. Калининград, 1998.
27. *Демографический ежегодник Калининградской области* : стат. сб. Калининград, 2000.
28. *Демографический ежегодник Калининградской области* : стат. сб. Калининград, 2004.
29. *Демографический ежегодник России. 2002* : стат. сб. М., 2002.
30. *Демографический ежегодник России. 2005* : стат. сб. М., 2005.
31. *Демографический ежегодник России. 2009* : стат. сб. М., 2009.
32. *Демографический ежегодник России. 2012* : стат. сб. М., 2012.
33. *Численность и миграция населения Калининградской области в 2003 году* : стат. сб. Калининград, 2004.
34. *Численность и миграция населения Калининградской области в 2005 году* : стат. сб. Калининград, 2006.
35. *Численность и миграция населения Калининградской области. 2012 год* : стат. сб. Калининград, 2013.
36. *Численность и миграция населения Российской Федерации в 2008 году* : стат. бюл. М., 2009.
37. *Численность и миграция населения Российской Федерации в 2010 году* : стат. бюл. М., 2011.
38. *Численность и миграция населения Российской Федерации в 2011 году* : стат. бюл. М., 2012.
39. *Численность и миграция населения Российской Федерации в 2012 году* : стат. бюл. М., 2013.
40. *Миграция населения Калининградской области в январе — декабре 2013 года* : экспресс-бюллетень. URL: www.kaliningrad.gks.ru/wps/wcm (дата обращения: 30.01.2014).
41. *О реализации в Калининградской области Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом* : стат. сб. Калининград, 2013.

Об авторе

Елена Павловна Зимовина, кандидат исторических наук, ведущий специалист, Социально-гуманитарный парк, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: zimelena@yandex.ru

MIGRATION AND THE TRANSFORMATION
OF MULTIETHNIC POPULATION STRUCTURE
IN THE KALININGRAD REGION OF THE POST-SOVIET ERA

E. Zimovina*

** Immanuel Kant Baltic Federal University
14 a. Nevski str., Kaliningrad, 236041, Russia*

This paper analyses the migration processes and their influence on the transformation of multiethnic population structure in the Kaliningrad region. The author uses official statistics (current statistics and census data), as well as interviews with the representatives of ethnic cultural associations as information sources. Special attention is paid to the migration features associated with different ethnic groups. The author identifies major reasons behind the incoming and outgoing movement of population. In the post-Soviet period the Kaliningrad region has experienced positive net migration. This active migration into the region has contributed to the development of “migration networks” and established a new basis for further population increase through migration. The article describes changes in the regional multiethnic population structure and identifies key factors behind them. It is concluded that migration has played the decisive role in the process of multiethnic population structure transformation in the Kaliningrad region in the post-Soviet period. The author views migration as a serious test for both the migrants and the receiving society. On the one hand, migrants have to adapt to a different national, cultural, and linguistic environment and look for the ways of successful integration into the receiving society. On the other hand, the receiving society also faces a serious transformation as a result of the changing population size and structure, the emergence of new elements in culture, rules of behaviour, and the development of new attitudes.

Key words: Kaliningrad region, population, migration, multiethnic structure, post-Soviet period

About the author

Dr *Elena Zimovina*, Senior Specialist, Social Sciences and Humanities Park, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: zimelena@yandex.ru

**ОПЫТ
НАДНАЦИОНАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ
ИНТЕГРАЦИИ
МИГРАНТОВ ЕС**

А. В. Лялина*

Отмечается, что интеграция мигрантов — неотъемлемая часть современной жизни практически всех европейских государств, реализующих активную миграционную политику. Цель данной статьи состоит в определении социально-экономических и демографических условий формирования национальной политики интеграции мигрантов в свете реализации общеевропейских директив. Результаты исследования позволят приблизиться к пониманию механизмов формирования эффективной интеграционной политики. Дается обзор основных форм социальной интеграции мигрантов. Представлен краткий анализ существующих социологических теорий и концепций. Анализируется опыт реализации наднациональной политики интеграции граждан третьих стран на территории Евросоюза, основных ее направлений и инструментов. На основе статистических данных с помощью корреляционного анализа выявлены основные факторы, влияющие на подход стран ЕС к интеграции иммигрантов. С помощью отобранных факторов был проведен кластерный анализ, который позволил выделить четыре группы стран.

Исследование показало, что, несмотря на широкомасштабную и позитивную наднациональную политику ЕС, европейские государства на фоне различий в социально-экономическом и демографическом развитии неодинаково подходят к реализации миграционной политики в области интеграции. Проведенное исследование дает основание утверждать, что в странах, реализующих толерантный подход к иммигрантам, уровень преступности значительно выше, чем в государствах с выборочной или вообще слабой политикой в отношении интеграции мигрантов. Анализ реализации общеевропейской политики ЕС выявил высокую актуальность модернизации существующих подходов интеграционной политики.

Ключевые слова: политика интеграции мигрантов, мигрант, мультикультурализм, индекс МІРЕХ

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта.
236041, Россия, Калининград,
ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 26.03.2014 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2014-2-8

© Лялина А.В., 2014

Сегодня в условиях стабильно невысокого уровня естественного воспроизводства населения (0,5 человека на 1000 жителей) и развития третьего демографического перехода в большинстве стран Евросоюза миграция стала одним из источников трудовых ресурсов (если учесть, что основным видом миграции выступает миграция трудовая) и мощным двигателем экономики. В то же время приток иноэтничных мигрантов, порой кардинально отличающихся по своим культурным и материальным ценностям и традициям от коренного населения, заставляет сегодня все чаще говорить о миграционной проблематике в контексте национальной безопасности даже в таких толерантных по отношению к мигрантам странах, как Великобритания и Швеция [1; 4]. Поэтому осознание важности развития новых подходов и инструментов интеграции мигрантов с целью максимального использования потенциала миграции и обеспечения безопасности как на национальном, так и на общеевропейском наднациональном уровне весьма актуально. Для этого первоначально необходимо изучить основные положения и подходы существующей наднациональной миграционной системы, регулирующей интеграцию мигрантов на европейском пространстве, определить, какие государства ЕС осуществляют наиболее активную интеграцию мигрантов, и составить их социально-экономический профиль.

В мировой теории и практике насчитывается множество исследований, посвященных изучению моделей и механизмов интеграции мигрантов. Само понятие «интеграция мигрантов», которое в западных фундаментальных и прикладных работах зачастую путают с понятиями ассимиляции и адаптации, по мнению российского социолога А. Прохоровой, подразумевает две неотъемлемые составляющие — правовую интеграцию и социализацию. Ключевой момент в процессе интеграции долгосрочных легальных мигрантов — наделение граждан третьих стран теми же правами, что и коренное население. Анализируя отечественный опыт миграционной политики, В. Мукомель данный вид интеграции определяет как «процесс встречного движения культур принимающего социума и культур мигрантов, смешение культурных норм и ценностей, изначально функционировавших сепаратно и, возможно, противоречащих друг другу» [3, с. 5]. Приведенное определение предполагает наличие ответственности за процесс интеграции не только со стороны государства, правительства, общественных институтов и принимающего социума, но и, в первую очередь, самого мигранта.

Западными научными школами выделяются четыре формы социальной интеграции мигрантов: аккультурация (Aculturation, или So-

сialization), размещение (Placement — в значении «трудоустройство»), взаимодействие (Interaction), идентификация (Identification) [11; 12]. Аккультурация — это процесс, в рамках которого индивид получает знания, культурные стандарты и компетенции, необходимые для успешной интеграции в принимающее сообщество. Размещение, в свою очередь, подразумевает более высокую степень интеграции мигранта, а именно достижение конкретной позиции в обществе — в образовательной или экономической системе, в профессиональном или гражданском плане. Также под размещением понимают получение мигрантом прав, связанных с конкретным положением в обществе, и возможностей строить взаимоотношения в социуме, достигать и получать какую-либо культурную, социальную или экономическую выгоду. Взаимодействие обуславливает наличие в обществе взаимосвязей и системы сетевого взаимодействия между индивидами. Например, дружеские или романтические отношения, замужество или членство в каких-либо социальных группах. Идентификация — это процесс самосознания, самоопределение иммигрантом своего места в обществе.

Вопросы и особенности смешения культур мигрантов и принимающего общества, формы интеграции исследуются западными учеными на основе четырех социологических теорий интеграции мигрантов: ассимиляционная концепция (концепция «плавильного котла»), концепции мультикультурализма и структурализма, теория сегментированной ассимиляции.

Самой первой интеграционной моделью стала концепция «плавильного котла», одним из авторов которой был Милтон Гордон (1964 г.). Она использовалась в формировании национального государства в США и Франции до 1980-х гг. В ее основу легли понятия гомогенной культуры и единой национально-государственной идентичности (конец XIX — начало XX в.) [15]. Данная модель предполагает отказ мигрантов от собственной идентичности, культуры в пользу идентичности принимающего общества. Страны, выбирающие такой путь интеграции иммигрантов, в основном преследуют цель нивелировать социально-культурное многообразие общества, сформировать единую, этнически индифферентную нацию, что обеспечивает более легкое управление социумом. А ответственность за реализацию модели ассимиляции при этом полностью лежит на иммигранте.

Позднее появилась противоположная по принципу интеграции мигрантов модель — мультикультурализм. В качестве официальной государственной политики она выступила в принимающих мигрантов странах Европы (Нидерланды, Великобритания, Франция после

1980-х гг., Германия, Швеция). Основоположниками данной концепции стали Нотан Глэзер, Даниэль Мойнихан (1970 г.) и Оскар Хэндлин (1973 г.) [14; 16]. В отличие от первой теории данный подход предполагает, что основным рычагом в реализации мультикультурного общества станет принимающий социум. Появившаяся во второй половине XX в. концепция мультикультурализма построена на формировании социума, в котором будут равноправно и успешно сосуществовать различные культуры. Главная особенность такого подхода — интеграция мигрантов по принципу формирования гражданской идентичности, т. е. наделение равными правами личность, а не этнические группы.

Сегодня многими специалистами признаются существенные недостатки обоих теоретических подходов. Практика реализации ассимиляционной политики показала, что главный принцип этой модели — полное «растворение» идентичности иммигранта в принимающем социуме — несостоятелен. Влияние культуры этнических меньшинств на доминирующую культуру в США, мусульманских общин во Франции невозможно отрицать. В части, касающейся мультикультурной модели, общественной критике сегодня подвергается положение о равноправии культур, которое стимулирует обособление иноэтничных групп и противопоставление их культур ценностям и стереотипам принимающего общества и ведет к межэтническому противостоянию. На этой почве из-за участившихся случаев массовых беспорядков и погромов среди иноэтничного населения главами многих европейских государств была озвучена резкая критика политики мультикультурализма, некоторые объявили о полном провале такой модели [2; 5].

Иных теоретических взглядов на вопросы интеграции мигрантов придерживаются авторы концепции структурализма — Питер Блау, Отис Дункан (1967 г.) [7], Алехандро Портес и Жозеф Бороз (1989 г.) [22]. Сторонники данного подхода акцентируют свое внимание не на модели приживаемости и адаптации иноязычного населения, а на том, каким образом социально-экономическая структура принимающего общества влияет на способность мигрантов интегрироваться и увеличивать свой экономический потенциал. Главное положение данного подхода заключается в том, что успех процесса интеграции мигранта в значительной степени зависит от того, какой слой общества абсорбирует нового иммигранта.

Последней современной теорией выступает концепция сегментированной ассимиляции (Алехандро Портес и Мин Джоу, 1994 г.) [21], которая как бы объединила предыдущие попытки моделирования путей интеграции иммигрантов с изучением детерминант самого

процесса. Ее авторы выделяют три наиболее явных и популярных схемы интеграции:

— растущая ассимиляция и параллельная интеграция в средний класс;

— интеграция в безвозвратную бедность и ассимиляция в беднейшие слои принимающего общества;

— быстрая экономическая интеграция с преднамеренным изолированием или консервацией ценностей и идентичности иноязычного населения, приводящая к сложным и напряженным взаимоотношениям в обществе.

Однако выбор того или иного пути интеграции, по мнению авторов концепции, определяется исходя из исторических предпосылок каждой группы мигрантов, особенного профиля такой группы, характеризующего ресурсы и социальную уязвимость иммигрантов.

Интеграция мигрантов в принимающем сообществе является частью проводимой в странах ЕС миграционной политики. Наряду с формированием национальных интеграционных политик, Европейским союзом с начала 2000-х гг. предпринимаются значительные усилия по формированию наднациональной политики. Так, в 2004 г. Советом юстиции и внутренних дел ЕС в рамках Программы интеграции на 2005—2010 гг. были приняты обязательные к выполнению основные принципы интеграционной политики. Позднее, в 2011 г. была разработана и принята новая Европейская программа интеграции граждан третьих стран (далее — Программа) [6]. В ней делается акцент на формировании политики интеграции «снизу — вверх», начиная с местного и локального уровней, что обеспечивает более интенсивное вовлечение иммигрантов в экономическую, социальную, культурную и политическую жизнь общества. В частности, крайне важным видится повышение роли представителей иноэтничных меньшинств в разработке самой политики интеграции. Среди новых направлений — создание благополучной среды для адаптации и интеграции иммигрантов в наиболее уязвимой городской среде, где оседает основная часть иммигрантов, особое внимание к представителям второго и третьего поколений граждан третьих стран. Для выполнения основных общеевропейских принципов авторами Программы был разработан пакет инструментов реализации успешной политики интеграции иммигрантов. Из данных инструментов может формироваться национальная система, адаптированная к конкретным условиям, целям и задачам. Это так называемые европейские «модули интеграции» [10], построенные на опыте стран по реализации интеграционной политики. Инструментарий этих модулей разделен по трем тематическим областям:

- подготовительные и языковые курсы;
- повышение заинтересованности и вовлечение принимающего общества в процессы интеграции мигрантов;
- активное участие мигрантов во всех сферах общественной жизни.

Работчики наднациональной европейской системы интеграции мигрантов признают, что наиболее важным условием в реализации эффективной интеграционной политики выступает взаимное многоуровневое сотрудничество между всеми заинтересованными сторонами — начиная от работодателей и профсоюзов, наднациональных европейских институтов и заканчивая государственными органами стран — доноров мигрантов.

Основные направления наднациональной политики интеграции мигрантов в ЕС включают в себя следующее.

1. Мероприятия, направленные на подготовку и поддержку мигрантов перед отъездом, проведение подготовительных программ обучения (развитие языковых компетенций), совершенствование методов признания квалификаций и навыков мигранта.

2. Мероприятия, направленные на налаживание взаимосвязей между принимающим обществом и страной происхождения.

3. Мероприятия, направленные на интеграцию женщин и наиболее уязвимых групп мигрантов.

4. Мероприятия, направленные на расширение участия мигрантов в политической и социальной жизни общества, в рынке труда посредством стимулирования приобретения ими языковых навыков и совершенствования образовательной системы принимающего государства в части повышения эффективности усвоения образовательных программ детьми иммигрантов. Мероприятия по устранению препятствий для участия мигрантов в политической жизни общества, особенно в разработке политики интеграции.

5. Мероприятия, направленные на создание и укрепление институциональных и межведомственных связей с заинтересованными сторонами, а также стимулирование участия местных и региональных субъектов в определении политики интеграции мигрантов в рамках программ ЕС.

6. Мероприятия, направленные на более эффективное использование финансовых инструментов ЕС.

7. Мероприятия, направленные на решение проблем отдельных территорий, испытывающих большую нагрузку миграционного прироста населения (особенно в городских районах).

8. Мероприятия, направленные на формирование недискриминационной обстановки в обществе, на внедрение принципа равноправия.

9. Мероприятия, направленные на обмен лучшим опытом в сфере интеграции мигрантов, в области их занятости, образования и социальной политики между государствами — участниками ЕС.

10. Мероприятия, направленные на совершенствование механизмов мониторинга и контроля реализации политики интеграции в странах — членах ЕС [8; 9].

Анализ направлений интеграции граждан третьих стран, согласно которым сегодня реализуется общеевропейская политика, показывает две характерные черты:

1) *широкий масштаб* деятельности Евросоюза по интеграции иноэтничного населения: от решения проблем неблагополучных высокоурбанизированных районов (городских территорий) до привлечения к процессу интеграции стран выхода мигрантов;

2) *позитивный характер* интеграционной политики: любым способом наделить иммигранта равными правами (обеспечить полноценный доступ к общественным и политическим институтам) с коренным населением и снизить межэтническую напряженность в обществе.

Такой взгляд на иммигранта и его роль в обществе дает основания полагать, что интеграция иноэтничного населения как часть всей миграционной политики ЕС направлена, прежде всего, на решение демографических проблем.

Работа сети национальных координационных центров по интеграции, ежегодное проведение Конференции министров по интеграции и Европейского форума для обмена наилучшим опытом между странами ЕС, создание и поддержка европейского веб-сайта (<http://ec.europa.eu/ewsi/en/>), издание справочника по интеграции — все это создает площадку для совершенствования общеевропейской политики адаптации граждан третьих стран и внедрения основных тезисов данной политики в национальные законодательства. Но все эти усилия не имели бы такого широкого резонанса, если бы общеевропейскими институтами не осуществлялась целевая финансовая поддержка мероприятий по интеграции иммигрантов. Единый подход ЕС к миграции опирается на четыре фонда, общий объем средств которых составлял 4 млрд евро на период 2007—2013 гг.: Европейский фонд интеграции мигрантов, Европейский фонд беженцев, Фонд возвращения мигрантов, Фонд внешних границ. Посредством использования этих финансовых инструментов Евросоюз не только стремится к укреплению общей миграционной политики в регионе ЕС, но и помогает тем странам, которые в силу экономических причин (дефицит бюджета, например) не могут привести национальное миграционное законодательство в соответствие с евро-

пейским, найти возможность внедрить единые стандарты управления миграцией. Так, в 2007—2010 гг. почти 70 % Европейского фонда интеграции мигрантов было направлено пяти бенифициарам — Испании, Италии, Германии, Великобритании и Франции, — где, по расчетам Еврокомиссии, в течение предыдущих трех лет законно проживало самое большое количество граждан третьих стран. Еще одна цель создания фондов — стимулирование взаимодействия стран ЕС в части обмена информацией и передовыми практиками. Особое внимание при этом уделяется проблемам интеграции молодежи, которые очень актуальны для Франции, Италии и Испании.

Европейский фонд интеграции мигрантов (2007—2013 гг., 825 млн евро) направлял свою деятельность на финансирование проектов по совершенствованию национальных программ адаптации мигрантов. Среди таких инициатив были программы по улучшению управления этнически многообразным населением в пригородах, межкультурное обучение и диалог (например, дискуссионные онлайн-форумы, конференции и т. д.), сопровождение иммигрантов в процессе интеграции в социальные и экономические системы (например, межкультурное посредничество при обращении к услугам здравоохранения) и многое другое [18].

Важным результатом работы над Программой стал комплекс индикаторов, с помощью которых можно провести мониторинг реализации политики адаптации иммигрантов, оценить степень интеграции вопросов в общую национальную политику и достичь главной цели — понять, каковы результаты и перспективы интеграции мигрантов [23]. При этом для расчета показателей используются не только данные национальных статистических агентств и европейского статистического бюро «Евростат» (*Eurostat*), но и результаты специализированных обследований и программ (Европейское обследование рабочей силы и др.). Отметим, что ранее (в 2004 г.) совместно Британским советом в Брюсселе, Британским центром внешней политики и европейской некоммерческой организацией «Группа по миграционной политике» (Migration Policy Group) был разработан индекс политики интеграции мигрантов (MIPEX — Migrant Integration Policy Index) [20]. По мнению многих экспертов, именно этот сводный показатель наиболее точно отражает в сопоставимом формате степень соответствия национального миграционного законодательства директивам ЕС и конвенциям Совета Европы, касающимся правового положения граждан третьих стран.

Согласно классификации стран по индексу MIPEX, 12 из 27 европейских государств, по которым рассчитаны значения индекса, при-

держиваются политики частичной интеграции мигрантов, ограничиваясь только разработкой и внедрением мер по предоставлению возможностей длительного пребывания на территории принимающей страны, стимулирования воссоединения семей мигрантов и иногда (характерно не для всех стран) развитием недискриминационного подхода к мигрантам в обществе (табл. 1).

Таблица 1

**Ранжирование стран — членов ЕС (кроме Хорватии)
по значениям индекса МІРЕХ 2007, 2010 гг.**

Ранг 2010 (2007)	Государство	Индекс МІРЕХ	
		2007	2010
1	Швеция (2)*	84,7	83,1
2	Португалия (1)	76,4	78,8
2	Финляндия (2)	69,5	69,2
2	Нидерланды (2)	70,8	67,7
2	Бельгия (2)	64,4	67,3
2	Испания (1)	61,7	62,5
2	Италия (1)	65,3	60,4
2 (3)	Люксембург (4)	51,9	60,2
3	Германия (2)	58,9	57,4
3 (2)	Великобритания (2)	65,8	56,6
3	Дания (2)	50,9	52,7
3	<i>Евросоюз</i>	53,7	51,3
3	Франция (2)	54,0	50,6
3	Ирландия (1)	52,3	48,6
3 (4)	Греция (1)	40,1	49,0
3	Словения (1)	52,5	48,5
3	Эстония (3)	43,3	46,0
3	Чехия (3)	42,1	45,8
3	Румыния (3)	—	45,2
3	Венгрия (3)	47,2	44,9
3	Польша (3)	43,3	41,8
3 (4)	Австрия (2)	39,2	41,0
4	Болгария (3)	—	40,5
4 (3)	Литва (3)	42,7	39,8
4	Мальта (3)	40,0	36,9
4	Словакия (3)	38,4	36,3
4	Кипр (3)	36,2	35,2
4	Латвия (3)	30,4	30,7

* В скобках дан номер кластера, к которому отнесена данная страна:

- кластер 1 — с индивидуальным сегментированным подходом к интеграции мигрантов;
- кластер 2 — с интенсивной политикой интеграции мигрантов;
- кластер 3 — с низким уровнем интеграции мигрантов;
- кластер 4 — смежный с кластером 2.

Источник: [17], а также расчеты автора.

Наиболее высокого уровня развития института интеграции мигрантов (более 80 баллов) достигла в своем законодательстве Швеция; высокого уровня (60—79 баллов) — Португалия, Финляндия, Нидерланды, Бельгия, Норвегия, Испания, Италия, Люксембург; низкого и наиболее низкого уровня (21—40 баллов) — Болгария и Словакия, Литва и Латвия, Мальта и Кипр. Стоит отметить, что по истечении трех лет с момента проведения первого исследования некоторые государства изменили направление своей политики, что отразилось в общем значении индекса MIPEX 2010 г. Так, Великобритания ужесточила правила получения гражданства и возможностей длительного пребывания в стране. Люксембург, Греция и Австрия, напротив, усилили свою деятельность по интеграции иноэтничных меньшинств за счет упрощения процедур получения гражданства (Люксембург, Греция), наделения мигрантов большими правами в политической жизни общества (Греция), их мобильности на рынке труда (Австрия).

Проведенный нами корреляционный анализ факторов развития интеграционной составляющей миграционной политики европейских государств выявил тесную прямую зависимость индекса MIPEX с уровнем преступности (табл. 2), а также показателями благосостояния принимающего общества: по мере увеличения средней заработной платы и ВВП на душу населения, снижения инфляции растет и уровень развития национальной интеграционной политики. Несмотря на то что общие показатели механического и естественного прироста населения не выявили сколько-нибудь значимое факторное влияние на развитие института интеграции мигрантов, снижение доли населения в трудоспособном возрасте неизменно повышает внимание к адаптации мигрантов со стороны государства. В то же время наблюдается некоторая (слабая) зависимость от структуры экономики: чем выше доля сектора социального обеспечения и ниже доля сектора услуг (торговли, ресторанно-гостиничного сектора и транспорта), сельского хозяйства, тем выше оценка политики интеграции мигрантов в стране.

Таблица 2

**Значение коэффициентов корреляции
условий развития интеграционной политики**

Фактор	Коэффициент корреляции с индексом МІРЕХ	
	Значение	Интерпретация
Уровень преступности, ‰	0,721	Высокая
Средний доход одного человека без детей, евро	0,658	Средняя
Доля населения в трудоспособном возрасте (15—64 лет), ‰	–0,617	Средняя
Индекс потребительских цен (по отношению к 2005 г.), ‰	–0,497	Слабая
ВВП на душу населения в текущих ценах, евро	0,496	Слабая
Валовая добавленная стоимость оптовой и розничной торговли; отелей и ресторанов; транспорта (в основных ценах), ‰ от ВВП	–0,479	Слабая
Валовая добавленная стоимость сельского хозяйства (в основных ценах), ‰ от ВВП	–0,437	Слабая
Валовая добавленная стоимость государственного управления и обязательного социального обеспечения; деятельности домохозяйств (в основных ценах), ‰ от ВВП	0,392	Слабая
Миграционный прирост/убыль населения на 1000 жителей, чел.	0,356	Слабая
Валовая добавленная стоимость финансового посредничества и операций с недвижимым имуществом (в основных ценах), ‰ от ВВП	0,341	Слабая
Валовая добавленная стоимость строительства (в основных ценах), ‰ от ВВП	–0,312	Слабая
Естественный прирост/убыль населения на 1000 жителей, чел.	0,246	Слабая
Численность населения, чел.	0,216	Слабая
Уровень безработицы, ‰	–0,214	Слабая
Индекс промышленного производства (по отношению к соответствующему периоду предыдущего года)	–0,133	Очень слабая
Доля вакансий (на 100 рабочих мест — занятых и вакантных), ‰	0,091	Очень слабая
Валовая добавленная стоимость промышленности, кроме строительства (в основных ценах), ‰ от ВВП	–0,054	Очень слабая
Доля граждан третьих стран в общей численности населения, ‰	0,034	Очень слабая
Валовая добавленная стоимость обрабатывающих производств (в основных ценах), ‰ от ВВП	–0,002	Очень слабая

Источник: [13], а также расчеты автора.

Для профилирования стран по уровню реализации политики интеграции мигрантов в государствах Евросоюза автором был проведен кластерный анализ по отобранным наиболее значимым условиям:

1) экономическим — ВВП на душу населения в текущих ценах в евро; индекс потребительских цен (по отношению к 2005 г.) в процентах;

2) социальным — уровень преступности в процентах; средний доход одного человека без детей в евро;

3) демографическим — доля населения в трудоспособном возрасте в процентах; миграционный прирост/убыль населения на 1000 человек (количество человек).

Проведенное исследование выявило три профиля (и один смежный) европейских государств, в разной степени реализующих интеграцию мигрантов (рис.).

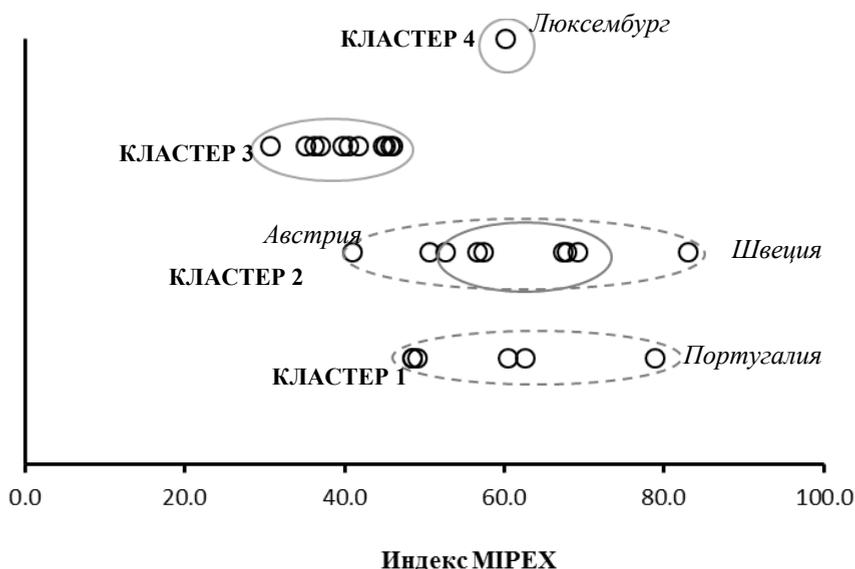

Рис. Результаты кластерного анализа стран по индексу MIREX, уровню миграционного прироста и доле населения в трудоспособном возрасте, уровню преступности и среднему доходу одного человека без детей, индексу потребительских цен и уровню ВВП на душу населения

Страны, отнесенные в первый кластер, можно охарактеризовать как государства с индивидуальным сегментированным подходом к интеграции мигрантов — они находятся в нижней части рисунка. Социальные, экономические и демографические условия в государствах этой группы наиболее близки к среднеевропейским показателям. По

тем или иным соображениям государственная политика в отношении наделения правами иммигрантов в этих странах варьируется от средних по ЕС показателей до крайне позитивных: например, в Португалии граждане третьих стран имеют доступ к рынку труда практически наравне с коренным населением, что удерживает прибывших трудовых мигрантов на местах, нивелируя тем самым сокращение населения. Такое отношение к иммигрантам поддерживается здесь и позитивными тенденциями в сфере воссоединения семей, снижением уровня дискриминации в обществе и повышением доступности гражданства. Напротив, Словения, Греция и Ирландия демонстрируют средние показатели в Европе (табл. 3).

Таблица 3

Средние значения кластеров

Кластер	Индекс МРЕХ	Миграционный прирост /убыль населения на 1000 человек, чел.	Доля населения в трудоспособном возрасте, %	Средний доход одного человека без детей, евро	Уровень преступности, %	Индекс потребительских цен (2005 г. взят за 100 %), %	ВВП на душу населения, евро
1 — шесть стран: Испания, Италия, Словения, Греция, Португалия, Ирландия	58	-1,1	67,32	28 760,75	3,8	111,84	22 767
2 — девять стран: Швеция, Бельгия, Франция, Нидерланды, Германия, Финляндия, Дания, Австрия, Великобритания	61	3,9	66,07	49786,10	7,7	110,25	33 722
3 — одиннадцать стран: Словакия, Румыния, Польша, Литва, Латвия, Эстония, Венгрия, Чехия, Кипр, Болгария, Мальта	40	-2,6	69,34	10 176,35	2,6	123,71	11 018
4 — одна страна: Люксембург	60	15,1	68,30	54 993,39	6,1	113,10	77 400
<i>В среднем по ЕС</i>	<i>52</i>	<i>1,5</i>	<i>66,90</i>	<i>38 050,68</i>	<i>4,8</i>	<i>111,91</i>	<i>24 500</i>

Источник: [13; 17], а также расчеты автора.

Страны, отнесенные во второй кластер, сконцентрированы на рисунке примерно в центральной части графика. Это государства с интенсивной политикой интеграции мигрантов и развитой экономикой, они характеризуются высоким и очень высоким (Бельгия) миграционным приростом; средним уровнем естественного воспроизводства населения при устойчивой динамике его старения и сокращения жителей трудоспособного возраста; достаточно низким уровнем безработицы; очень высоким размером заработной платы — не ниже 33 тысяч евро в год. Но в странах этой группы (как результат реализации активной мультикультурной модели общества) наблюдается высокий уровень преступности — в 1,6 раза превышающий среднеевропейские показатели. Причем в самой «гуманной» в отношении иноэтничного населения Швеции почти каждым седьмым жителем страны совершается преступление (это самый высокий показатель по ЕС), в Бельгии — каждым десятым. Поэтому для стран второго кластера чрезвычайно актуально ограничение столь открытой позиции государства по отношению к прибывающим иностранцам. Стоит отметить, что по общим профильным характеристикам в данную группу попала Австрия, которая не отличается высоким индексом интеграции мигрантов, но по отобраным показателям социально-экономического развития относится ко второму кластеру.

Наименьшее развитие института интеграции мигрантов характерно для стран третьего кластера — с низким уровнем интеграции мигрантов. Эти государства не испытывают миграционной нагрузки; здесь наблюдается убыль населения (как естественная, так и механическая); уровень безработицы значительно превышает среднеевропейские показатели (кроме Кипра, Чехии и Румынии); средний доход одного человека без детей почти в 4 раза ниже, чем по ЕС. В то же время преступность здесь остается на довольно низком уровне: от 10 до 45 преступлений на 1000 жителей (по данным 2010 г.). Руководство этих стран сегодня не видит в качестве первоочередной задачи национальной миграционной политики реализацию интеграции мигрантов. Однако в существующих социально-экономических условиях адекватная целевая интеграционная политика поможет повысить привлекательность стран, прежде всего для возвращающихся эмигрантов, и позволит обратить миграционный отток населения вспять, а для Кипра даст возможность повысить эффективность иммиграции.

Люксембург, отнесенный в четвертый кластер, наиболее близок по социально-экономическим и демографическим условиям к государствам второй группы. Но то, что население Люксембурга харак-

теризуется в ЕС самой большой долей граждан третьих стран в своем составе и самым высоким уровнем ВВП, приходящимся на одного жителя страны, дает основания выделить это государство в отдельную группу. Кроме того, сегодня национальное законодательство в области интеграции мигрантов постоянно совершенствуется с целью достижения максимальной выгоды от значительной иммиграции, особенно в области повышения мобильности иностранцев на рынке труда, ведь иностранные работники в Люксембурге (наряду с Великобританией и Ирландией) более квалифицированные, чем коренное население [19].

Анализ опыта наднациональной политики интеграции мигрантов в Европейском союзе и фактическая ее реализация странами ЕС показал, что, несмотря на большие усилия со стороны органов Евросоюза в части развития интеграции мигрантов на его территории, далеко не все государства стремятся наделять правами граждан третьих стран наравне с коренным населением, не весь разработанный инструментарий используется при проведении интеграционной политики. Основным принципом для большинства европейских государств остается обеспечение национальной безопасности. Кроме того, позитивная интеграционная политика ряда стран Европы (отраженная в значениях индекса интеграции мигрантов в 2010 г.), главным образом Швеции, Бельгии, Финляндии, Дании и других, уже пересмотрена главами этих государств в связи с повышением уровня преступности среди иноэтничного населения.

Однако сегодня стоит говорить не столько о несостоятельности интеграционной политики в целом, сколько о необходимости модернизации интеграционных моделей и инструментария, с помощью которого возможно регулировать адаптацию прибывающих мигрантов в экономических, политических, социальных и общественных структурах принимающего общества.

На наш взгляд, это могут быть решения о недопущении формирования иноэтничных анклавов, что приводит к нарастанию межэтнической напряженности, особенно в городах; об активизации деятельности общественных и профсоюзных организаций, поддержке адаптационных настроений среди мигрантов (посредством финансирования их инициатив); о стимулировании взаимодействия между различными сторонами, вовлеченными в процесс интеграции иммигрантов; а также дальнейшее изучение условий формирования миграционной политики того или иного государства в области интеграции граждан третьих стран.

Список литературы

1. *Беспорядки* в Великобритании. URL: <http://www.rg.ru/sujet/4464/> (дата обращения: 19.12.2013).
2. *Меркель* заявила о провале мультикультурализма. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/10/101016_merkel_multiculturalism_failed.shtml (дата обращения: 06.01.2014).
3. *Мукомель В. И.* Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски : рабочая тетр. / гл. ред. И. С. Иванов. М., 2013.
4. *Победили* Стокгольмский синдром. URL: <http://expert.ru/2013/05/28/pobedil-stokgolmskij-sindrom/> (дата обращения: 19.12.2013).
5. *Саркози* признал провал мультикультурализма. URL: <http://lenta.ru/news/2011/02/11/fail/> (дата обращения: 06.01.2014).
6. Совет Европейского союза. URL: <http://www.es.gov.lv/kak-dejstvuet-es/sovet-evropejskogo-soyuza> (дата обращения: 15.01.2014).
7. *Blau I., Duncan O. D.* The American Occupational Structure. N. Y., 2007.
8. *Communication* from the Commission to the Council, the European Parliament, the European Economic and Social committee and the Committee of the Regions - A Common Agenda for Integration - Framework for the Integration of Third-Country Nationals in the European Union (COM/2005/0389 final). URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52005DC0389&from=EN> (дата обращения: 17.01.2014).
9. *Communication* from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions European Agenda for the Integration of Third-Country Nationals (COM/2011/0455 final). URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52011DC0455&from=en> (дата обращения: 17.01.2014).
10. *Draft* European Modules on Migrant Integration. URL: http://ec.europa.eu/ewsi/UDRW/images/items/docl_25494_793453556.pdf (дата обращения: 10.01.2014).
11. *Esser H.* Soziologie. Spezielle Grundlagen. Bd. 2: Die Konstruktion der Gesellschaft. Frankfurt ; N. Y., 2000.
12. *Esser H.* Welche Alternativen zur ‘Assimilation’ gibt es eigentlich? // IMIS Beiträge. 2004. № 23. S. 41—60.
13. European Statistics Funds “Eurostat”. URL: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/eurostat/home/> (дата обращения: 02.03.2014).
14. *Glazer N., Moynihan D. I.* Beyond the Melting Pot: The Negroes, Puerto Ricans, Jews, Italians, and Irish of New York City. 2nd ed. Cambridge, MA, 1970.
15. *Gordon M.* Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion, and National Origins. N. Y., 1964.
16. *Handlin O.* The Uprooted. 2nd ed. Boston, MA, 1973.
17. *Index* Integration and Migration. URL: http://www.mipex.eu/sites/default/files/downloads/mipex_iii_de.pdf (дата обращения: 01.02.2014).

18. *Integration Fund* — National actions. URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/financing/fundings/migration-asylum-borders/integration-fund/national-actions/index_en.htm (дата обращения: 16.01.2014).
19. *Luxembourg: the occupational promotion of migrant workers*. URL: <http://www.eurofound.europa.eu/ewco/studies/tn0807038s/lu0807039q.htm> (дата обращения: 21.01.2014).
20. *Migrant Integration Policy Index*. URL: <http://www.mipex.eu/about> (дата обращения: 16.01.2014).
21. *Portes A., Zhou M. Should Immigrants Assimilate? //Public Interest. 1994. №116 (Summer). P. 1—17.*
22. *Portes A., Borocz J. Contemporary Immigration: Theoretical Perspectives on Its Determinants and Modes of Incorporation // International Migration Review. 1989. №23. P. 606—630.*
23. *Using EU Indicators of Immigrant Integration*. URL: http://ec.europa.eu/ewsi/UDRW/images/items/docl_37216_243039941.pdf (дата обращения: 18.12.2013).

Об авторе

Анна Валентиновна Лялина, аспирантка, аналитик Центра моделирования социально-экономического развития региона Инновационного парка, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: anuta-mazova@mail.ru

SUPRANATIONAL POLICY OF MIGRANT INTEGRATION IN THE EU

A. V. Lyalina

** Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevski Str., Kaliningrad, 236041, Russia*

Received on March 26, 2014

Integration of migrants is an intrinsic part of the modern life of almost all European states pursuing an active migration policy. This article sets out to identify socioeconomic and demographic conditions for the formation of a national migrant integration policy in the framework of implementing European directives. The study contributes to a better understanding of the mechanisms of efficient integration policy development. The article presents an overview of the major forms of social integration of migrants. The author analyses the existing sociological theories and con-

cepts, as well as the practice of implementing supranational policies of integrating third country nationals in the European Union and its major aspects and mechanisms. On the basis of statistical data and with the help of correlation analysis, the author identifies the key factors affecting a country's approach to the integration of immigrants. These factors were used in conducting a cluster analysis, which made it possible to identify four groups of countries. The study showed that, despite the large-scale and positive EU policy, due to differences in the socioeconomic and demographic development European states adopt different approaches to the implementation of migration policy in the field of integration. The author stresses that in the countries characterised by a tolerant approach to immigrants, the crime rate is much higher than in the states with a selective or poorly developed policy towards migrant integration.

Key words: migrant integration policy, migrant, multiculturalism, MIPEX

About the author

Anna Lyalina, PhD student, Centre for the Socioeconomic Regional Development Modelling, Science Park, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: anuta-mazova@mail.ru

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ

УДК 332.133 339.944 (474)

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ ПОСЛЕВОЕННОЙ ЛИТВЫ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИ ВОССТАНОВЛЕНИИ КЛАЙПЕДЫ

Г. В. Кретинин *

Исследуются вопросы восстановления народного хозяйства Литовской ССР в послевоенный период. Немецкая оккупация этой территории нанесла значительный ущерб промышленному и сельскохозяйственному комплексу. Предвоенная Литва была аграрной республикой, и в тот период перед ней была поставлена задача перейти на индустриально-аграрный путь развития. После войны эта задача не только сохранилась, но и была интенсифицирована. Однако для ее решения республика должна была обладать необходимой квалифицированной рабочей силой. В статье обращается внимание на то, что до войны подготовке рабочих для промышленного производства и строительства внимания практически не уделялось. Значительное сокращение населения Литвы в годы войны резко обострило и без того большой дефицит рабочей силы. Попытки руководства республики решить проблемы недостатка рабочих путем оргнаборов и трудовой мобилизации оцутимых результатов не принесли. Обращение к Центру с просьбой о направлении значительного количества специалистов и рабочих в Литву находили отклик, но в государстве, разрушенном войной, их в необходимом количестве не было. Одним из выходов из создавшегося положения стало использование труда немецких военнопленных. В Литве была развернута сеть лагерей военнопленных, трудом которых за два-три года был выполнен большой объем по восстановлению и строительству значимых народно-хозяйственных объектов. На примере восстановления Клайпеды показаны возможности региона и Центра по формированию трудовых ресурсов в Литовской ССР.

Исследование выполнено с использованием данных современной историографии и документов из Литовского государственного центрального архива.

Ключевые слова: война, народное хозяйство, восстановление, рабочая сила, военнопленные, строительство, квалификация, производство, кадры

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта. 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 30. 12.2013 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2014-2-9

© Кретинин Г. В., 2014

Проблема обеспечения народного хозяйства Литвы рабочей силой обострилась после перехода республики на социалистические методы хозяйствования летом 1940 г. Союзный Центр принимает решение о всестороннем развитии народного хозяйства, в результате чего отсталая аграрная страна должна была превратиться в сильную индустриальную республику.

Литве стали доступны богатые источники сырья, исчезли опасения перепроизводства продукции; перед промышленностью и сельским хозяйством республики открылись перспективы неограниченного роста. Впервые в межвоенный период промышленность Литвы могла быть пущена на полную мощность, фабрики и заводы стали работать в две и три смены. В результате имевшееся оборудование получило полную загрузку. В 1940—1941 гг. развернулось строительство крупных промышленных предприятий (цементный, станкостроительный, сахарный заводы, мощные кирпичные заводы и др.); началось возведение Турнишской гидроэлектростанции, на электрификацию и коммунальное хозяйство было отпущено около 50 млн рублей. В промышленность оказалось вовлечено значительное количество жителей республики.

Это была вторая попытка России перевести Литву на индустриальные рельсы. Первая относилась к дореволюционному периоду, когда в Литве началось формирование крупных промышленных предприятий. В результате в 1913 г. в Ковенской губернии функционировали 9 крупных металлообрабатывающих заводов с 3,3 тыс. рабочих. В межвоенный период понятие «крупное предприятие» изменилось: в 1926 г. в Литве насчитывалось 10 названной отрасли, считавшихся крупными, но работали на них в общей сложности менее 700 рабочих. Аналогичная картина наблюдалась и в других сферах промышленности. Например, в кожевенной число рабочих в 1913 г. составляло 2,5 тыс., а в 1939 г. — 1,6 тыс. человек [1, с. 7].

Литовские специалисты того времени отмечали: «...у нас в промышленности работает около 6% населения, в то время как в довоенной России в промышленности было уже занято 17% населения» (цит. по: [2, с. 216]).

В частности, в I квартале 1941 г. численность рабочих в промышленности увеличилась до 80 тыс. человек, а по плану на 1941 г. этот рост должен был стать еще более значительным: до 137 тыс. человек, что в пять раз превышало количество рабочих, занятых в промышленности довоенной Литвы [3, л. 123].

Планы были достаточно обоснованными. На вторую половину октября 1940 г. фонд трудовых резервов республики составлял 109 тыс. человек. В это количество входили 37 тыс. безработных, зарегистриро-

ванных на бирже труда, 27 тыс. занятых на сезонных общественных работах, 5 тыс. лишившихся прежнего источника доходов в связи с национализацией промышленных и торговых предприятий, 20 тыс. беженцев с польской территории, 8 тыс. занятых на временном строительстве железной дороги, сухопутных и водных путей, 2 тыс. — на лесных заготовках и 10 тыс. — на городском и другом строительстве. Причем 60% численности всего фонда составляли жители г. Вильнюса и Вильнюсского края [4, л. 97].

Надо отметить, что промышленным предприятиям (отраслям) и всему народному хозяйству требовались рабочие определенных профессий и квалификаций. Литовские специалисты сообщали, что из всей массы безработных 80% составляли неквалифицированные безработные (чернорабочие) (см., напр.: [5, с. 8]).

В Литовской Республике подготовка квалифицированной рабочей силы не проводилась, кадровые возможности Литвы были скудными. В марте 1945 г. общая численность рабочих и служащих здесь составляла 175 831 человек, из них в промышленности и строительстве были заняты около 60 тыс. [6, л. 11]. Мало изменилась ситуация и после окончания войны. Осенью 1945 г. общая численность рабочих и служащих оказалась 176 229 человек, а в промышленности и строительстве сократилась до 50 тыс. [Там же, л. 30].

Примечательно, что все наркоматы и ведомства Литовской ССР должны были восстановить и реконструировать фабрики, заводы, порты, другие предприятия, то есть выполнить прежде всего строительные работы. Поэтому строительные профессии оказались в 1945—1946 гг. исключительно дефицитными. Между тем Республиканское статистическое управление сообщало, что численность рабочих строительных и монтажных специальностей в Литве с февраля по октябрь 1945 г. составляла от 5 до 11,5 тыс. человек. Специалисты из союзных республик начали приезжать только летом 1945 г., значительно активнее — осенью-зимой этого года.

В апреле 1945 г. руководство республики предприняло попытку упорядочить использование рабочих, направляя их в первую очередь на наиболее важные объекты восстановления. С этой целью в Литве 26 апреля 1945 г. была объявлена трудовая мобилизация, в соответствии с которой города и уезды должны были направить по выданной им разнарядке СНК Литовской ССР рабочих в определенные ведомства и организации. Всего предполагалось мобилизовать 11 900 человек (для управления железных дорог — 5500, управления строительства и промышленности стройматериалов — 2950, наркомата коммунального хозяйства — 1700, наркоматов местной и легкой промышленности — по 400 человек и т. д.). Однако мобилизация сорвалась. Всего было моби-

лизовано около 1,5 тыс. человек. При этом, как оказалось, всего одну треть их составляли квалифицированные рабочие. А условия проживания, труда и организация питания рабочих были таковы, что мобилизованные вскоре просто «сбежали домой» [7, л. 31, 33].

По сути, неразрешимой становилась ситуация по заселению вновь приобретенного Литвой Клайпедского края. После войны он оказался совсем обезлюдившим: местному населению удалось в конце войны эвакуироваться на запад. Руководству Литвы пришлось решать переселенческую проблему в условиях общего дефицита населения; к тому же нужно учесть, что в ходе Второй мировой войны его численность в республике сократилась более чем значительно. Документы сообщают, что в 1940 г. общая численность жителей Литвы составляла 2 млн 879 тыс. человек [8, с. 54], а на начало 1946 г. в Литовской ССР проживали всего 2 млн 296 тыс. человек [9, л. 148].

Определенным выходом из положения стало использование на восстановительных работах труда военнопленных — их насчитывалось на территории Литвы 35 тыс. человек [10, л. 30]. Принимается решение: создать в Клайпедском лагере военнопленных на 6 тыс. человек, в том числе для работы в морском порту направить 1500 военнопленных.

Впрочем, такого количества военнопленных Клайпеда не получила. Документы сообщают, что их численность в отдельные периоды достигала 4,5 тыс. человек. В мае 1946 г. в Клайпедском лагере насчитывалось 4,1 тыс. военнопленных [11, л. 59].

И немецкие военнопленные, и воины Красной армии, проходившие службу в Клайпедском лагере, сыграли важнейшую роль при восстановлении города. Так, при организации морского торгового порта планировалось, что его штат будет состоять из около 3 тыс. рабочих и служащих. Однако списочная численность в 1945 г. оказалась всего 778 человек. Грузооборот же порта не корректировался в зависимости от количества работающих. А надо было одновременно вести и очистку порта и его акватории от следов войны. В сентябре 1945 г. в 16-й Литовской стрелковой дивизии был создан рабочий батальон численностью 1000 человек и отправлен на работу в порт. Затем туда же направили 950 военнопленных.

Использование труда последних имело и вторую сторону медали. Помощь народному хозяйству города была, но фактическая выработка военнопленного составляла только 67% плановой. Естественно, это не могло не сказаться на грузообороте порта, который смог выполнить плановые задания только на 40%. К тому же не хватало именно квалифицированной рабочей силы, как и специалистов инженерно-технического состава [12, л. 18—20].

Следует учесть, что городу использование труда военнопленных было выгодно: он не нес никаких затрат на их содержание. Охрана, перевозка, обеспечение питанием, медицинское и коммунальное обслуживание — все это возлагалось на НКВД СССР.

Для восстановления городской инфраструктуры, создания новых промышленных предприятий, просто для развития Клайпеды нужны были трудовые ресурсы из внешних, расположенных за пределами республики источников. Стало ясно, что кроме союзных республик помочь Клайпедке не мог никто, особенно в специфических отраслях народного хозяйства, например в морской отрасли.

Естественно предположить, что в Клайпеду было много переселенцев из других регионов СССР. Массовой кампании, подобной переселению в Калининградскую область, не было. В Клайпедскую область из советских республик ехали только специалисты (конечно, с семьями). Можно ли говорить об их количественном составе?

Даже если принять, что приток специалистов в Клайпеду мог составить около 5 тыс. человек в год (по аналогии с Тильзитом, куда за первый послевоенный год приехали из различных регионов от 3 до 5 тыс. переселенцев), подавляющего большинства среди населения города русские, белорусы и представители других национальностей составлять не могли. На 1 июня 1946 г. в Клайпедке насчитывалось 20 440 жителей, в ноябре того же года — 26 314, а в декабре — 29 090 человек [13, л. 129; 14, л. 105].

Обращает на себя внимание тот факт, что в переписке с учреждениями союзного Центра местные органы власти, ведомства и организации практически у всех союзных наркоматов запрашивали специалистов, выпускников ремесленных училищ, молодых рабочих по комсомольскому набору и т. д.

Так, Главное управление трудовых резервов при СНК СССР должно было «направить в распоряжение СНК Литовской ССР в течение августа-сентября месяца из числа выпускников ремесленных училищ 1000 квалифицированных рабочих (600 строителей, 300 металлостроителей и 100 деревообработчиков), в том числе для Клайпедского морского порта: металлостроителей различных специальностей — 50 человек, строительных рабочих — 150 человек» [15, л. 74—81].

В свою очередь, Наркомторгу СССР необходимо было «снабдить грузчиков, механизаторов, оперативных и складских работников, рабочих промышленных предприятий и строителей, а также ИТР порта в Клайпедке, продовольственными товарами по нормам... для рабочих предприятий особого списка; установить дополнительное второе горячее питание для названных групп работников, увеличив лимиты Наркомморфлота на 1500 человек; выделить для руководящих работников

Клайпедского порта лимиты обедов литер "Б" на 25 человек, сухие пайки по нормам особого списка на 25 человек, обеды по специальным обеденным карточкам на 75 человек» [15, л. 80].

Естественно, что прибывшие специалисты обеспечивались в льготном порядке и жильем. Все это и вызывало недовольство литовского населения, не занятого — в силу отсутствия необходимых профессиональных навыков — на предприятиях, подобных морскому порту.

Насущной задачей, стоявшей перед новой областью Литвы в первые месяцы советской власти, — в понимании ее руководства — была подготовка и проведение весенних сельскохозяйственных работ. Предполагалось, что в Клайпедской области весной 1945 г. будет организовано 30 совхозов по три отделения в каждом. Две недели давалось Наркомзему на разработку плана развития сети совхозов, машинно-тракторных и научно-исследовательских станций и других учреждений. К 15 февраля административный аппарат области необходимо было укомплектовать специалистами аграрных профессий: по 30 директоров совхозов, старших бухгалтеров, агрономов; 90 управляющих отделениями должны были прибыть к новым местам работы. Еще месяц отводился Наркомзему для подбора и направления в уезды Клайпедской области 3 тыс. крестьянских семей, которые должны были составить основу образуемой сети сельскохозяйственных предприятий на селе. Каждой семье планировалось выделить около 20 га земли. Кроме того, новоселам предписывалось осуществлять присмотр за незаселенными сельскими хозяйствами, расположенными поблизости [15, л. 36—37].

Однако кампания 1945 г. по включению земель Клайпедской области в сельскохозяйственный оборот с самого начала оказалась неудачной. Литовские крестьяне не стремились к переселению. Совнарком СССР, обеспокоенный медленным заселением Клайпеды и ее окрестностей, 12 июня 1945 г. обязал литовские власти в течение июня-июля переселить сюда 9600 крестьянских семей из других уездов Литвы [16, л. 284]. Московское постановление 20 июня было продублировано постановлением СНК Литовской ССР и ЦК КП(б) Литвы [17, л. 179]. Кажалось, что планировавшееся партийным руководством республики первоначальное переселение 3 тыс. крестьянских семей было даже перевыполнено. На 20 июля в область переехали 3584 семьи. Однако такое количество населения, даже с учетом 2436 семей местных, не эвакуированных немцами жителей, общей проблемы восстановления сельского хозяйства не решало.

На исходе осени 1945 г. СНК Литовской ССР был вынужден констатировать, что исполкомы республики неудовлетворительно выполняют постановление СНК и ЦК КП(б) Литвы от 20 июня [18, л. 179—180].

В постановлении отмечалось, что на 1 ноября 1945 г. план переселения крестьян и сельхозрабочих был выполнен только на 64,2% (из 9600 семей или хозяйств переселено всего 5399). Особенно отставали от плановых назначений Укмергский уезд, где процент выполнения оказался 10,8%, Алитусский — 13,7%, Утенский — 14,5%, Лаздийский — 20%. Говорилось об этом без указания причин: халатность это или умысел, или плохая работа исполнительных органов власти на местах. В частности, помимо крестьян по разнарядке СНК Литовской ССР в Клайпедскую область должны были ехать на новое место жительства также учителя, специалисты сельского хозяйства, медицинские работники и др. Но этого не происходило. Выдача единовременного пособия переселившимся крестьянам и рабочим совхозов задерживалась (на 1 ноября 1945 г. из 5399 переселившихся хозяйств денежную ссуду получили только 1223 хозяйства). Продажа телок переселенцам, не имевшим скота в местах прежнего проживания, не производилась (а это был наиболее значимый пункт из перечня льгот в условиях послевоенного голодного времени) [18].

Перечисленные выше и другие недостатки переселенческой политики (кроме того, что она поздно начала реализовываться) привели к фактическому срыву сельскохозяйственного года в Клайпедской области. Выяснилось, что самостоятельно решить ее аграрную проблему простым переселением туда крестьян Литва не может. По крайней мере, в короткие сроки. Необходима была помощь Центра.

Список литературы

1. *Мешкаускас К.* Подъем экономики Советской Литвы. Вильнюс, 1956.
2. *Шаджюс Г.* История Литвы 1918—1940 гг. в буржуазной историографии // История СССР. 1972. № 5.
3. *Пятилетие Советской Литвы* // LCVA. F. R-755. Ap. 2, b. 34. Справки, проекты писем Союзному Правительству, проекты постановлений СНК ЛитССР по вопросам восстановления народного хозяйства Лит ССР. L. 123.
4. *Баланс трудовых резервов в ЛССР* // LCVA. F. R-755. Ap. 2, b. 143. План производства продукции государственной промышленности Литовской ССР на 1941 год.
5. *Шаджюс Г.* К вопросу о ликвидации безработицы в Советской Литве в 1940—1941 гг. // Прибалтийским советским республикам тридцать лет : материалы к научной конференции институтов истории Академий наук Литовской, Латвийской и Эстонской ССР (20—21 октября 1970 года). Вильнюс, 1970.
6. *Сводный отчет ЦСУ Литовской ССР о численности и заработной плате рабочих и служащих по отраслям народного хозяйства за апрель месяц 1945 г.* // LCVA. F. R-755. Ap. 2, b. 35.

7. *Распределение* прибывших рабочих по наркоматам и ведомствам // LCVA. F. R-755. Ар. 2, b. 35.

8. *СССР и Литва* в годы Второй мировой войны : сб. документов. Вильнюс, 2006. Т. 1: СССР и Литовская Республика (март 1939 — август 1940 г.).

9. *Копия* правительственной телеграммы заместителя уполномоченного Госплана СССР Каспировича из Вильнюса в Москву, в управление статистики, 22 января 1946 г. // LCVA. F. R-363. Ар.1, b. 162.

10. *Письмо* А. Снечкуса наркому внутренних дел СССР Круглову об использовании военнослужащих на восстановительно-строительных работах // LCVA. F. R-755. Ар. 2, b. 159: Материалы по вопросам, поднятым во время правительственных сессий в Москве. 1946 г. (копии писем).

11. *Письмо* председателя Госплана Лит. ССР М. Шумаускаса А. Снечкусу о выполнении постановления Совмина Литвы от 8 мая 1946 г. «Об использовании военнопленных на строительно-монтажных работах» в Клайпеде // LCVA. F. R-754. Ар. 13, b. 68.

12. *Докладная* записка заместителя секретаря ЦК КП(б) Литвы Римшелиса А. Снечкусу о работе Клайпедского морского торгового порта // LCVA. F. R-755. Ар. 2, b. 159.

13. *Справка* ЦСУ Совета Министров Литовской ССР «Численность городского населения по Лит. ССР на 1 июня 1946 г». // LCVA. F. R-363. Ар. 1, b. 162.

14. *Отчет* ЦСУ Литовской ССР ЦСУ Госплана СССР об итогах регистрации актов гражданского состояния за 1946 г., декабрь 1946 г. // LCVA. F. R-363. Ар. 1, b. 162.

15. *О первоочередных* мерах по восстановлению народного хозяйства Клайпеды : постановление СНК Литовской ССР и бюро ЦК КП (б) Литвы, февраль 1945 г. // LCVA. F. R-755. Ар. 2, b. 34.

16. *Справка* о заселении уездов Клайпедского края по состоянию на 20 июля 1945 г. // LCVA. F. R-755. Ар. 2, b. 34.

17. *О переселении* крестьянских хозяйств и рабочих совхозов в Клайпедский, Шилутский и Пагегайский уезды из других уездов Литовской ССР : постановление СНК Литовской ССР и ЦК КП(б) Литвы, 20 июня 1945 г. // LCVA. F. R-755. Ар. 2, b. 124.

18. *О выполнении* постановления СНК Литовской ССР и ЦК КП(б) Литвы от 20 июня 1945 г. № 128 о заселении Клайпедского края : постановление СНК Литовской ССР // LCVA. F. R-755. Ар. 2, b. 124.

Об авторе

Геннадий Викторович Кретинин, доктор исторических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта; руководитель Балтийского информационно-аналитического центра Российского института стратегических исследований.

E-mail: baltrisi@baltnet.ru

HUMAN RESOURCES OF POST-WAR LITHUANIA AND THEIR ROLE IN THE REBUILDING OF KLAIPEDA

G. Kretinin*

* *Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevski Str., Kaliningrad, 236041, Russia*

Received on December 30, 2013

This article focuses on the issues of post-WWII economic restoration effort in the Soviet Lithuania. German occupation of the republic caused significant damage to its industry and agriculture. Pre-war Lithuania was an agrarian state aspiring to embark on an industrial-agrarian path of development. After the war, this aspiration did not only persist, but was intensified. To reach this objective, however, Lithuania required qualified workforce. Before the war, hardly any attention was paid to the training of workers for industrial-scale production and construction. Then, a considerable decrease in population during the war aggravated the already substantial labour shortage. The attempts of the republic's leadership to solve the problems of labour shortage through organised labour migration and labour mobilisation yielded no significant results. The appeals to the Centre with the request to send a substantial number of specialists and workers to Lithuania were heard, but a state ravaged by war did not have sufficient human resources. One of the solution was the use of labour of German prisoners of war. A network of prisoner-of-war camps was established in Lithuania. In a matter of two to three years, PWs completed a significant amount of work aimed at the rebuilding of important infrastructural objects. The case of Klaipeda is used to demonstrate the opportunities of the region and Centre in organising workforce in the Lithuanian SSR.

The study uses the data obtained by modern historiography and documents kept in the Lithuanian State Central Archive.

Key words: war, national economy, rebuilding, workforce, prisoners of war, construction, qualification, production, personnel.

About the author

Prof. Gennady Kretinin, Immanuel Kant Baltic Federal University; Head of the Baltic Information Analysis Centre of the Russian Institute for Strategic Studies.

E-mail: baltrisi@baltnet.ru

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — 0,5 уч.-изд. л. (20 тыс. знаков с пробелами), для научного сообщения — 0,15 уч.-изд. л. (6 тыс. знаков с пробелами).

4. Все присланные в редакцию работы проходят *внутреннее* и *внешнее рецензирование*, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. При подаче статьи на рассмотрение автор вместе с материалами рукописи должен представить внешнюю рецензию на работу (с обязательным указанием контактных данных рецензента: Ф. И. О., место работы, должность, e-mail, контактный телефон). При подаче статьи в электронном виде рецензию можно представить в формате PDF.

7. Статья направляется в редакцию журнала ведущему редактору периодической печати издательства Татьяне Юрьевне Кузнецовой по e-mail: tikuznetsova@kantiana.ru или tikuznetsova@gmail.com

8. С января 2013 г. статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале «Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта» http://journals.kantiana.ru/submit_an_article/ и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

9. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи на русском и английском языках (*до 12 слов*);

3) аннотацию на русском и английском языках (*приблизительно 1500 знаков*), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- вступительное слово о теме исследования;
- цель научного исследования;
- описание научной и практической значимости работы;
- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы;
- ценность проведенного исследования (какой вклад данная работа внесла в соответствующую область знаний);
- практическое значение итогов работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

4) ключевые слова на русском и английском языках (*4—8 слов*);

5) список литературы (*не более 25 источников*);

6) пристатейные библиографические списки оформляются на русском языке (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008) и *на латинице* (Harvard System of Referencing Guide);

7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте «Единая редакция научных журналов БФУ им. И. Канта» <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/> (информационно-методический комплекс «Как написать научную статью»).

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН
2014
2 (20)

Редактор *Л. Г. Ванцева*
Корректор *Е. В. Владимирова*
Верстка *О. М. Хрустальной*

Подписано в печать 29.05.2014 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. 13,7 л.
Тираж 1000 экз. (1-й завод — 100 экз.). Заказ 107.

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН
2014
2 (20)

Редактор *Л. Г. Ванцева*
Корректор *Е. В. Владимирова*
Верстка *О. М. Хрусталевой*

Подписано в печать 29.05.2014 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. 13,7 л.
Тираж 1000 экз. (1-й завод — 100 экз.). Заказ 107.

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

